

Константин Михайлович Фофанов

Полное собрание стихотворений

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176039

*Надежда и Осип Манделъштам. Полное энциклопедическое собрание
сочинений: ИДДК; 2002*

Аннотация

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге. Отец поэта был небогатым купцом, торговавшим в столице дровами, дед – олонецкий крестьянин. Воспитывался Фофанов в дешевых частных пансионах, хорошего образования не получил. Печататься начал с 1881 г., первая книга его стихотворений вышла в 1887 г. Мрачные десятилетия 80-90-х годов, время политической реакции в стране, время упадка сил и идейного разброда среди русской интеллигенции, наложили на творчество Фофанова свою резкую печать. Фофанов выступал глашатаем «чистого искусства», стремился в своих стихах уйти от пошлой и грубой действительности в мир волшебной мечты. Сын «больного поколения», он чтит порывы борцов за народное благо, сочувствовал бедным и сирым, но в бессилии перед злом лишь противопоставлял ему чистую, поэтическую природу, слагая романтические сказки о цветах и растениях. Поэзия

Фофанова окрашена в минорные тона; для нее характерна особая певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов. Порой его стих, порывистый и нервный, портят банальные «красивости». В 80-е годы Фофанов был одним из популярнейших поэтов. О нем тепло отзывались Лев Толстой, Майков, Чехов, его нежно любил Репин. Фофанов во многом оказался близок символистам, которые объявили его своим предшественником. Жизненный путь поэта был с юности отягощен постоянной нуждой, болезнью, невзгодами. Слава Фофанова к концу его дней уже закатилась. Умер он, оставив большую семью, полунищим.

Содержание

ИСТИНА	17
ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ	19
«Вселенная во мне, и я в душе вселенной...»	21
«Не бойся сумрака могилы...»	22
«Я обращаю речь к вам, выброски природы...»	23
«Потуши свечу, занавесь окно...»	24
«Полураздетая дуброва...»	25
«В кругу бездушном тьмы и зла...»	26
«Весенней полночью бреду домой усталый...»	27
«Это было когда-то давно...»	28
«Погребена, оплакана, забыта...»	29
«Ива с дубом, мечтая, росли у пруда...»	30
В ДИЛИЖАНСЕ	31
«В неприглядных стенах заключен я давно...»	32
«У поэта два царства: одно из лучей...»	33
«Безымянные стремленья...»	34
ТОСТ	35
«Мы при свечах болтали долго...»	36
ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК	37
«Печальный румянец заката...»	39
«Столица бредила в чаду своей тоски...»	40
МАЙ	41
«Уснули и травы и волны...»	43

«Не правда ль, все дышало прозой...»	44
ТАИНСТВО ЛЮБВИ	45
«С тоской в груди и гневом смутным...»	49
«Звезды ясные, звезды прекрасные...»	50
МУЗЕ	51
НЕЖНЫЕ ПИСЬМА	52
ДВА МИРА	53
НЕБО И МОРЕ	54
ЭЛЕГИЯ	55
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ	56
«Исполнен горького упрека...»	57
ПРИЗРАК	58
МИР ПОЭТА	60
ТЕНИ А.С. ПУШКИНА	62
«Умирала лилия лесная...»	64
«Она цветы свои любила...»	65
«Прекрасна эта ночь с ее красой печальной...»	66
ПЕСНЯ	67
УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА	68
НА ПОЕЗДЕ	70
К СКАЗКАМ	72
«Она была похожа на тебя...»	73
«Нет, мне не жаль, что умер этот день...»	74
«Забытую весной пахнуло на меня...»	75
ПЕРВАЯ ЗАРЯ	76
«Я родом финн – и гордая свобода...»	78

«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови...»	80
«Всегда мы чувствуем правдиво...»	81
«Отзвучали струны сердца...»	82
«Я помню дни весенних дум...»	83
«От луны небесной, точно от лампы...»	84
«Свечка догорела, спать давно пора бы...»	85
ДВОЙНИК	86
«Под напев молитв пасхальных...»	88
НАКАНУНЕ ЗИМЫ	89
СТАРЫЙ САД	91
«Шумят леса тенистые...»	93
«Печально верба наклоняла...»	95
«Блуждая в мире лжи и прозы...»	96
СТАРЫЕ ЧАСЫ	97
У ПЕЧКИ	100
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ	101
СОЛОВЕЙ	103
НА НЕВЕ	104
ОДУВАНЧИК	106
ЗА ГОРОДОМ	108
КОНЧАЕТСЯ!	110
«Заря вечерняя, заря прощальная...»	113
СМЕРТЬ ШУТА	114
Л. Н. ТОЛСТОМУ	117
В ДОРОГЕ	118
ВДОХНОВЕНИЕ	119

«Вдали, как чуткий страж, почитет лес безмолвный...»	120
СОН	121
ХУДОЖНИК	123
СТАНСЫ	125
«Была ль то песнь, рожденная мечтою...»	126
НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!	127
«Рыдает и плачет тоскливая скрипка...»	129
КАПЛЯ	130
«Я знаю грусть: певучая, как песнь...»	131
ЛУННЫЙ СВЕТ	132
УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ	135
«Вечернее небо, лазурные воды...»	137
«Сумерки бледные, сумерки мутные...»	138
«Посмотри: у пруда, где в прохладную тень...»	139
ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА	140
1	140
2	141
А.А. ФЕТУ	142
В АЛЬБОМ В.Б. БЕРТЕНСОНА	144
«Дрожащий блеск звезды вечерней...»	145
МЕЧТА	146
Все то же	147
КУКУШКА	148
У ПОТОКА	151
« Зашумел, закачался взволнованный сад...»	152

ЛИСТЬЯ	153
«Стало скучно тебе...»	155
ОТОШЕДШИМ	156
«Прекрасна ты, осенняя пора...»	157
«Как быстро год прошел! Как медленные дни...»	159
ЖУРАВЛИ	160
«Сколько жизни, сколько блеску...»	161
«Умолк весенний гром. Все блещет и поет...»	162
«Что ты сказала, я не расслышал...»	163
«Есть странные минуты: бытие...»	164
«Еще дрожит последняя слеза...»	165
МЕЛАНХОЛИИ	166
ХАНДРА	167
МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ	169
«Родился день, как поздняя любовь...»	171
ПОЗДНИЕ ОГНИ	172
ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ	174
Я. П. ПОЛОНСКОМУ	175
«Лунная тихая ночь...»	176
«Любил я с детства темные леса...»	177
«Усталое сердце не жаждет...»	179
ИЗ “ЦВЕТНИКА РОЗ” СААДИ	180
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!	181
«Мы любим, кажется, друг друга...»	182
ГОЛОД	183
МЕЧТА	185

«Уныло рыдала метель на дворе...»	186
НАШ ДОМОВОЙ	187
СОНЕТ	190
«Мечтательно-возвышенный...»	191
«Сегодня под моим окном...»	192
НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ	193
«Мы – поздние певцы: мир, злой и обветшалый...»	194
NOTTURNO	195
«Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой...»	197
«Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне...»	198
СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ	199
«Я сидел у окна, я смотрел в полутьму...»	200
«Кто он? Зачем? Откуда этот гость...»	201
ОСЕНЬ	202
«Мы, нежного певцы, таинственной судьбы...»	203
«Обманули меня соловьи...»	204
«Я сердце свое захотел обмануть...»	205
СТАНСЫ	207
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ	209
ЛАНДЫШ	210
УТЕШЕНИЕ	211
ШАРМАНЩИК	212
В СОСНОВОЙ РОЩЕ	213

«Дай оглянуться назад! Жизнь прожита почти...»	214
ПОСЛЕ ГРОЗЫ	216
ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА	217
ВЕЧЕР	218
ПАПОРОТНИК	219
ПОДСНЕЖНИК	220
ПОДСОЛНЕЧНИК	221
ОСИНА	222
«Все грустно, все! Наш тихий разговор»	223
«На волне колокольного звона...»	224
«Мне нужен свет любви твоей...»	225
ГАММА	226
СМЕРТЬ	227
ПЕРВАЯ РАЗЛУКА	229
ЛАБИРИНТ	231
ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ	233
ПРЕДЧУВСТВИЕ	234
НА СМЕРТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА	235
«Есть много навсегда забытых впечатлений...»	236
ИДОЛ	237
ЦВЕТЫ	239
БЕЗУМНЫЙ	240
БЕГЛЯНКА	241
ПОСЛЕ ГРОЗЫ	243
ЧУДОВИЩЕ	244
«Как стучит уныло маятник...»	247

«Я сказки медленней пишу...»	249
СНЕГУРКА	250
«Не знаю почему, но только мне легко...»	251
ВСЁ ТАЕТ	252
«Мне кажется порой, во мне страдает кто-то...»	254
МЕЛОДИИ	255
«Светает; за окном моим...»	256
ОСЕННЕЕ	258
«Ты помнишь ли, подруга юных дней...»	259
ОТТЕПЕЛЬ	261
«Не мигают зарницы вечерние...»	263
ТИШЕ, МУЗА!	264
У ПРИЛИВА	266
ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ	267
1	267
2	268
«В ее душе разлад...»	269
«Не смейся над моей иронией холодной...»	270
NOTTURNO	271
«Я населил таинственным мечтаньем...»	272
НОЧЬЮ	273
«Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он...»	274
«Как вздох земных морей в небесную мечту...»	275
«Чем смертоносней влага в чаше...»	276
«Пришла румяная весна...»	277

«Святые детские порывы...»	278
«Я хотел бы верить в прозу жизни...»	279
ДВА БЕСА	280
«Дай мне звуков, дай музыки стройной...»	282
ДВА ГЕНИЯ	283
«Дай горе выплакать! Дай вынести одному...»	285
ГИМН ОТСТРАДАВШИМ	286
ЛЕТО	287
«Сегодня в ночь весна-колдунья...»	289
АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ	290
РАКЕТА	291
ГРУСТЬ СОСЕН	292
ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ	294
В РОЩЕ	296
«Я не вижу врагов, не могу враждовать...»	297
«Пел соловей, цветы благоухали...»	298
«Как воздух свеж, как липы ярко...»	299
«Еще повсюду в спящем парке...»	300
УХОДЯЩАЯ ЗИМА	301
«День гаснет зарею, свиваясь с тенями...»	302
ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ	303
ВЕСЕННИЙ ГРОМ	304
«Как будто раннюю весною...»	305
СТАНСЫ	306
ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ	307
УТРО	310

СТАНСЫ	312
В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ	313
«Сумерки шире спадали...»	314
«Белый снег мутнеет в блеске...»	315
«Ветер ласковый при встрече...»	316
«Бежит волны кипучий гребень...»	317
А. С. ПУШКИНУ	318
«Желтыми листьями дети играли...»	319
«Деревня скрылася... И нивы...»	320
«Вечера всё белей и беззвездней...»	321
«Сколько веток поломано бурей...»	322
ПРОШЕДШЕЕ “Я”	323
ОСЕНЬ	325
СТАНСЫ	327
ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ	328
ГРЕШНИЦА	329
ИЛЛЮЗИИ	330
«Ищите новые пути...»	332
«Прошла любовь, прошла гроза...»	333
ДЕКАДЕНТАМ	334
НА ПОЛЮСЕ	335
СТАНСЫ	341
ТАЯНЬЕ СНЕГОВ	343
«Пыль на улице. Травой...»	344
ИВЫ	345
НЕЗДОРОВЬЕ	346

СУМЕРКИ	348
ЛУЧ	350
“Весна, вперед, вперед дружной...”	351
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА	352
КРУГОВОРОТ	354
ПОСЛЕ ДОЖДЯ	355
«О, горе, горе тем, кто с отроческих лет...»	356
“Тебя поймут, тебя поймут...”	357
СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ	358
В ДОРОГЕ	359
СЕАНСЫ	360
ПЕРЕД ЗАРЕЙ	361
В ГОРЕ	362
«Я хотел бы страдать, но не в силах страдать...»	363
«В мире душно и позорно...»	364
НА ПРОСПЕКТЕ	365
СТАНСЫ	366
ЗИМОЙ	368
ЛОМКА	369
«Я весла опустил, плыву я по течению...»	371
ОСЕННЕЕ	372
ЦЕПИ	373
ЭЛЕГИЯ	375
ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ[1]	376
ВСТРЕЧА	376
КАМЕРА	377

ТЕРПЕНИЕ	378
В ЗАКЛЮЧЕНИИ	379
СТАНСЫ	381
«Бело. Восходит зимний день...»	382
«Я иду, вокруг – всё избы...»	383
«Последних дум, последних лет...»	384
«Кругом прозрачный, кругом полночный...»	385
«Догорает мой светильник...»	386
«Какая грусть могильная...»	387
ЭЛЕГИЯ	389
«Уж более полжизни пройдено...»	390
«В исканьи истины и бога...»	391
СНЫ ЦВЕТОВ	392
БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ[2]	393
В СЕЛЕНИИ	393
В ПАРКЕ	394
«У леса есть птицы и гнезда...»	395
ОПЯТЬ	396
«В городке небольшом, в переулке глухом...»	397
ВОЗРОЖДЕНИЕ	398
НА ВЗМОРЬЕ	399
«Как много в жизни скучной прозы...»	400
ЧУДИЩЕ	401
«Так полно, так полно...»	402
«В день своего рожденья...»	403
«Под сосной косматой вырос...»	404

ВОЛНЫ	405
«Мелькают, как птицы, моторы...»	407
КАМЕНОТЕС	408
СТАРЫЙ ДУБ	414
ВОЛКИ	420
ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ	425
РЕВНИВЫЙ МУЖ	432
ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА	437
1	437
2	438
3	439
4	441
5	444
ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ	445
ПОЭЗИЯ – БОГ[3]	452
«Вечерняя звезда, звезда моей печали...»	457
ОСЕНЬЮ	458
НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ	459
«Мысли мятежные...»	461
ДУША ПОЭТА	463
«К тебе, у твоего порога...»	465

Константин Фофанов

СОБРАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЙ

ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.
Ее движенья не приветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.
Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом,-
Идет лукавая мечта.
Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.
Но гордый, он не замечает,

Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

2 января 1880

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

Второзаконие, кн. 5, гл. 3

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него,-
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья.
Замолкнет стон в груди, замрут в устах
проклятья:
Я вечный мир принес!
С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитесь ее, – бог чудо совершит.
Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Стряхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство,-
Без гибельных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!
Я камень вам принес от древнего Содома,-
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство,-
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:

Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;

И в страхе убежит, безумствуя, тиран;

И ветер след его с проклятием завеет.

Рассеется в умах бессмысленный туман;

Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;

И станет жизнь тепла ликующему люду:

Я волю вам принес!

Март 1880

«Вселенная во мне, и я в душе вселенной...»

Вселенная во мне, и я в душе вселенной.

Сроднило с ней меня рождение мое.

В душе моей горит огонь ее священный,

А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,

Раскидывая свой узорчатый покров,

Приветствуя от вод до шири небосвода

Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу, вселенная сияет,

Умру – со мной умрет бестрепетно она;

Мой дух ее живит, живит и согревает,

И без него она ничтожна и темна.

Апрель 1880

«Не бойся сумрака могилы...»

Не бойся сумрака могилы,
Живи, надейся и страдай...
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет – умирай!
Жизнь – вековечная загадка,
А смерть – забвение ее.
Но, как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие.
1880

«Я обращаю речь к вам, выброски природы...»

Я обращаю речь к вам, выброски природы,
Бредущие впотьмах на торжище мирском:
Над вами ласково синеют небосводы,-
Но помните, что в них таится божий гром.
Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашею пятой;
В них есть и гнев в груди и зависть есть во взоре,
И вам не избежать расплаты роковой.
В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж – заветный ваш закон.
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.
Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба,
От вещей мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоете позор!
Пусть услаждает лесть ваш слух, пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра от вас;
За вами – сатана с улыбкою лукавой,
Пред вами – мщенья грозный час!

6 февраля 1881

«Потуши свечу, занавесь окно...»

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!
До полуночи мы украдкою
Увлекались речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..
Ты задумался, я сижу – молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

Сентябрь 1881

«Полураздетая дуброва...»

Полураздетая дуброва,
Полуувядшие цветы,
Вы навеваете мне снова
Меланхолические мечты.
И так идут они к туманам,
Так дружны с сумраком небес,
Как крест – с кладбищенским курганом,
Как сказка – с прелестью чудес!
10 октября 1881

«В кругу бездушном тьмы и зла...»

В кругу бездушном тьмы и зла,
Где все – ханжи и лицемеры,
Где нет ни искры теплой веры,
Ты родилася и выросла.
Но ложь коснуться не посмела
Твоей духовной чистоты,
Иного ищешь ты удела,
К иным мечтам стремишься ты.
Напрасно! Нет тебе исхода,
Родным ты кажешься чужой,
И только чахнешь год от года
За бесполезною борьбой.
Так незабудка голубая
На топком берегу болот,
Свой скромный запах разливая,
Никем не зримая цветет.

1881

«Весенней полночью бреду домой усталый...»

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнувший закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад.
За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали,
И снова тишина вокруг.
И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной.
3 февраля 1882

«Это было когда-то давно...»

Это было когда-то давно!

Так же ты мне шептала: “Молчи”.

И роняло косые лучи

Заходящее солнце в окно.

Или сон позабытый пришел

Так внезапно на память мою?

Или миг, что сейчас я обрел,

Тайно в сердце давно уж таю?

Заходящее солнце в окно

Золотые роняет лучи.

Ты чуть слышно шепнула: “Молчи”.

Это было когда-то давно!

5 марта 1882

«Погребена, оплакана, забыта...»

Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она.
А кем судьба неопытной разбита,-
Тем жизнь, как встарь, привычна и красна.
В чертогах их цветы, сиянье, пенье
Тревожат нас соблазнами досель...
И страшно им гнилого гроба тленье,
Их бедных жертв суровая постель...
Август 1882

«Ива с дубом, мечтающая, росли у пруда...»

Ива с дубом, мечтающая, росли у пруда...
Дуб тянулся все к небу прекрасному,
Где веселые звезды под вечер всегда
Зажигались светить миру страстному.
Ива вниз наклонялась к зеркальным струям,
К тем струям, что светила несметные
Отражали в себе по осенним ночам
Да журчали сказанья приветные.
Не дорос дуб до тверди небес голубой,
Ива ветки зеленые выгнула
И коснулась воды, и омылась водой,
А горящих светил не достигнула.
Август 1882

В ДИЛИЖАНСЕ

Под вечер улицею грязной
Плетется тряский дилижанс.
Я еду... В слухе неотвязно
Звенит затверженный романс.
Я тихо грежу и украдкой
Дремлю, забившись в уголок;
И так мне радостно, так сладко,
Так я мечтой от всех далек!
И снится мне: сверкает зала,
Вкруг молодежь, а я уж сед.
Шипит вино в стекле бокала,
И шлю я юношам привет.
Они речам моим внимают,
Они растроганы до слез,
И седину мою венчают
Гирляндой девственной роз!
Исчезли грезы... Блещет город
Рядами тусклых фонарей...
Я одинок. Я снова молод
И еду в круг моих друзей!

6 декабря 1882

«В неприглядных стенах заклучен я давно...»

В неприглядных стенах заключен я давно;
Яркий месяц глядит безучастно в окно,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.
За стеною моей заключенный сосед
Всё о волюшке вольной поет много лет,
А в полночь с мостовой, безрассветна как мрак,
Мне доносится песнь запоздалых гуляк;
О неволе та песнь, о неволе крутой,
Что раскинулась вширь за тюремной стеной.
Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий вид,
Яркий месяц в окно безучастно глядит;
И решетка окна полосатым пятном
Точно призрак легла на полу земляном.

Декабрь 1882

«У поэта два царства: одно из лучей...»

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет – лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных
дней,
А в лазурном – мгновенье прекрасное.
1882

«Безымянные стремленья...»

Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы и отливы...
Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?
Не змеиное ли жало
Вас отравой напоило?
Не волна ль седая моря
В вас бушует бесконечно?
Нет! Вы – плач чужого горя,
Эхо немощи сердечной...
1882

ТОСТ

Друзья! Я тост провозглашаю
За тех, кто смелою душой
Служил измученному краю
И шел за правду смело в бой!
Кому не чужды были муки
Осиротелых горемык,
Кто креп в борьбе, ясна в науке,
Кто был и в бедности – велик!
За все грядущее, святое,
Чья не прошла еще пора,
Но чье забьется ретивое
Для правды, мира и добра!..
1882, 1905

«Мы при свечах болтали долго...»

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.
О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.
Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!
И весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.
Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!..

6 мая 1883

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Видишь, сыплют цветы, зажигают огни,
Но мне чужд этот праздник нарядный,
И на шумные дни, на безумные дни
Я взираю с тоской безотрадной.
Слышишь, клики слились с непрерывной
пальбой,-
То салютуют счастью чужому.
Праздник весел. Толпа вслед бежит за толпой
Подивиться и блеску и грому.
Пусть ликует, кто может беспечно теперь
Ликовать! Я печален не в меру.
И отчаянье, этот прожорливый зверь,
В сердце смяло восторги и веру.
Молча я прохожу меж цветов и огней,
На другие красоты смотрю я.
На картины, что ночи осенней темней,-
Там, где бедность ютится, горюя.
Там, где плач, где борьба, где погубленных сил,
Как на небе звезд ярких, не счесть нам;
Где так много души и так много могил,
Где нет места молитвам и песням.
Я мечтаю – безумны и страстны мечты.
Мнится, если б порвалися разом

Этих пышных гирлянд расписные цветы
И огни, что сверкают алмазом,
Вдруг померкли б, и музыки звучной волна
На полноте свой гимн перервала,
И толпа, отомщеньем безумно пьяна,
Новый праздник мгновенно создала,-
О, тогда бы огнем загорелась душа,
Смолкли б в сердце моем укоризны,
И, навстречу свободному клику спеша,
Стал бы праздновать праздник отчизны!..
28 июля 1883

«Печальный румянец заката...»

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята,-
В ней звуки любви отзвенели.
В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет,-
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

«Столица бредила в чаду своей тоски...»

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.
Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушённой,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

Октябрь 1884

МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит; и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Там, за душной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.
И дрожит под росой душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом,-
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая-
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!
О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей

Разбудил бы своим опахалом!..

1 мая 1885

«Уснули и травы и волны...»

Уснули и травы и волны,
Уснули и чудному внемлют,
И статуи дремлют безмолвно,
Как призраки дремлют.
И полnochь крылом утомленным
Трепещет легко и пугливо
По липам, по кленам зеленым,
По глади залива.
Сквозь ветки луна молодая
Бросает снопы позолоты,
Ревнивым лучом проникая
В прохладные гроты.
И бродят в серебряном мраке
Толпою стыдливые грезы,
Роняя на сонные маки
Прозрачные слезы.
Заслушалась роза тюльпана,
Жасмин приклонился к лилее,
И эхо задумалось странно
В душистой аллее.

19 июня 1885

«Не правда ль, все дышало прозой...»

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.
И друг влюбленных – месяц ясный-
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри – в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..
В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.
В них ты – блистательная фея;
В них я – восторженный боец-
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

Июнь 1885

ТАИНСТВО ЛЮБВИ

Господь карающий, бог грозный Иудеи,
Бог в дымной мантии тяжелых облаков,
Бог, шумно мечущий огнистых молний змеи
На избранных сынов;

Бог созидающий, чтобы разрушить снова
Созданье рук своих, как злой самообман;
Бог, славы ищущий у племени людского,
Бог-деспот, бог-тиран!

Бог, проносившийся грозой над Сионом,
Испепеливший в прах Гоморру и Содом;
Бог, улыбавшийся над кесаревым тронном
И тяготевший над рабом!

Бог, проносившийся заразой над пустыней
И забывавший гнев при сладостных псалмах
В душистом сумраке благоговейных скиний
На цветоносных алтарях;

Бог, крови жаждущий и слушающий речи
Слепого демона сквозь райские врата,-
Бог, этот грозный бог неумолимой сечи,
Родил смиренного Христа,
Святого, кроткого, властительного сына,
Все возлюбившего бессмертною душой,
Кто умер на кресте, чья мирная кончина

Зажглася вечною звездой;
Зажглася, чтоб озарять мир мрака и печали
И поучать людей смиренью и добру,
Чьи чудные персты недужных исцеляли,
Едва приблизившись к их смертному одру...
И этот мирный сын властительного бога
Пришел в мир бедняком, – не царская парча,
Не складки пурпура, не бархатная тога
Спускались с бледного плеча...
О, как блаженно тих, любвеобильно мирен
Был бог, громовый бог, когда в дыму кадил,
Под пение молитв, пройдя ряды кумирен,
В ложницу девы он вступил.
И как была чиста безгрешная Мария
В своем счастливом сне на девственном одре,
Как улыбались уста ее живые
И богу и заре!
Все в храмине ее дышало тишиною,
Румяный луч зари струился в полумглу
Сквозь занавес окна и алой полосой
Ложился на полу;
И на ковре ее разбросанные ризы
Луч солнечный лобзал, скользя по ним змеей,
И шумно под окном на фрески и карнизы
Взлетали ласточки веселою семьей.
Тогда к ней бог вошел! Он не тревожил сладкий,

Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
Он только колыхнул бесчувственные складки
Малиновых завес.
Он только опажнул стыдливые ланиты,
Он только осенил безгрешное чело,-
И были новые ей помыслы открыты,
И даль грядущего разверзлася светло...
Со смутною тоской проснулася Мария,
С раздумьем на челе пошла в росистый сад,
Где пели хоры птиц, где маслины густые
Струили аромат.
И солнцу ясному и радостному шуму,
Вокруг звучащему, внимала, и порой
Невольно думала таинственную думу
О райском чудном сне, смутившем ей покой,
И плакала она!.. Вдруг голубь белоснежный
Внезапно выпорхнул из синей вышины,
И закружил над ней, воркуя с лаской нежной,
И поняла она пророческие сны.
И поняла она, что пышное убранство
Природа с этих пор кладет к ее ногам
И что под куполом небесного пространства
Весь мир, весь божий мир – ее заветный храм.
Что только ей кадят душистые растенья,
Что только ей – зари волшебный перелив,
И в девственной груди разлился вдохновенья

Задумчивый прилив...

А голубь все кружил! – То был все тот же грозный,
Самодержавный бог, молниеносный бог!

Теперь он не метал стрелу из выси звездной,
Он не хотел, не мог!

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной;

Он стал его отцом, бессмертный и благой,

Теперь очищенный любовью непорочной

И освященный сном невинности земной!..

5 сентября 1885

«С тоской в груди и гневом смутным...»

С тоской в груди и гневом смутным,
С волнением, вспыхнувшим в крови,
Не поверяй друзьям минутным
Печаль осмеянной любви.
Им все равно... Они от счастья
Не отрекутся своего,
Их равнодушное участие-
Больней несчастья самого!..

8 октября 1885

«Звезды ясные, звезды прекрасные...»

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные,-
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.
И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.
И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

Декабрь 1885

МУЗЕ

Верная спутница жизни печальной,
Ты мне одна изменить не могла;
Первая факел зажжешь погребальный,
Пот в час кончины омоешь с чела.
Станешь, как няня, ты с песнью унылой
Смолкшие струны искать в мертвце,
Будешь одна тосковать над могилой
С царственной грустью на юном лице.
Станешь душистой весной-невидимкой
Дерн надмогильный смиренно топтать;
Будешь в час ночи под месячной дымкой
Чудные сказки о жизни шептать;
С теплым участием в задумчивом взгляде
В мой опустевший зайдешь уголок,
Перья одуешь, раскроешь тетради
И, прослезившись, уйдешь за порог.
1885

НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был мезтью сладкой
И упоен тоской любви.
Я говорил небесным высям:
“Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной”.
Я говорил свечам горящим:
“Пожрите их своим огнем,-
И пусть не лжет мне в настоящем
Раз обманувшее в былом.
Развейте их налетом шумным”,-
Я буйно ветры умолял,
Но сам я в бешенстве безумном
Их уничтожить не дерзал.
Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моленья,
Тоской и трепетом объят.
18 января 1886

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признание и мечты,
А здесь – борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!
Там – свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь – ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...
То край певцов, возвышенных как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь – злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

7 апреля 1886

НЕБО И МОРЕ

Ты – небо темное в светилах,
Я – море темное. Взгляни:
Как мертвецов в сырых могилах,
Я хороню твои огни.
Но если ты румяным утром
Опять окрасишься в зарю,
Я эти волны перламутром
И бирюзою озарю.
И если ты суровой тучей
Нахмуришь гневную лазурь,
Я подыму свой вал кипучий
И понесусь навстречу бурь...

3 июня 1886

ЭЛЕГИЯ

(Из траурных песен)

Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски:
Не все я выплакал мечты,
Не все поведал миру сказки.
Не допил я любовных снов
Благоуханную отраву,
И не допел своих стихов,
И не донес к сединам славу.
А как был ясен мой рассвет!
Как много чувств в душе таилось,
Но я страдал, я был поэт,
Во мне живое сердце билось.
И пал я жертвой суеты,
С безумной жадью снов и ласки!
Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски!
29 августа 1886

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В броженьи юности капризной,
Под лепет музы молодой
Я грезил милою отчизной,
Как отрок юною женой.
Тогда мечта мечту рождала,
И жизни смутные черты
Под легким флером покрывала
Блистали солнцем красоты.
И, все нечистое стыдливо
От взора юного тая,
Отроковицею счастливой
Являлась родина моя.
Теперь то время миновало,
Мечта недвижна и мертва,-
И сердцу родина предстала
Осиротелой, как вдова.
И за нее в часы сомненья
Страдает молча, не спеша:
В горниле страсти и волненья
Перегоревшая душа.

Сентябрь 1886

«Исполнен горького упрека...»

Исполнен горького упрека
За злую повесть прежних лет,
За сон безумства и порока,
Я на ее гляжу портрет.
Я вновь люблю, страдая страстно,
И на меня, как в день обид,
Она взирает безучастно
И ничего не говорит.
Но к ней прикованный случайно,
Я не свожу с нее очей...
В ее молчаньи скрыта тайна,
А в тайне – память прошлых дней...
Октябрь 1886

ПРИЗРАК

Как сторож чуткий и бессменный-
Во мраке ночи, в блеске дня,-
Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.
Следит ревнивыми очами
В святом затишье, в шуме гроз
И беспокойными речами
Перебивает шепот грез.
Иль вслед беззвучною стопою
Бредет остывшим мертвецом
И машет ризой гробовою
Над разгоревшимся лицом.
Иль, грустью душу наполняя,
Молящим голосом зовет
Под сень неведомого края,
В иную жизнь, в иной народ.
Ищу ли в жизни наслаждений,
Бегу ль в святилище мечты-
Всё тот же облик бледной тени,
Все те же смутные черты.
Кто ты, мой друг, мой гость незванный,-
Жилец эфира иль земли?
От духа горного созданный

Иль зародившийся в пыли?
Куда влечешь ты: к жизни стройной
Или в мятущийся хаос?
И что ты хочешь, беспокойный,-
Молитв, проклятий или слез?!

1886

МИР ПОЭТА

По шумным улицам, в живой толпе народа,
В вертепах праздничных разврата и гульбы,
Среди полян кладбищ, где гневная природа
Венчает зеленью гробы;
Во мраке темных рощ, в кудрявой чаще леса,
Где мягко бродит тень от сосен и берез,
Где звонче хрустали эфирного навеса
При вспышке майских гроз;
У тихоструйных вод, где тощую осоку
Лобзает беглых волн обманчивый прибор,
В пустынях, где земля завистливому оку
Грозит небесною стеной,
И там, где скалы гор в бессмертном изваяньи
Застыли навсегда под божеской рукой,-
Везде поэт, как царь, как гордый царь в изгнании,
Томится мощною душой...
Он носит мир в душе прекраснее и шире,
Над ним он властвует, как вдохновенный бог,
А здесь, в толпе людской, в слепом подлунном мире,
Он только раб тревог...
И душно здесь ему, и больно пресмыкаться...
Он любит солнце грез, он ненавидит тьму,
Он хочет властвовать, он хочет наслаждаться,

Не покоряясь ничему.

Он хочет взмахом крыл разбить земные цепи,

Оставить мрак земной в наследие глупцам...

Со стрелами зарниц блуждать в небесной степи

И приобщаться к божествам!

1886

ТЕНИ А.С. ПУШКИНА

Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам – вешний день,
Как тучам – быстрые зарницы.
Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,
Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух!
То было ль раннею весною,
Когда живей тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою?
Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна.
Иль в час утра, когда как розы
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Страхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?
Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалась зима

И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?
Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня?
Как тайна смерти от сознания,
Тот час утерян для меня
И нет о нем воспоминанья!
Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.
И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.
Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день...
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

9 января 1887

«Умирала лилия лесная...»

Умирала лилия лесная,
Умирала в радужном букете
И дрожала, трепетно мечтая
О румянном, благовонном лете.
Снилась ей тропинка в темной чаше,
Свет зари янтарный в небосклоне,
Свет зари, приветливо дрожащий
На речном колеблющемся лоне.
И, поникнув венчиком атласным,
Так тепло, так искренне вздыхала,
Что эфир смущенный наполняла
Сном своим предсмертным, но
прекрасным!..

Февраль – март 1887

«Она цветы свои любила...»

Она цветы свои любила
И поливала их сама.
В ее теплицу не входила
Губить их гневная зима.
И при мерцаньи звезд полночных
Она пила их аромат,
Смотря, как в венчиках цветочных
Росинки светлые дрожат.
И в час, когда, простясь с землею.
И бездыханна и бледна,
Под золоченую парчою
В гробу покоилась она,
Цветы, исполнены печали,
Приникли к мертвому челу
И в ароматах изливали
Ей скорбь и позднюю хвалу...

Май 1887

«Прекрасна эта ночь с ее красой печальной...»

Прекрасна эта ночь с ее красой печальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голубом!
О, если б дум моих неверное течение,
Как эти облака, стремилось в глубь небес,-
Какое б подарил тебе я вдохновенье!
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!
Но жизнь моя темна и дума безотраднa,
Как облетелый сад – пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пущу тебя в мой сад осиротелый-
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
Лазури голубой!..

Май 1887

ПЕСНЯ

Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Листья золотые
Сыплются с берез.
Сердце тихо плачет,
Плачет и поет,-
Посмотри, стучится
Милый у ворот.
Как я выйду ночью
Сени отворю?
Вышел месяц ясный
Проводить зарю.
Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Путь-дорогу ветер
Листьями занес!
Июнь 1887

УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА

“Матушка! Я слышу, кто-то шепчет сладко,
Кто-то за стеною там поет давно...”
– ”Спи, моя родная! Спи, моя камчатка!
Это дождь осенний хлещется в окно”.
– “Матушка! Скорее отвори окошко...
Слышишь ли, подъехал милый мой к крыльцу?
Поведи к окошку, посмотрю немножко,-
Он ли, – я узнаю сразу по лицу!...”
– “Нет, моя голубка, это шепчут нивы,
Это расходились волны по реке...”
– “Матушка, мы в церкви! Мы теперь счастливы!
Перстень обручальный блещет на руке...
От свечей венчальных темное мерцанье
Жаром обвеваает щеки и чело...
Как народу много! Мне теснит дыханье...
Матушка! Не правда ль, в церкви как светло!”
Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвечает дочери своей.
Перед нею реют сумрачные грезы,
Сумрачные грезы, полночи темней.
Видит она церковь, только не с налогом,
Без свечей венчальных... и глядит на дочь,
Дышащую тяжко, пышущую зноем,-

В эту ночь глухую, пасмурную ночь.

7 июля 1887

НА ПОЕЗДЕ

Мы мчимся, как стрела, – все мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и стучит,
Броней железной громохвая.
Вдали синее лес неровную стеной,
Над ним кудряво выются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.
Мелькнуло кладбище. Белеют я кресты,
Урюмо смотрят мавзолеи...
И вновь по сторонам канавки и кусты
Да редко – темные аллеи.
На нивах зыблется пшеница и овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых берез
Белеет а дружном хороводе.
Всё мимо! Все летит, как вольная мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами;
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.
И тусклая луна, бледна как первый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопливый бег,

Печалью тайною объята...

Так жизнь вперед летит, – летит, как паровоз,

Меняя сны и впечатленья,

И сыплет искрами живые чары грез,

И стелет дымом увлеченья.

И все бежит вперед, без устали бежит...

И лишь сомненья призрак вечный,

Как бледная луна за поездом, следит

За нашей жизнью скоротечной.

28 июля 1887

Гатчина

К СКАЗКАМ

Мне веет светлым волхвованьем,
Веселой зеленью долин,
Ключей задумчивым журчаньем
От русских сказок и былин!
Прекрасен сказок мир воздушный-
К нему с младенчества привык,
Мне мил и дорог простодушный,
Животворящий их язык.
Вступаю с трепетом священным
Под кров радушной старины,
Передаю струнам смиренным
Ее младенческие сны.
И пусть – полны цветной окраски,
Осенены прозрачной мглой-
Летят задумчивые сказки
Разнообразною толпой
От арфы стройной и покорной,
Как стая белых лебедей,
Заслыша визг стрелы проворной,
Летит со спугнутых зыбей.

30 июля 1887

«Она была похожа на тебя...»

Она была похожа на тебя,
В ее очах лучи сверкали те же.
Но, милый друг, она смеялась реже,
Она жила не веря, не любя...
В ее щеках румянец не играл,
Как у тебя, – он вспыхивал порою...
Единою блистали вы красою,
Но разный пламень души волновал.
Так тучки две в лазури золотой
Плывут, сходны по трепетным изломам,
Но теплый дождь одна несет с собой,
Другая – град с молниеносным громом.
Июль 1887

«Нет, мне не жаль, что умер этот день...»

Нет, мне не жаль, что умер этот день,
Что мирная природа засыпает
И вечер шлет лазоревую тень,-
В моей душе угасший день сияет!
Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой лаской,
Обворожив блистательною сказкой,
Навек живым остался он со мной...
Пройдут года... Сквозь мглу почивших лет,
В дни черные, в дни скорби предзакатной,
Он будет мне бросать свой теплый свет
На темный путь, как гений благодатный...
Так в небесах померкшая звезда
Через много лет по смерти блещет миру...
Она тепла для смертного тогда,
Но холодна далекому эфиру.

Июль 1887

«Забытою весной пахнуло на меня...»

Забытою весной пахнуло на меня!
Я вновь у светлых чар во власти,
Душа моя полна мятежного огня,
Полна избытком чистой страсти.
Забытая весна – с ее роскошным сном,
С ее веселыми лучами-
В дождливый вечер мне мерцает за окном
И тихо реет над мечтами.
И сердце, как струна, и плачет, и поет,
И вдруг томится болью жгучей,
И трепетно дрожит, как лоно синих вод
Под набегающею тучей.
Июль 1887

ПЕРВАЯ ЗАРЯ

Мне было года три, когда впервые я
Почувствовал душой всю прелесть бытия,
Когда сознание мелькнуло метеором,
И я вокруг себя окинул ясным взором.
Был вечер. Таяла веселая заря,
Все светом розовым приветно озаря,
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробежал; и шмель с гудящим шипом,
Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Качалась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...
Мне было хорошо. С восторгом ненасытным
Я с нянею бродил, и раем первобытным
Казался мне наш сад, наш скромный, тощий сад,
Взросший в улице меж каменных громад.
Я жадно слушал шум задумчивых берез,
И за оградою веселый треск колес,
И ближней фабрики свисток, стнящий звонко,
И каждый звук томил загадкою ребенка.
Но гаснет блеск зари, свежей в саду зеленом:

Багряный небосклон стал сизым небосклоном
И даль туманная, сквозь сень густых берез,
Подернулась каймой серебряных полос,
И в глубине небес лазоревым сапфиром
Далекая звезда зажглась над спящим миром.
К ночлегу, каркая, летит семья ворон,
И тихо ночь плывет, плывет со всех сторон,
Из каждого куста дыша росистой мглою
В горячее лицо... И с робкою мечтою
На небо синее внимательно смотрю,
Сгорая жаждою увидеть вновь зарю,
Потерянную в тьме, но давшую мне много:
Всю прелесть тайную небесного чертога,
Все чары шумные мятущейся земли,
Так бледные вблизи, так яркие вдали!..

...

Но что я дам взамен природе необъятной
За сон житейский свой, святой и благодатный,
Что, оставляя жизнь, я миру подарю,
Встречая кроткую, последнюю зарю?!

5 августа 1887

«Я родом финн – и гордая свобода...»

Я родом финн – и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна.
Где на камнях гранитного уступа
Печальных сосен висится семья,
Где степь слепит красою мертвой труппа,
Где сохнут мхи, где солнце светит скупом-
Там родина моя!
Там, между скал, мои скучали деды;
Закинув невод в беглую волну,
Вполголоса певали про победы,
Иль сумрачно вели свои беседы
У очагов, вкушая тишину.
В суровый час ожесточенной бури,
Когда метель гудела по полям
И падал снег с нахмуренной лазури,
Они, сидя в густой медвежьей шкуре,
Вверялись таинственным мечтам.
И я таю в душе своей печальной

Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот выюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...
В моей душе, под песни назревая,
Прекрасных дум теснятся семена.
И я мечусь, душой изнемогая,
Как водопад полуночного края,
Как финских вод стесненная волна.
Там водопад, сверкая пеной млечной,
Стремится вдаль, и ропщет, и шумит...
И плачет он, и бьется в злобе вечной,
Но холодно борьбе его сердечной
Внимает сумрачный гранит...

12 сентября 1887

«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови...»

Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови
Из мира светлых чар и царственной любви...
В нем все знакомо мне, все мило с колыбели-
И звучных соловьев раскатистые трели,
И розы белые, и белые стихи...
Я их люблю мучительной любовью,
Как любит старость юные грехи...
Доступны только мне те страны неземные,
Их звонкие ручьи, их гроты голубые,
Их звезды бледные, как блеск моих очей,
Их темные леса, как скорбь души моей,
Их волны звучные, как стих мой перекатный,
И пышный их цветник, как греза ароматный,
Где реют и жужжат элегии свои
На утренней заре тяжелые шмели...
И даже мшистые руины и могилы
Их сумрачных степей мне дороги и милы,
Как лоскутки знамен – для дряхлого бойца,
Как песня старая – для нового певца...

16 октября 1887

«Всегда мы чувствуем правдиво...»

Всегда мы чувствуем правдиво,
Но ложно мыслим мы подчас.
И от очей ума ревниво
Хороним взор духовных глаз.
Но, друг, живя, не мудрствуй ложно,
Не удивляйся ничему:
Постигнуть сердцем все возможно
Не постижимое уму.
Ноябрь 1887

«Отзвучали струны сердца...»

Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.
Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих
Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.
И томительно и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...
Так последним блеском тлеет
Под золою уголек,
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цветок!
Ноябрь 1887

«Я помню дни весенних дум...»

Я помню дни весенних дум-
Дни беспечального рассвета,
Когда гордился детский ум
Священным именем поэта.
Восторг кипел в моей груди,
Я пел в волнении веселом;
И счастье, счастье впереди
Сияло светлым ореолом.
Увяли вешние цветы,
Померкли розовые зори,
Умчалась юность, и мечты
Сменило будничное горе.
Печаль свила гнездо в груди,
И песнь звучит моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцает бледною звездою...

6 декабря 1887

«От луны небесной, точно от лампы...»

От луны небесной, точно от лампы,
Белый и прозрачный блеск разлит. Вдали
Темные аллеи, полные прохлады,
Шепчутся о тайнах неба и земли...
Где-то торопливо скрипнула калитка.
Кто-то раздвигает влажную сирень...
Вон в саду мелькнула белая накидка,
В озаренной чаше проскользнула тень...
Нет, вокруг все тихо! Это только греза!
За окошком осень. Это шепчет мне
В ароматной дреме молодая роза,
Тихо увядая на моем окне...
1887

«Свечка догорела, спать давно пора бы...»

Свечка догорела, спать давно пора бы.
Ты поник головкой, закрываешь глазки,
А еще все хочешь слушать наши сказки,
Как в лесу дремучем у колдуньи-бабы
Закипает в чанах много страшных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди ущелий
Он встречает Лебедь – ласковую фею.
О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки
Той, которой учит нас судьба-старушка.
Так забудь же бред наш, так закрой же глазки:
Ждет тебя постелька, ждет тебя подушка.
1887

ДВОЙНИК

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то белый мне кивает
У открытого окна.
Узнаю я этот призрак,
Я давно его постиг:
Это – бедный мой товарищ,
Это – грустный мой двойник.
Он давно следит за мною,
Я давно слежу за ним,
От него мне веет смутно
И небесным и земным.
Он являлся мне весною
При мерцании зарниц;
Он на оргиях встречался
И встречался у гробниц.
Жаль ему меня покинуть,
Мне его оставить жаль:
Он делил со мной, бывало,
Одинокую печаль...
И теперь он грустно бродит,
И уйти боится прочь
От раскрытого окошка

В эту пасмурную ночь.
И листвою пожелтевшей
Осыпает мне окно
В эту ночь, когда на небе
И на сердце так темно!..

1887

«Под напев молитв пасхальных...»

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.
В зеленеющем уборе
Млеют темные леса.
Небо блещет – точно море,
Море – точно небеса.
Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.
И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!
1887

НАКАНУНЕ ЗИМЫ

Еще на ветке помертвелой
Дрожит, как сказочный коралл,
Багряный лист, но иней белый
Уж кровли блестками убрал...
Недолго ждать! Ручей прозрачный
Замедлит свой журчащий бег,
И на него фатою брачной
Небрежно ляжет первый снег.
И солнце, алое в тумане,
Как факел к нам заглянет в сад,-
На строй хрустальных колоннад
И на газетовые ткани.
Ты скажешь: “Дедушка-мороз
Колдует в полночь, осыпает
Чело поникнувших берез
И прядь серебряных волос
В их ветки мертвые вплетает”.
Ты скажешь: “Фей разнообразных
Здесь хоровод в ночи вился,
И с ожерелий их алмазных
Упали перлы на леса”.
И не подумаешь, что злобно
Здесь ночью снежная метель

С своею песнею надгробной
Стлала холодную постель;
Что бедных странников знобила,
Что в эту ночь не одного
Она под снегом схоронила,
Сама не зная для чего...
1887

СТАРЫЙ САД

Люблю я этот старый сад,
Он мил, как мгла воспоминанья.
С тоской впиваю аромат
Его осеннего дыханья.
Вздыхаю тихо и грущу,
Входя в забытые аллеи.
Я место милое ищу...
Тропинки, узкие как змеи,
Там, извиваяся, бегут
По склону двух холмов, и вместе
Они сплетаются, где пруд
Блестит, как сталь. На этом месте
Я в раннем детстве отдыхал.
Там гнулись бледные ракиты,
И я под сенью их мечтал.
О чем? Мечты те позабыты!
Но я люблю и до сих пор
Тропинку, узкую как змейку,
И сень раkit, и ту скамейку,
Где уследит прилежный взор
Ножом начерченные строки
Элегий томных при луне,
Когда мне первые уроки

Дарила муза в тишине.
И в час, когда мечта приводит
Меня сюда, вздыхаю я:
Мое младенчество здесь бродит,
Здесь дремлет молодость моя...
1887

«Шумят леса тенистые...»

Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые,
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.
Пришла она, желанная,
Пришла благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница-весна!
Полночи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные.
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.
И звезды блещут взорами,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.
Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.
И песня сердца страстная
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная

Царица светлых дум!

1887

«Печально верба наклоняла...»

Печально верба наклоняла
Зеленый локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.
Сияло небо необъятно,
И в нем, как стая легких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.
Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска.
И мне хотелось в то мгновенье
Живую песню воскресить
Все перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..
1887

«Блуждая в мире лжи и прозы...»

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.
Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд.
Там все, как в юности, беспечно,
Там все готово для меня-
Заря, не гаснущая вечно,
И зной тропического дня.
Так, после битв, исполнен дремы,
С улыбкой счастья на устах,
В благоуханные гаремы
Идет усталый падишах.
1887

СТАРЫЕ ЧАСЫ

Меж старой рухляди в лавчонке у еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая и темнея,
Где между пыльных ваз и старомодных ламп
Мерцает рамкою весь выцветший эстамп,
Где бледный купидон с отбитою ручонкой
Под паутиною, как под фатою тонкой,
Лукаво щурится в мечтательной тоске,
Где зелень плесени на ярком завитке
Узорных канделябр ложится изумрудом,
Где в томной нежности над золоченым блюдом
Из рамы смотрит лик напудренной красы,-
Стоят, безмолвствуя, старинные часы...
Их маятник молчит, их стрелки без движенья,
И мнится: давние слетают к ним виденья,-
И старые часы прадедовских палат
Припоминают вновь событий длинный ряд,
Тот долгий, смутный сон, ушедший без возврата,
Когда две стрелки их по кругу циферблата
Ползли – минуты, дни, года разя с плеча,
Как два холодные, бесстрастные меча
Суровой вечности... Бывало, в сумрак томный,
Когда дремал угрюмо зал огромный,
И алый свет, колебля, лил камни,

И ветки тощие расшатанных вершин
Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала,-
Тогда задумчивый владелец тех часов
Печально вспоминал утраченных годов
Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,
И теплая, никем не зримая слеза,
Слеза раскаянья туманила глаза.
А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда в покоях шумных
Гремело пиршество и гам речей безумных
Заздравным звоном чаш был дружно заглушен,
Вдруг дерзко слышался часов докучный звон,
Как жизнь томительный, как старость монотонный,
Напоминая сон толпе неугомонной.
И кубки медленней ходили по рукам,
И гости бледные, поднявши к небесам
Свой утомленный взор, зевая, различали
Сияние утра в посеребренной дали...
А сколько чудных тайн подслушали они
У нежной юности в те ночи и в те дни,
Когда, доверившись бесстрастному их лику,
Влюбленная чета на них, как на владыку
Свиданья краткого, смотрела, торопясь

Последний поцелуй продлить в прощальный час.
И что ж! Прошли года, которые так ровно,
С такой иронией, так зло и хладнокровно
Спешили погубить бесстрастные часы...
И вот – наперсники сатурниной косы-
Они, забытые, как памятник могильный,
Стоят меж рухляди, и циферблат их пыльный,
Как инвалид слепой, не страшный никому,
Глядит бессмысленно в таинственную тьму
Недвижной вечности. И грозный гений тленья
Над ними празднует победу разрушенья.

24 января 1888

У ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку-
Исчезают без следа.
И на месте ярко-алых,
Золоченых теремов-
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов.
Чудный лес недолог, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.
Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет.
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.
Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и золы...

Январь 1888

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых ночей,
Но, в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей.
От ее безмолвных и пытливых взоров
В сердце, подымаясь, воскресают вновь
Тень былых обид и боль былых укоров,
Все, что сердце жгло, что волновало кровь.
Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,
Чтоб спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.
Над весной победу торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрип саней по снегу и на снеге тени,
Дым, из труб бегущий медленным столбом,
И недвижимый воздух, полный мертвой лени,-
Но недолго был я очарован сном.
За окном шумливо что-то зазвенело,
Точно кто-то юный крылья развернул,
И ворвался в сердце празднично и смело

Пробужденной ночи благозвучный гул.
Я узнал, что это за окном рокочет,
Что стучится в стекла. Это дождь весны!
Он звенит и плачет, он поет и хочет
Властно развенчать обманчивые сны.
О, как страстно сердце сжалось болью жгучей,
И как тускло пламя вкрадчивых свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лучей;
За плетнем осины под дождем блестели...
Жгучей влагой слез туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенели,
И весенней каплей канула слеза...

27 марта 1888

СОЛОВЕЙ

Был соловей влюблен в весну и зори,
И свил гнездо в смородинном кусте,
И до утра в невыплаканном горе
Он пел любовь, послушную мечте.
Он пел весну, и юность, и надежды...
Заря зарю сменяла в небесах.
Прошла весна. Зеленые одежды
Густых лесов рассыпались во прах.
Седой туман, клубяся, встал над нивой
И улетел влюбленный соловей
К иной весне, к иной стране счастливой,
За ширь и даль полуденных морей.
И бедный куст поник осиротело,
И о певце вздыхая по ночам,
Он шелестел так грустно, так несмело,
Как будто слал упреки небесам.
И, поседев от стужи и мороза,
При шуме вьюг задумывался он:
Все о певце рождалась в нем греза,
Все о певце слагался светлый сон!..

Апрель 1888

НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладой nocturno
И морщит светлых вод спокойное стекло.
Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны,
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.
Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли.
Уныло ночь молчит, и грусть кругом разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.
И точно чей-то глаз, как луч любви случайной,
Мне в душу заглянул пытливо и светло,-
И все, что было в ней загадкой или тайной,
Все в звуки облеклось, все имя обрело.
И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокруг все пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.
И мнится – даль небес, как полог, распахнется,
И каменных громад недвижный караван
Вот-вот, сейчас, сейчас, волнуясь, колыхнется-

И в бледных небесах исчезнет, как туман.

Апрель 1888

ОДУВАНЧИК

Обветрен стужею жестокой,
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.
Он юн, и силы молодые
В нем бродят тайною игрой.
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.
И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней наготе.
А в дни сверкающего лета,
Когда все пышный примет вид
И, темной ризою одета,
Дубрава важно зашумит,-
Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.
Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины,

И он умрет, питомец мая.

Он разлетится, исчезая

Как вздох, прощальный вздох весны!

12 мая 1888

ЗА ГОРОДОМ

Я за город ушел; не слышно здесь движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук колес,
И сходит в душу мне бывшее умиление
Давно забытых дум, давно угасших грез.
Ласкают кротко взор пестреющие краски
В синеющей дали разбросанных долин,
И шепчут надо мной пленительные сказки
Дрожащие листья застенчивых осин.
Как старость мирная за юностью счастливой,
Нисходят сумерки за утомленным днем.
Чуть стелется туман над золотистой нивой,
И выются комары трепещущим столбом.
Смотрю я в глубь небес – слежу прилежным взором
За дивною игрой плывущих облаков:
Изменчивы, как жизнь, они своим убором
Капризны, как обман младенческих годов.
И месяц между их рассеянной толпою
Серебряным серпом белеет, а вокруг
Объято все святой, стыдливой тишиною,
И запахом травы благоухает луг.
И точно бледный креп таинственной вуали,
Все шире, все смелей ложится полумгла,
Навстречу первых звезд печально замигали

Чуть видные огни далекого села.

И мнится, те огни со звездами ночными

Задумчиво ведут безмолвный разговор;

Они полны тоской, страданиями земными,

Но светлой тайною мерцает звездный взор!..

15 мая 1888

КОНЧАЕТСЯ!.

Памяти М. П. Фофанова

Кончается!.. Невольно рвется стон,-
Так тяжело, так страшно это слово!
Оно звучит, как погребальный звон
Иль как набат, рокочущий сурово
В молчаньи ночи, возвестивший нам
Пожара дым, бегущий к небесам...
Любовь, и жизнь, и славу отравляя,
Нередко нас преследует оно,
Зияет нам, как бездна роковая,
Все вечностью, все тайнами полно...
Ужасное таинственное слово!
Оно старо, но вечно будет ново-
Кончается!
Мы видим пир: беспечны и светлы
Ликуют гости, зал блестит огнями,
Ласкают взор накрытые столы
И винами, и яством, и плодами.
Веселый смех и гам со всех сторон,
И хрусталя дрожащий перезвон.
Но поздно! Зал редет понемногу.
Смолкает шум. Как пестрые шмели,

Стремятся гости к тесному порогу...
Вот спешно слуги в звучный зал вошли,-
Метут полы, проворно гасят свечи...
Темнеет зал; беседы, тосты, встречи-
Кончаются!
Волнуясь, сверкает море нив,
Журчат ручьи, пестро цветут долины;
К сиянью дня вершины обратив,
Листвой трепещут робкие осины;
И дружных птиц залетная семья
Поет восторг и сладость бытия.
Проходит май; за ним уходит лето,
И острый серп уносит злак долин...
Обожжена, безмолвна и раздета,
Дуброва спит... Лишь с дремотных вершин
Последний лист, кружась, упадает
На мокрый мох... И ветер напевает:
Кончается...

Наш нежный друг волнуется, живет,
Пленяет нас открытою душою;
Мечтает он, а дерзостный недуг
К нему ползет голодною змеею.
И наконец, обвив его кругом,
Томит и жжет горячечным огнем.
Спешите вы к одру больного друга,
Его приют безмолвен и уныл.

Открыта дверь, чуть шепчется прислуга,
Душистый мускус воздух напоил.
Больной лежит и с хриплым шумом дышит,
Вы вздрогнули, – ваш слух невольно слышит:
Кончается...

Земля цветет... Бесстрастные века,
Сметая все, меняют поколения.
Так в небесах меняют облака
Морских ветров суровое брожение...
Кипит борьба и ропщет гордый ум.
Но будет век – замолкнет спор и шум,
Земля умрет. Над снежными морями
Повиснут гор недвижные хребты,
Засеребрясь нетающими льдами.
И род людской, как бред земной мечты,
Исчезнет сном – и даже смерть забудет...
И некому тогда воскликнуть будет:
Кончается!

15 мая 1888

«Заря вечерняя, заря прощальная...»

Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянется.
Мечтаю сумрачно, гляжу рассеянно.
Душа отзывчивей, сны – суевернее...
И, как печаль моя, как дым развеяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

17 мая 1888

СМЕРТЬ ШУТА

В смятении двор веселый короля...
Все мрачно в нем; хозяин хмурит брови,
Молчит, печаль с пажам не деля,
Заговорит – досада в каждом слове.
Придворных дам нарядная семья
Близ королевы медленно теснится;
Прекрасный принц вздыхает и боится
За краткий сон земного бытия.
В тяжелых люстрах не блестят огни,
Унылый зал почил в молчаньи строгом...
Немая смерть витает над чертогом,
И дремлет он в таинственной тени.
И лишь в одном готическом окне
Горят лампы и, слезясь воском,
Мерцают свечи... В мрачной тишине
Там труп шута лежит на ложе жестком.
Он, как мудрец, как резвое дитя,
Свой век провел – беспечно и шутя.
Воспитанный среди роскоши дворцовой,
При шепоте завистливых льстецов,
Он не любил ни славы, ни чинов,
Питая сердце мудростью суровой,
И что имел – все бедным раздавал...

Трофеи шуток: золото, алмазы,
Из царских рук подаренный фиал,
Расшитый плащ, затейливые вазы-
Все нес он в дар голодной нищете...
И многие в смеющемся шуте
Защитника и друга находили...
Он был один пред хмурым королем
Заступником несчастных – и о нем
Не раз бедняк поплачет на могиле...
Вот он лежит, недвижимый и немой,
Презревший жизнь, и роскошь, и покой.
В одном углу сквозь сонный полумрак
Виднеется истрепанный колпак,
В другом углу – заплатанная тога...
Ничтожный шут, играющий давно ль
На пиршествах бессмысленную роль,
Теперь уснул в величьи полубога!
Еще не смело тление могил
Его чела холодного коснуться,-
Уже не раз, бояся улыбнуться,
Король к одру любимца подходил,
И на него смотрел прилежным оком,
И отходил в молчании глубоком...
И думал он: в какой облечь наряд
Тебя, мой друг? Ты кончил жизнь земную...
В твоих чертах читаю жизнь иную,

Ты мудростью и святостью объят...

Тебе чужда земная суета,

Как ветхий плащ, ты бросил мир наш тленный!..

И повелел усопшего шута

Король одеть в наряд свой драгоценный...

Май 1888

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Я знаю мир души твоей,
Земному миру он не сроден:
Земной мир соткан из цепей,
А твой, как молодость, свободен.
Не золотой телец твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь, как жрец благочестивый.
Ты как пророк явился нам,
Тебе чужды пороки наши,
И сладкой лести фимиам,
И злом отравленные чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю...
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.
Слежу за гением твоим,
Горжусь его полетом смелым,
Но в изумленьи оробелом
Не смею следовать за ним!

11 июня 1888

В ДОРОГЕ

Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
Селенье скрылося за желтый косогор,
Лишь церкви дальней крест сверкает в высоте,
Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше ухожу... Верста, еще верста!
Как знойный океан, сверкает высота.
Я бросил взор назад – уж нет вдали селенья,
Лазурью сонное сверкает отдаленье,
И небо знойное, лобзаяся с землей,
Как тайну прячет даль... Так годы чередой,
Как версты пестрые, проходят перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми очами;
Но память бледная, как синий небосклон,
Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо
Сверкают дольше всех внимательным очам,
И смотрим мы вперед, и небо видим там.

25 июня 1888

ВДОХНОВЕНИЕ

Как хорошо, при лампе одинокой,
В тиши ночей обдумывать свой труд!
Душа кипит, и образы – плывут,
Как Млечный Путь, толпою звездоокой.
Младенческий и сладостный восторг
Стесняет грудь. Слеза дрожит во взоре.
Счастливая! Бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.
Еще к земле прикован чуткий слух,
Но к небесам уже подъяты крылья.
Еще порыв, еще одно усилие,
И новый мир объемлет гордый дух.
Для жарких снов раскрыт чертог ума,
И памяти рассеянная тьма
Яснеет вновь... Былое – воскресает.
Но кончен труд, остыл сердечный жар.
Развеялись виденья милых чар...
Алтарь погас... И жертва – остывает...
2 июля 1888

«Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный...»

Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный
Стеной узорною; румянец золотой
Угаснувшего дня не тает в бездне, полной
Глубокой вечностью и звездной глубиной.
И тихо в небесах, и тишина немая
Объемлет ласково спокойный мрак долин,
Лишь слышно, как река шумит, не умолкая,
Стремясь расторгнуть плен стеснительных плотин.
Но в чуткой тишине так много тайной жизни,
Что кажется, мой друг, оставленный вдали,
Ко мне твой тихий вздох и ропот укоризны
Ночные ветерки, волнуясь, принесли.
25 июля 1888

СОН

Мне снилось: мы шли по степи ароматной,
Кругом темнела ночь спокойная; вдали
Теснились выси скал. В лазури необъятной
Горели зерна звезд – светильники земли.
И чувствовали мы, что с нами кто-то рядом,
Чуть зримый, молодой, таинственно идет;
Он не блистал красотой и не блистал нарядом,
Он тих и бледен был, как месяц в лоне вод.
Нам было хорошо со спутником туманным,
Казалось, он сердца восторгом обжигал;
Но вот шатнулся мрак шатром благоуханным,
И дымная роса поднялась от скал...
И спутник наш поплыл с неверными тенями.
Он к небу улетал, в лазоревое дно,-
И там, где он исчез, – как светлое вино,
Разлилася заря багряными струями.
И стало грустно мне... И, в страхе пробужденный,
Я жадно стал искать разгадки тайной сна...
И вот увидел я, печальный и смущенный,
Что у тебя в косе мерцает седина.
Я разгадал свой сон!.. То юность улетела,
Как спутник призрачный!.. О, друг мой дорогой!
Она покинуть нас совсем еще не смела

И светит издали нам тихою зарей...

Август 1888

ХУДОЖНИК

Посвящается И.Е.Репину

Он мертвый холст волшебно оживлял
Послушной кистью перед нами...
Мы видели моря, и кручи темных скал,
И стаи облаков, играющих с волнами.
Исполнен творчества, покорствуя мечтам,
Он всюду проникал своим духовным взором,
И снова открывал испуганным очам,
Что вечность навсегда для нас закрыла флером.
Под кистью властною вставляли из гробниц
Цари, томимые раскаяньем невольным,
Пророки бледные, склонившиеся ниц
Перед святынями в восторге богомольном,
Мы казни видели, и видели пиры,
И кельи темные отшельников унылых.
В затишье шумных битв зажженные костры
И вдов заплаканных на родственных могилах.
Пред нами умирал царевич молодой,
Родительским мечом до времени сраженный,
И клялся и скорбел перед печальной донной
Жуан, волнуемый и страстью и тоской.
Мы видели в цепях смиренных христиан

И грубых палачей с кровавыми мечами.
Мы видели певца: над звучными волнами
Стоял он, звучными мечтами осиян...

...

Сентябрь 1888

СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!
Слепая страсть, волнуясь, живет,
А мысль – в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!
А дни идут... На мертвое “вчера”
Воскресшее “сегодня” так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..
Октябрь 1888

«Была ль то песнь, рожденная мечтою...»

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта,-
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднились добро и красота.
От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.
Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звезд, за сонмищем планет.
И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром – и вечна и сильна.
Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?...

НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!

Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною
Ранним сиянием дня,
Поздней зарею!
Пусть истерзала печаль
Сердце твое молодое,
Слез нам, как счастья, не жаль,
Вспомним былое!
В прошлом борьба и недуг
Веют забытой весною.
Не отходи, милый друг,
Смейся со мною!
В сердце тревогу смири,
С новой весною воскресни.
Пой! За сияньем зари-
Счастье и песни!
Если ж, весну схороня,
Счастье от зависти спрячем,
Не отходи от меня,
Вместе заплачем!
Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною,
Пусть же сияние дня

Длится зарею!..

1888

«Рыдает и плачет тоскливая скрипка...»

Рыдает и плачет тоскливая скрипка,
И слышится в звуках мне голос родной,
И тихо, сквозь слезы, мерцает улыбка
Над юностью падшей, над жизнью больной.
Рыдайте и плачьте, печальные струны!
Рыдайте, мне сладок ваш трепетный плач.
Как первые грезы, вы страстны и юны,
Безжалостны вы, как жестокий палач.
Вы вновь пробудили певучие думы,
Вы вновь окрылили восторгом меня...
И грусть моя тает, как сумрак угрюмый
Пред алым сияньем веселого дня.
И вижу я снова из мрака забвенья,
Как бледный туман из глубоких лощин,
Встают и кивают былые виденья
Сквозь черную дымку угасших годин...

1888

КАПЛЯ

Румяная заря на капле дождевой
Лучом приветливым играла.
И капля искрилась алмазною серьгой,
И капля детский взор прельщала.
Но умерла заря на западе небес,
И распростерлась тень немая,
И в капле дождевой волшебный блеск исчез.
И влажный ветер, пробегая,
Ту каплю уронил, незримую впотьмах...
Ах, для чего зари сиянье
Она пережила! Смерть капли при лучах
Могла бы вызвать состраданье!
1888

«Я знаю грусть: певучая, как песнь...»

Я знаю грусть: певучая, как песнь,
Она в душе рождается случайно,
Чтоб утолить, как тяжкая болезнь,
И взволновать, как призрачная тайна...
Я знаю песнь: в душе моей, как грусть,
Она звучит то нежно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но в ней мечтам все ярко и все ново.

1888

ЛУННЫЙ СВЕТ

Бывало, все в душе моей будило
Святые сны и звуки песнопенья
И чистые, как юность, впечатленья!
Как я любил вечернее светило,
Когда оно задумчиво глядело
В мое окно – и на полу несмело
Лучом зеленым весело чертило
Квадраты окон, сумрак наполняя
Каким-то светозарным, белым дымом...
И в проблеске его неуловимом
Мне чудилась прелесть неземная...
Как привиденье – смутный блеск луны
Рождал в душе, взволнованной невольно,
Прекрасные, пленительные сны.
Так старому ботанику довольно
Засохшего и мертвого стебля,
Чтоб по нему его воображенье
Нарисовало небо и поля,
Где расцвело усопшее растенье...
И, свет луны случайно уловив,
– Исполненный восторженной истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из снежных льдин: и чудный их извив,

И звонкого кристалла их изломы
Я поясами радуг обвивал
И освещал алмазными лучами.
И наполнял я лучезарный зал
Прекрасными и бледными тенями,
Без крови теплыми и ясными без света,
Как скорбь влюбленных, как мечта поэта,
Рожденная весенними ночами...
Теперь – не то, от волшебства небес
Моя душа угрюмо удалилась.
Волшебный мир лазурных грез исчез,
Тоска небес тоской земли сменилась.
Вчера я свечи погасил – и свет
Ночной луны проник в окно случайно,
Как призрак робкий, как немая тайна,
Лия вокруг болезненный привет.
Но он в душе моей не пробудил
Ни прежних снов, ни вымыслов прекрасных.
Я на него, безмолвен и уныл,
Смотрел в мечтах холодных и бесстрастных.
И думал я: зачем он светит мне,
Печальным факелом блуждая в вышине?
Зачем, дразня капризными лучами,
Обворожал он детские мечты,-
Он, созерцающий спокойно с высоты
Все преходящее пред смертными очами?

И было мне обидно и смешно
За детский сон, исчезнувший так скоро,
И, чтобы скрыть луч месяца от взора,
Завесил я окно!

⟨1889⟩

УПРАЗДНЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Стареет все, и все уносит время,
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.
Печальный вид! Железная ограда
Разрушена кощунственной рукой;
Немых могил задумчивое стадо
Осквернено последнею хулой.
Изломаны кресты и мавзолеи-
Смирения и вечности символ,
Лишь завернет в заглохшие аллеи
Щипать траву меланхоличный вол.
Унылый вид! Не требуя земного,
Земля не верит памяти живых
И письма тщеславия людского
Сдувает пылью с камней гробовых.
И жадный вор вечернею порою
Чугунный крест с расшатанной плиты
Спешит унести, – святынею чужою
Не дорожат преступные мечты...
И лишь дерев зеленые побеги
Из года в год все чаще, все пышней,
Чтоб мертвецов загробные ночлеги

Благословлять дыханием ветвей;
Чтоб говорить мечтательно случайно
Забредшему под шаткую их сень,
Что жизнь – вечна, что кто-то бросил тайно
В могильный мрак забрезжившийся день.
1888

«Вечернее небо, лазурные воды...»

Вечернее небо, лазурные воды,
В лиловом тумане почившая даль-
Все прелестью дышит любви и свободы.
Но в этом чарующем лике природы
Читаю, как в книге, свою же печаль.
И мнится, что все под лазурью румяной:
Склоненные ивы над сонным прудом
И лес темно-синий за далью туманной-
Все это лишь призрак, обманчиво-странный,
Того, что созиждилось в сердце моем.
Все это – отрывок поэмы певучей,
Кипящей глубоко в душе у меня,
Где много так веры и страсти кипучей,
Где много так жажды к свободе могучей,
Так много печали и много огня!

1888

«Сумерки бледные, сумерки мутные...»

Сумерки бледные, сумерки мутные
Снег озарил перелетным мерцанием.
Падают хлопья – снежинки минутные,
Кроют все белым, как пух, одеянием.
Снежно... бело, но проходят мгновения-
Снова не видно ковра белоснежного...
Грезы так падают, грезы сомнения,
В сумерки бледные сердца мятежного...
1888

«Посмотри: у пруда, где в прохладную тень...»

Посмотри: у пруда, где в прохладную тень
Зной струится сквозь ветки дрожавшие ив,-
Реют мошки; родил их сверкающий день,
И умрут они к ночи, мгновенье прожив.
И родятся другие в ликующем дне...
Так в душе у меня сонм докучных забот
Расцветет, – уплывет на житейской волне,
И родится опять, и опять уплывет...

1888

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

1

Пойдем в сосновый лес, сегодня жар несносен...
Все тихо, все молчит, не шелохнется лист,-
Уйдем под тихий мрак гостеприимных сосен,
И лес там молчалив, и воздух там смолист!
Люблю я этот лес; далеким желтым строем
Уходят вглубь стволы деревьев, янтарем
Смола слезится с них, и мертвенным покоем,
Боясь людских шагов, томится все кругом!

2

Есть грусть прекрасная, когда поется стройно,
Когда – как ширь реки – задумчиво, спокойно
Катится беглых грез летучий хоровод...

Но есть другая грусть, грусть пропасти темнее,
Грусть, давящая грудь, как мстительная фея,
Когда молчат мечты и сердце смерти ждет,
Как ласку юноша, когда ни звука песен,
Ни смелых образов, когда вся жизнь – тюрьма,
Где млеет по стенам седеющая плесень
И веет сыростью губительная тьма.

1888

А.А. ФЕТУ

Есть в природе бесконечной
Тайные мечты,
Осеняемые вечной
Силой красоты.
Есть волшебного эфира
Тени и огни,
Не от мира, но для мира
Родились они.
И бессильны перед ними
Кисти и резцы.
Но созвучьями живыми
Вещие певцы
Уловляют их и вносят
На скрижаль веков.
И не светит, и не скосит
Время этих снов.
И пока горит мерцанье
В чарах бытия:
“Шепот. Робкое дыханье,
Трели соловья”,
И пока святым искусствам
Радует свет,
Будет дорог нежным чувствам

Вдохновенный Фет.

Январь 1889

В АЛЬБОМ В.Б. БЕРТЕНСОНА

Сильней и глубже век от века

Земли и мыс, ли торжество.

Все меньше веры в божество

И больше – веры в человека!

20 апреля 1889

«Дрожащий блеск звезды вечерней...»

Дрожащий блеск звезды вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть бы могли.
А ныне сумрак этот белый,
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет,
И шелест, брезжущий по саду,-
Как бледный призрак прошлых лет,
Темно и грустно блещут взгляду.
Хочу к былому я воззвать,
Чтоб вновь верней им насладиться,
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..

Апрель 1889

МЕЧТА

Дрожит ли зыбь серебристого ручья,
Сверкает ли вечерняя зарница,
Шумит ли лес иль песня соловья
Гремит в кустах – везде мечта моя
Найдет приют, как властная царица.
Она живет с природой заодно;
Она в ручье купается наядой,
И ложе ей – из мхов цветущих дно...
Ей все любить, ей все понять дано,
Чтоб пролететь мгновенною усладой.
Чтобы на миг блеснуть в душе моей
И озарить улыбкой суеверной
Холодный мрак моих печальных дней,
Чтоб исцелить минутный яд страстей
И скрасить жизнь красою лицемерной...

4 мая 1889

Все то же

Ты сказала мне: “Как скучно
Нынче пишут все поэты -
И у этого печалью
Переполнены сонеты.
Те же грезы, те же рифмы!
Все сирени да сирени!..”
И, зевая, опустила
Книгу песен на колени.
А над нами в это время
Горячо лазурь сверкала,
На песке узорной сеткой
Тень от веток трепетала.
В кленах зыбью золотистой
Блеск мигал, играя с тенью.
Пахло липами и медом
И цветущею сиренью.
И сказал тебе я: “Видишь,
Как прекрасны чары лета!
Но стары они, как вечность,
Как фантазия поэта!..”

Май 1889

КУКУШКА

Гаснет вечер, гаснет небо
В бледном золоте лучей.
Веет тихою печалью
От безлиственных аллей.
Даль пронизана туманом,
Точно пылью голубой.
Пахнет свежеею травою
И увядшею листвою.
Все полно безмолвной неги,
Только в зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мерные слышны.
То, встречая праздник мая,
В ароматной тишине
Одинокая кукушка
Об иной грустит весне.
Я люблю ее глухое
Похоронное “ку-ку”,
В нем я слышу наши слезы,
Нашу вечную тоску.
И обычай суеверный
Наблюдая по весне,
Я шепчу лесной кукушке:

“Сколько жить осталось мне?”

И пророчица-кукушка

С безмятежною тоской,

Точно слезы, сыплет годы,

Сыплет звуки надо мной.

Я считаю их прилежно:

Десять... двадцать... тридцать лет...

Нет, кукушка, ты ошиблась,

Льстив и ложен твой ответ!

Неужель еще так много

Дней печали и борьбы,

Дней тревожных увлечений

В тайниках моей судьбы?

Неужель еще придется

Мне оплакивать друзей,

Чье участие сердце грело

На рассвете юных дней?

Нет, кукушка, ты ошиблась!

Жизнь в начале хороша,

В дни, когда кипит восторгом

Окрыленная душа.

Но не сладко встретить старость,

Чтоб утраты вспоминать

И, как ты, в своей печали

К одиночеству взывать!

Май 1889

Царское Село

У ПОТОКА

Я слушал плеск гремучего потока,
Он сердца жар и страсти усыплял.
И мнилось мне, что кто-то издалика
Прощальный гимн мне братски посылал.
И мнилось мне, что в этом влажном шуме
Таинственно и мирно я тону,
Всем бытием, как в непонятной думе,
Клонящейся к загадочному сну.
И тихо жизнь как будто отлетала
В безмолвную, задумчивую даль,
Где сладкая баюкала печаль
И нежное волнение волновало.
Июнь 1889

« Зашумел, закачался взволнованный сад...»

Зашумел, закачался взволнованный сад,
Листья бьют боевую тревогу;
Быстро вихрь налетел и отпрянул назад,
Запылил и завихрил дорогу.
Распахнулись со скрипом ворота на миг,
Затворилось окошко со звоном.
На пруде – громче уток испуганных крик,
Громче жалобы в мире зеленом.
Вот упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещет...
И потоки звучней, и сквозь зелень ветвей
Озаренная даль уже блещет...
Июнь 1889

ЛИСТЬЯ

Ветер плачет за окном,
Ветер мечется и стонет
И невидимым крылом,
Золотые листья гонит.
Листья падают с берез,
Листья шумно бьют тревогу,
Сердце жалобят до слез;
Сердце внемлет понемногу
Их взволнованным речам.
Ропщут листья по ветвям:
“Страшно в сумраке ночном
Опадать с ветвей родимых,
Гнить и мокнуть под дождем,
Дрогнуть в стужах нестерпимых!
Для того ли по весне
Мы цвели и трепетали,
Для того ли в полусне
Ветру сказок нашептали,
Чтоб он в осень нас сорвал,
Умертвил и разметал!
Ой ты, ветер неразумный,
Ветер вольный, ветер шумный,
Ты гони нас поскорей

К волнам северных морей!
Мы расскажем волнам белым,
В страхе, в стуже поседелым,
Все, чему весной могли
Научиться у земли
И о чем и почему
Мы рыдали в дождь и тьму.
И когда весною станут
Волны плыть, кочуя вдаль,
Пусть расскажут, пусть помянут
Наши сказки и печаль!”

14 августа 1889

«Стало скучно тебе...»

Стало скучно тебе -
Что же надобно?
Ветер плачет в трубе,
Плачет жалобно.
Грустно свечка горит
Одинокая;
В окна полночь глядит
Черноокая.
На дворе сентябрем
Веет холодом;
Сыплет желтым листом,
Точно золотом.
Встал туман над рекой
Белой дымкою -
Сны снесет он с собой
Невидимкою.
Ветер буйный в трубе
Плачет жалобно.
Скучно мне и тебе -
Что ж нам надобно?
31 августа 1889

ОТШЕДШИМ

Отходят старые глашатаи свободы
Под своды вечные, под гробовые своды,
И лавры провожают их,
И смерти торжеству внимает скорбь живых!
Они родились в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых!
В те дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мрак отчизны дорогой...
При них порвались гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещенья
Над пробужденною страной.
Понятна их борьба, разумна их тревога,
Благословен их трудный путь.
Страдая и любя, они творили много -
Их есть чем помянуть!
А мы! Мы, робкое, больное поколение,
Смирив в своих сердцах пытливое волненье,
Мы все хотим простить и все благословить,
Но цель потеряна, кумир давно разрушен;
Мы к миру холодны, и мир к нам равнодушен...
Мы не умеем жить!

Август 1889

«Прекрасна ты, осенняя пора...»

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Лучей и птиц прощальная игра -
Все будит грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет, печальный северянин,
Люблю я шум захладававших вод
И сонный лес, когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.
Войду ли в сад – там смолкли птичьи хоры,
Он весь поник. В нем поздние цветы
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наготы!
Войду ли я в редующие роци -
Прозрачные, багрянцами горя,
Они молчат... Их дремлющие мощи
Уж обожгла сентябрьская заря!..
Пойду ль к реке – высоко ходят волны,
Суров, тяжел свинцовый их набег.
И тихую гармонию полны
Мои мечты, исполненные нег...

Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне,
Неясные, как сны, как ароматы,
Рожденные в осенней тишине.
Вновь кроткое доступно примиренье,
Вновь нежная слеза туманит взор...
И жизнь ясна, как светлое виденье,
Как милых строк разгаданный узор...
Август 1889

«Как быстро год прошел! Как медленные дни...»

Как быстро год прошел! Как медленные дни
Томительно текли! Как много раз они,
Встречая ласкою, прощались огорченьем,
Как много раз моя душа
Кипела буйным вдохновеньем,
Любить и чувствовать спеша.
Как часто с трепетным и злым негодованьем
Готов предаться был я пламенным рыданиям,
И, не рыдая, тлел в агонии страстей!
Как много раз, с судьбою споря,
Над бездной ужаса и горя,
Молил я солнца ясных дней!
Но робкая судьба как тусклый день текла
И скупо счастье дарила.
И душу сонную томила
Кругом сгустившаяся мгла.
Без слез я проклинал, без злобы ненавидал,
Без сожаления в прошедшее смотрел,
Без упования грядущее я видел
И холодно пытал нерадостный удел!

Август 1889

ЖУРАВЛИ

Свежело. Астры отцветали.
Сквозное золото аллей
Чуть трепетало. Я в печали
Следил за летом журавлей.
Они пугливо отлетали
К теплу полуденных морей!
Их стая в небе потонула, -
Я проводил их недвижим.
Вдруг чем-то радостным пахнуло,-
Я счастлив счастьем стал чужим!
Моей душе отрадно было,
Что, бросив севера ночлег,
Они не встретят здесь уныло
Последний лист и первый снег.
И думал: так мечты поэта,
Звеня, стремятся от земли -
К любви, в лазурь тепла и света,
Как вы, седые журавли!..

Сентябрь 1889

«Сколько жизни, сколько блеску...»

Сколько жизни, сколько блеску

В этом луге ароматном,

В этой ниве золотистой,

В этом небе предзакатном!

Я иду – и надо мною

Трелит жаворонок звонко,

И в лугах кружатся мошки,

Точно зыбкая воронка.

В алом клевере кузнечик

Кличет ночь, томясь от жажды,

И в бору уже кукушка

Куковала не однажды.

Но луна и звезды медлят,

Медлит ночь своим приходом,

И прощально день лепечет

Под горячим небосводом...

1889

«Умолк весенний гром. Все блещет и поет...»

Умолк весенний гром. Все блещет и поет.
В алмазных каплях сад душистый.
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.
От ближних цветников запахло резедой,
В кустах резвей щебечут птицы.
Гремит неясный гром над высью золотой,
Как Грохот дальней колесницы.
Трепещет влажный блеск, как искры на лист
Под освежительной прохладой...
Лягушка серая подпрыгнула в траве
И снова скрылась за оградой.
По мокрому шоссе, в мерцающем платке,
Прошла усталая цыганка.
Кричат разносчики, и где-то вдалеке
Гнусит печальная шарманка.

1889

«Что ты сказала, я не расслышал...»

Что ты сказала, я не расслышал,
Только сказала ты нежное что-то,
На небо месяц поздно так вышел,
И серебром засверкало болото.
В тощей осоке жизнь пробудилась,
Кто-то вздыхал там дыханьем протяжным
Небо светилось, пышно светилось,
Звездным мерцаньем, стройным и нежным.
Что прошептала она? Я спросил
Ночь молчаливую, полный печали.
Месяц сиянье холодное лил,
Шаткие тени ревниво дрожали.
Розы дышали мне ароматно,
Звезды, мигая, толпились тесно.
Все говорило сердцу понятно:
“Да, прошептала, а что – неизвестно!..”

1889

«Есть странные минуты: бытие...»

Есть странные минуты: бытие
Сменяется почти небытием.
Не трогает внимание ничье,
И совесть тихо дремлет... О былом-
Ни вздоха, ни слезы. Как мрак, уныло
Грядущее... И не страшат утраты,
И не пугает душная могила!
Воспоминаний ветхие заплаты
На рубище прошедшего мерцают...
Но, бледные, они не докучают,
Уснувших чувств не трогают они!
Ни юности, ни радости не жалко...
И солнечную ночью длятся дни...
Едва жужжит судьбы ленивой прялка,
Едва горят сердечные огни.

1889

«Еще дрожит последняя слеза...»

Еще дрожит последняя слеза
В моих очах, в моем потухшем взоре,
Но пронеслась суровая гроза,
И улеглось рыдающее горе.
Еще дрожит печальная струна,
Но скорби песнь последняя уж спета.
Опять душа спокойствия полна
И холодно внимает шуму света.
Лишь в сонме грез, как в белых облаках
Ночных зарниц неверное блистанье,
Сияет мне в изменчивых мечтах
Тяжелое души воспоминанье...
1889

МЕЛАНХОЛИИ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе ясно -
И в нем печаль глубокая видна.
Вечерний блеск позолотил вершины,
Зеленый мрак в вершинах потонул.
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутными гул.
Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сироты...
И я грущу – и грусть та без названья,
Наперсница таинственной мечты.
Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть вдохнул
В ее черты – в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный гул.
Я – сон ее, она ль мое виденье -
Мне все равно... Печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгновенье,
А грусть и скорбь – бессчетные века.
1889

ХАНДРА

Перед окном косящатым
Сидит Хандра Ивановна.
Сидит она невесело,
Головушку повесила.
А что Хандре бы надобно?
Сама она не ведает...
Идет румяный молодец,
Идет-поет по улице,
Увидел свет в окне Хандры,
Кричит ей зычным голосом:
“Пойдем, Хандра Ивановна,
По городу по людному -
Авось ты разгуляешься,
От хмеля зашатаешься,
От ветра разрумянишься...”
Хандра ему в ответ:
“Ахти, пригожий молодец,
Кто мало жил – не любит свет
За то, что все не выглядел.
Кто много жил – не любит свет
За то, что все наскучило!
А мне не жить, не в гроб идти,
На белом свете маяться!

Пошла бы я по городу,
Да думаю: не тесно ли?
К базару пробралась бы я,
Претит корысть постылая:
Купцы галдят, мошной звенят,
На счетах звонкий счет ведут,
Костяшкой щелк – и рубль на стол.
Другою щелк – другою пришел!
А мне корысть хвастливая
Тошней любой беды.
Пошла бы я на игрища-
На игрищах веселый гам:
Иной до слез смеется там,
Иной до слез милуется.
А я до слез зевну в ладонь,-
Зеваючи, тушу огонь;
Ко сну клоню, домой гоню,
Туманю радость облаком...
Со мной гулять невесело.
Иди один путем своим,
Гуляй, жену нагуливай,
По свадьбе – навещу!..”

Октябрь 1890

МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ

Покинул город я мятежный,
Как беспокойную мечту,
И мчится поезд ночью снежной,
Роня искры на лету.
Еще видны во мраке сонном
Нас обступающих полей
Каким-то клиром похоронным
Ряды покинутых огней.
Как будто шествие ночное
При свете факелов вдали
Хоронит что-то роковое
И горделивое земли.
Но дальше, дальше!.. Сумрак белый
Навстречу весело бежит;
Горит в алмазах помертвелый
Узор безлиственных раки.
Поля блестящею пустыней
Лежат вокруг, и свет луны
На нас рассыпал отблеск синий
Из многозвездной вышины.
Недвижный воздух жжет и щиплет,
И мнится: ночь меж быстрых туч
Не звезды – иглы с неба сыплет,

Так блеск их радужный колюч!
Застыл и замер путь безмолвный,
Но и безжизненным путем
Несется поезд, жизни полный,
С победоносным торжеством.
И оснеженные деревья,
Весну, как жизнь, в себе тая,
Встречают зимний гром кочевья
Сквозь сон и ужас бытия.
И любо им в неуловимом
Морозе блещущей зимы
Дохнуть на миг теплом и дымом
Людской свободы и тюрьмы.

18 ноября 1890

«Родился день, как поздняя любовь...»

Родился день, как поздняя любовь.
Холодный день, без звуков и, зарею
Недолгою блистая, слился вновь
С безжизненной, полуночною мглой.
Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу новых.
Снега долин и глушь лесов сосновых
Он обманул улыбкою мечты,
Унылый день! – похожий, как близнец,
На прежние – и так же важно скучен,
И так же тих для памяти сердец,
Как вечность – стар, как опыт – однозвучен.
Лишь вымыслу возможна новизна!
Для правды нет ее у человека,
И опытом, затверженным от века,
Как жизнь, как смерть, развенчана она...

Декабрь 1890

ПОЗДНИЕ ОГНИ

Безмолвны немые громады,
Задумчиво город уснул;
Лишь поздние блещут лампы
Да бродит усталый разгул.
Люблю подмечать я высоко
Огонь запоздалый в окне;
Угадывать, кто одиноко
Не дремлет в ночной тишине.
Не нового ль ждет постояльца
Счастливая браком семья?
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцаньи огня?
Колеблются тени на сторе.
Движение в светлом окне...
Кто знает: восторг или горе
Не спит в роковой хлопотне?
Иль труженик там и мечтатель,
Что ночи сидит напролет,-
Неведомый миру создатель
Возвышенных песен и од?
До света меж стен неприветных
Поет он о трудной борьбе,
О ласках, о думах заветных

И славу пророчит себе.
А улица спит и не бредит...
Далеко до алой зари...
Никто не пройдет, не проедет,
Уныло горят фонари...
Молчат, как гробницы, фасады,
Ослепшие окна темны...
Все реже ночные лампы,
Все ярче счастливые сны...
1890

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Смеется солнце с высоты.
Поля зеленые пахучи.
Гроза прошла, мои мечты
Полны таинственных созвучий.
Душистей лес, звучней поток,
Светло в душе, светло в лазури,
Как будто в жизни нет тревог,
А небеса не знают бури...
Но все равно в затишье стройном
Таится тайный жар страстей,
И зреют грозы в небе знойном
Под пенью жниц и косарей.
Как нет без бурь живого лета
И как без жизни нет слезы,
Так нет в живой душе поэта
Без вдохновения грозы...
1890

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(По поводу его книги “Вечерний звон”)

Поэт! Когда завечерело
В твоей мечтательной судьбе,
Вновь муза старая тебе
О детстве розовом запела.
Хотя снег старости твоей
Зарей румянится вечерней,
Поешь ты громче и теплей
Перед толпою жадной черни.
А я весною, в дождь и тьму,
Настроив лиру своевольно,
Остановился, богомольно
Внимая звону твоему.
Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей,-
Мне сладок звон твоей всенощной,
Как звон заутрени твоей!..
1890

«Лунная тихая ночь...»

Лунная тихая ночь,-
Воздух, исполненный лени...
На серебристом снегу
Темные, резкие тени...
Сердце бы грезить не прочь,-
Только печальна душа...
Только мечтать не могу,-
Холодом в холод дыша!
В сердце весна отцвела:
Там, как в пустыне, безгласно;
Прошлое счастье – луной
Смотрит мертво и неясно...
В блестках морозная мгла,
В звездах холодная высь...
Что ж ты, любовь, не со мной?
Где ж ты, весна, отзовись?!
1890

«Любил я с детства темные леса...»

Любил я с детства темные леса,
И кручи скал, и шум потоков пенных,
И в зорях розовых и в звездах неизменных
Глубокие, как мудрость, небеса...
Но душный город не пускал меня
Из стен своих, из каменных объятий,
Где бледный день рождался для проклятий,
Безжизненный, как сердце без огня.
Когда весной слезился белый снег
И обнажал в безлюдных скверах сосны,-
Тогда в душе, под звон великопостный,
Рождалась грусть, исполненная нег...
Какой-то сон, как тайна непонятный,
Ко мне слетал, – в восторге тихом я
Воображал прекрасные края,
И шум лесов, и ветер ароматный.
Волшебное с возможным сочетал
И плакал я над вымыслами сладко,
Грядущее мечтой переживал
И старился душою я украдкой.
Весь мир умом пытливо облетев,
Исчерпав все, что ярко и прекрасно,
Я стал чужой всему, и лишь былой напев

Звучит в душе моей неясно.

1890

«Усталое сердце не жаждет...»

Усталое сердце не жаждет
Привычной любви бытия...
Зачем же так ропщет и страждет
Бессонная память моя?
Опять позабытые речи
Невольню твержу наизусть,
Былые и лица и встречи
Мечтой вызывают мне грусть.
Язвят неразумные ссоры,
Ошибки былого и зло,-
Все то, что туманило взоры,
Что душу мучительно жгло.
И сетует память тревожно,
И грустно до боли уму
За то, что забыть невозможно
Былого холодную тьму.
И смутно в душе без участия,
И рад бы отдать навсегда
За миг возвращенного счастья
Грядущей печали года.
1890

ИЗ “ЦВЕТНИКА РОЗ” СААДИ

Чем реже страсть, тем выше наслажденье;

Чем слаще сон, тем горше пробужденье;

Чем радужней пленительный обман,

Тем истины бледнее призрак голый;

Но чем трудней победы миг тяжелый,-

Тем легче смерть, тем легче язвы ран!

Март 1891

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!

Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...
Все тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;
Ты села к роялю небрежно,
И все, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятежно,-
Все в звуки любви облекла;
Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..
Август 1891

«Мы любим, кажется, друг друга...»

Мы любим, кажется, друг друга,

Но отчего же иногда

От нежных слов, как от недуга,

Бежим, исполнены стыда?

Зачем, привыкшие к злословью,

Друг друга любим мы терзать?

Ужель, кипя одной любовью,

Должны два сердца враждовать?

Сентябрь 1891

ГОЛОД

Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травною
И соломой шелестит?
То не осень с нив и пашен
Возвращается хмельна,-
Этот призрак хмур и страшен,
Как кошмар больного сна.
Всемертвящ и всепобеден,
В ветхом рубище своем,
Он идет без хмеля бледен
И хромает с костылем.
Скудной жертвою измаян,
Собирая дань свою,
Как докучливый хозяин,
Входит в каждую семью.
Все вывозит из амбара
До последнего зерна.
Коли зернами нет дара,
То скотина убрана.
Смотришь, там исчезнет телка,
Там савраска пропадет...
Тяжела его метелка,

Да легко зато метет!
С горькой жалобой и с гневом
Этот призрак роковой
Из гумна идет по хлевам,
От амбаров к кладовой.
Тащит сено и солому,
Лихорадкою знобит,
И опять, рыдая, к дому
Поселянина спешит.
В огородах, по задворкам
Он шатается, как тень,
И ведет по черствым коркам
Счет убогих деревень:
Где на нивах колос выжжен,
Поздним градом смят овес.
И стоит, дрожа, у хижин
Разрумяненный мороз...

10 ноября 1891

МЕЧТА

Я верю: будет век великого сознания,
Без крови, без вражды... Блеснет могучий свет,
Утихнет зло и ложь бесплодного страдания,
Померкнет ореол убийственных побед
Пред солнцем истины, что в мщеньи – правды нет!
И мстишь – кому, за что? Желать побед и славы,
Смерть ополчив на жизнь, – не жизнь ли уберечь?
Нет, вы – герои зла, нет, вы, борцы, не правы:
Где мысль – там жизнь кипит, где жизнь – там
властна речь,
Там слово – побеждает меч!

Декабрь 1891

«Уныло рыдала метель на дворе...»

Уныло рыдала метель на дворе,
Я сетовал горько, я плакал,
И ветер деревья качал в серебре,
И в стекла их ветками звякал.
Свеча догорала, как юность моя,
И тени на стенах шатались,
И молча с портретов смотрели друзья,
И грустно мечтам улыбались,
Прошедшие годы – забвенные сны -
Мне сердце больнее терзали.
Как будто теперь лишь, с поминок весны,
Вернулся я, полный печали.
Как будто бы я, в непогожую ночь,
Звучащую сердцу сурово,
От милых надежд, улетающих прочь,
Услышал прощальное слово.
И было пустынно так в сердце моем,
Без жалоб, без слез, без участия...
А ветер шумел и рыдал за окном,
Чужое оплакивал счастье.

Декабрь 1891

НАШ ДОМОВОЙ

Люблю тебя, наш русский домовой!
Волшебным снам, как старине, послушный;
Ты веешь мне знакомой стариной,
Пою тебя, наш демон простодушный;
Ты близок мне, волшебник дорогой.
Доверчивый, ты скромные угодыя
Моих отцов как сторож охранял,
Их зернами и хмелем осыпал...
Ты близок мне: я – внук простонародья!
И первый ты в младенческой тиши
Дохнул теплом мне родственной души.
И слышался тогда твой вздох печальный;
Он как вопрос звучал из тишины,
А может быть, из тьмы первоначальной:
Не правда ли, все люди? Все равны?
И стал ты мне как откровенье сладок;
И полюбил я тихий твой приход -
То с негою пленительных загадок,
То с мукою язвительных забот.
Народ живет, народ еще не вымер...
Ты помнишь ли, как Солнышко-Владимир,
Твой добрый князь, крестился у Днепра?
Ты бражничал у княжего двора,

Ты сторожил и мел его хоромы...
И девичьи мечты тебе знакомы.
Как часто ты доверчивой княжне
Внушал любовь к докучной тишине,
Когда дрожал лампадный луч в часовне.
В бессонный час, при ласковой луне,
Она, дитя, мечтала о неровне...
Ты был один свидетель нежных чар,
Ты разжигал сердечной страсти жар,
Ей навевал влюбленную истому,
Сон отгонял – и наконец она,
Дыханием твоим обожжена,
Лебяжий пух меняла на солому...
И между тем как старый князь дрожал,-
Влюбленных след ты нежно заметал
И колдовал над милою деревней,
Где страсть полней и песни задушевной.
Ты дорог мне, таинственный кумир,-
Моих страстей и грез моих наперсник,
По-своему ты любишь грешный мир.
Родных полей и дымных хат ровесник,
Веди меня в седую глушь лесов,
К полям, к труду, к замедленному плугу...
Не измени неопытному другу,
Дай руку мне!.. Ты видишь, и готов
Сменить тоску нарядных лестью горниц,

Где зреет страсть завистливых затворниц,
Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей,-
На скромный дар заветных огородов,
На золото колеблющихся нив...
Там ты вдохнешь мне силу новых всходов,
И стану я по-твоему счастлив!
И грешный вопль раскаянья забуду,
И радостью труда исполнен буду,
Свой новый путь, как жизнь, благословив!..

1891

СОНЕТ

Когда задумчиво вечерний мрак ложится,
И засыпает мир, дыханье притая,
И слышно, как в кустах росистых копошится
Проворных ящериц пугливая семья;
Когда трещат в лесу костров сухие сучья,
Дрожащим заревом пугая мрачных сов,
И носятся вокруг неясные созвучья,
Как бы слетевшие из сказочных миров;
Когда, надев венки из лилий и фиалок,
Туманный хоровод серебряных русалок
Хохочет над рекой, забрызгав свой убор;
Когда от гордых звезд до скромных незабудок
Все сердце трогает и все пугает взор,-
Смеется грустно мой рассудок.

1891

«Мечтательно-возвышенный...»

Мечтательно-возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотив, когда-то слышанный,
Пронесся надо мной.
Стою я очарованный,
Не плача, не дыша,
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.
Мне снится сад с пахучими
Цветами и прудом.
Луна блестит за тучами
Унылым фонарем.
В аллеях дремлют грации
И боги древних лет,
Зеленые акации
Роняют желтый цвет.
И песнью заколдованной
Звучит моя душа,
И точно очарованный
Стою я, не дыша.

1891

«Сегодня под моим окном...»

Сегодня под моим окном
Все утро птицы щебетали;
Они весну мне обещали -
Весну, отцветшую в былом...
Как будто, грея сердце лаской,
Вернуться юность может вновь, -
Чтоб повторить веселой сказкой
Давно угасшую любовь!..
1891

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

Живите, люди добрые, живите, люди честные,
Стремися, юность смелая, без устали вперед!
Тебе – земля цветущая, тебе – огни небесные,
Тебе – весна румяная и шепот вешних вод.
Живите, возлюбившие все светлое, все чистое,
Вы, правды неизменные глашатаи земли,
Недаром солнце знания, как истина лучистая,
Все ярче разгорается и блещет там, вдали.
Живите, будьте счастливы! Тот счастлив, кто
с младенчества

В тоске желаний призрачных не знал лукавых грез,
И счастлив тот, кто с верою погиб за человечество,
Кто рано лег в холодный гроб, кто зла не перенес!
Но тот еще счастливее, кому борьба печальная
Не смела крылья юности до времени разбить,
Чье слово вдохновенное, как арфа музыкальная,
Осталось в мире дремлющих на доброе будить.
Исчезнет зло мятежное, пройдут мечты лукавые,
Пройдут непостоянные, безумные года,
Погибнут все жестокие, погибнут все неправые,
А истина великая и слово – никогда!..

«Мы – поздние певцы: мир, злой и обветшалый...»

Мы – поздние певцы: мир, злой и обветшалый,
Оставил только то для нас,
О чем не грезил он, что проклинал, усталый,
Стремясь рухнуть каждый час.
Что пламенно любил – он выразил невольно
В созданиях искусств и в фолиантах книг.
А нам оставил то, что сбросил добровольно
С своих заржавленных вериг.
И грустно мы поем, толпа певцов печальных,
И прах его цепей венчаем вязью роз,-
Но поздние мечты бледней первоначальных,
А грозы поздние – ужасней первых гроз...
1891

NOTTURNO

Не мечты ли мне напели
Этот бред и этот сон...
Иль в ту ночь на самом деле
Был я болен и влюблен...
Я горел: писал безумно
И написанное рвал;
Открывал окно бесшумно,
Открывал и закрывал.
Выходил, дрожа волненьем,
На балкон и на крыльцо.
Ночь душистым дуновеньем
Обвевала мне лицо.
Точно блеском лунной пыли
Был осыпан влажный сад.
И цветы луне кадили,
Как богине, аромат.
Я глядел... пылали очи...
Точно сам я был творцом
Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;
Точно сам растенья эти
Я росую напоил,
Точно я один на свете

Плакал, мыслил и любил!..

1891

«Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой...»

Ни медленным трудом, ни жизнью торопливой
Не успокоить ум. Бесстрастный и пытливый,
Как тусклая свеча он озаряет мне
Весь мир, мной видимый, и все его явления;
Смиряет сердца жар и в робкой тишине,
Не сны на ложе шлет, а тяжкие сомненья,
Как демон он гнетет, смеется и язвит
За песню каждую; над каждой новой урной
Не тихую слезой – раздумьем леденит
И, презирая смерть, не ищет жизни бурной...
Он не влечет меня в лазурные края,
В края фантазии, где брезжит свет прозрачный,
Где тени светлые резвятся у ручья.
Нет, он зовет меня на жниву жизни мрачной,
Где столько скошено безвременно борцов,
Где колос знания пришибла непогода...
И где она сама, бессмертная природа,-
Порабощенная лежит у ног рабов...

1891

«Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне...»

Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне
Зачем вздыхаешь ты и плачешь отчего?
Ведь если я живу – то для твоей же жизни,
И сердце берегу – для сердца твоего.
Вся радость, вся любовь души моей мятежной
Родилась потому, что встретился с тобой.
Чтоб грусть свою смирить – мне надо взор твой
нежный,
Чтоб слух свой усладить – мне надо голос твой...
И, как цветок – луча, я жду твоей улыбки,
Измученный борьбой унылой суеты.
И, чтобы изменить прошедшего ошибки,
Я должен верить, что не изменишь ты.
1891

СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ

Как много было по весне
Цветов, пестревших горделиво...
Одни в румянном полусне
Благоухали нам стыдливо;
Другие пышные цветы,
Гордяся венчиком прекрасным,
Дышали сладостней мечты,
Томясь волнением сладострастным...
Одни любили блеск и зной,
Других изнежила прохлада;
Иные жизнь несли с собой,
Другие – смерть и холод яда...
И все струили аромат,
И каждый нес из почвы влажной
Свой нежный запах, свой наряд;
И долго плыл их вздох протяжный...

...

Мы все – цветы родных полей,
Весною юности капризной
Любили знойный зов страстей
И шум, навеянный отчизной...

1891

«Я сидел у окна, я смотрел в полутьму...»

Я сидел у окна, я смотрел в полутьму,
В задремавший, рососою обрызганный сад;
Я смотрел, как, зеленых ветвей бахрому
Наклоняя, березы безмолвно грустят,
Как чуть зыблились маковки трепетных верб
И как в бледной, далекой лазури небес
Выплывал и ясенел грустный месяца серп,
Наполняя мне сердце игрою чудес.
Я сидел у окна и смотрел в полутьму,
И не знаю – взгрустнулося мне почему,
И не знаю – зачем непонятный восторг
Из мятежного сердца созвучья исторг.
1891

«Кто он? Зачем? Откуда этот гость...»

Кто он? Зачем? Откуда этот гость,
Таинственный и странный, как виденье?
Со мною он – чуть вспыхнет в сердце злость
Иль осенит, как счастье, примиренье.
Давно встречал его пытливый взор,
Мне бледное лицо его знакомо.
То в нем восторг блеснет, как метеор,
То, как осенний день, в нем теплится истома.
Давно хотел я разгадать его,
И все не мог найти к нему разгадки.
При встречах он не молвит ничего,
Лишь хмурит лба задумчивые складки.
Кто он? Зачем? Откуда он пришел?
Куда ведет в тоске недоуменья?
Ему людской несносен произвол
И тяжелы, как цепи, увлеченья...
В толпе, как тень, он бродит одинок,
Сопутствует и ненавидит тайно.
Он от меня, от сердца так далек -
И вместе с тем так близок чрезвычайно!..

⟨1892⟩

ОСЕНЬ

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...
Как больной, глядит сквозь слезы
Опечалившийся день -
На поникшие березы,
На опавшую сирень...
Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...
В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...
〈1892〉

«Мы, нежного певцы, таинственной судьбы...»

Мы, нежного певцы, таинственной судьбы
Всегда покорные и тихие рабы.
Нам дорог рифмы звон, как тощему скупцу
Звон гордый золота на жадной смене торга;
Услышим нежный стих – и слезы по лицу,
И холод в волосах от сладкого восторга.
Но если в нашу жизнь ворвется иногда
Суровый ураган несчастья рокового,
Мы ропщем, мы скорбим, но нет стиха живого,
Чтоб выразить всю страсть печали и стыда.
〈1892〉

«Обманули меня соловьи...»

Обманули меня соловьи,
Обманули румяные зори.
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшие в ласковом взоре.
Но счастливым поют соловьи,
И весна расцветает прекрасно,
И заря, улыбается ясно -
На печальные думы мои...
Кто же пламень в природе задул,
Кто окутал все грустью, как флером?
И звучит мое сердце укором:
Не себя ли ты сам обманул?...
〈1892〉

«Я сердце свое захотел обмануть...»

Я сердце свое захотел обмануть!

Довольно, сказал я, печалиться в мире:

Прекрасен и светел наш жизненный путь.

Цветы на полянах, и струны на лире,

И волны на море, и звезды в эфире -

Все дышит, чтоб слаще нам было вздохнуть.

Я сердце свое захотел обмануть!

Довольно, сказал я, томиться печалью:

Смотри, как все ясно за чистою далью,-

Мир счастьем, теплом и весною богат.

Где слышало ты, что друзья – лицемерны?

Любовь озаряет и роскошь палат,

И душные стены веселой таверны...

Довольно ты крепом венчало певца,

Люби и ликуй, как другие сердца!

В недужном бессильи не мудрствуй лукаво,

Цветами алтарь вдохновенья венчай...

Нам жизнью дается великое право

Любить и прощать! И люби, и прощай!

И ясной зарей улыбнется нам слава,

И розы усыпят торжественный путь...

Я сердце свое захотел обмануть!
И сердце забилося тревогою знойной,
Исполнилось силы, зажглося огнем,
И вывело снова на путь беспокойный,
Где друг перед другом, боец пред бойцом
Сходились с открытым и дерзким лицом,
И кровь проливали, и мерили силы...
С небратской отвагой разили мечом,
И с братской тоскою копали могилы...
Любимые очи мне лгали опять.
Венок мой душистый был бурей развеян.
Недолго любил я, чтоб долго страдать,
Немного простил я и – много осмеян!
Цветы отравляли дыханием грудь,
И думы темнило смятенье разгула...
Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце – меня обмануло!..

17 февраля 1892

СТАНСЫ

Недаром вопли клеветы
В своем бездушном приговоре
Растут в безумие мечты,
Растут в чудовищное горе.
Всё лгало, всё – твои слова,
Твоя улыбка с дерзким взором;
Но не лгала людей молва,
Твоим играючи позором.
Какая страшная судьба,
Какие гневные томленья!
Ужели ты – страстей раба,
Ужель ты жертва преступления?
Уйдешь, неловко хмуря бровь,
Иль взор потупишь молчаливо...
Придешь – и чуждую любовь
Спешу угадывать пытливо.
Вокруг тебя позор и мгла,
Ты улыбнешься – мне терзанье.
У просветленного чела
Ловлю я чуждое дыханье.
Учусь угадывать в чертах
Томленье страсти непокорной -
Чужого счастья стыд и страх -

И жду, все жду разлуки черной.
Когда же ласками опять
Даришь ты нежно и пугливо,
Я не умею не прощать,
А после сетую ревниво.
Признаний требую твоих,
Жестокой истины признаний,
Как будто больше счастья в них,
Чем в скрытом бешенстве терзаний!..
Март 1892

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Сегодня тридцать лет минуло мне... О, муза!
Приди и оживи ночную тишину!
Во имя светлых дум и долгого союза
Мы нежно станем петь тридцатую весну.
Ты не изменишь мне; тебе не изменила
Ни гневная судьба, ни дерзкая вражда.
Как часто я роптал, что ранняя могила
Не скрыла темный прах от горя и стыда!
Как часто я скорбел, волнуемый утратой!
Но приходила ты, свевала ночь с чела,
Я снова оживал, восторгами объятый,
Когда ты скорбь мою к созвучиям влекла.
И ныне праздник твой, и гимном покаянным,
Как блудный сын, тебя приветствую теперь.
Я слышу, ты идешь в венке благоуханном
И в сердце мне стучишь, как в запертую дверь.
Приди и сядь ко мне, спутница родная,
Как няня старая мне сказки говори,
А я у ног твоих забудуся, срывая
С одежды облачной цветы и янтари...

18 мая 1892

ЛАНДЫШ

Как скромн ты, питомец мая!
Не налюбуюся тобой,
Когда ты весь, благоухая,
Сверкаешь утренней росой.
Склоняя чепчик свой измятый
Не от грозы – от нег ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встречая ранний свет лучей.
Когда твой вздох зарей румяной
В лесу сосновом слышу я,
Душа темнится грустью странной
Для грешных вздохов бытия.
И у тебя была сильфида-
Нас обманувшая весна,-
Но как светла твоя обида!
И как печаль моя темна!

Май 1892

УТЕШЕНИЕ

Всё хорошо на свете, милый друг,-
Все хорошо, пленительно и ясно.
Борьба страстей, пороки и недуг
Промчатся сном, волнующимся страстно.
Но светлый мир прекраснее борьбы,
И жизнь сильнее порока и печали.
Недаром же на ранние гробы
И грешники слезу свою роняли.
Недаром же раскаянья томят,
И мучают нас совести укоры,
И памяти безжизненные взоры
На прошлое так жизненно глядят.

30 августа 1892

ШАРМАНЩИК

Усталый и бледный, сияющим днем
Шарманщик играет у нас под окном.
Сбегаются дети послушать игру,
Пришлася шарманка его ко двору.
Он вертит шарманку, на окна глядит,
Шарманка тоскует, шарманка визжит.
Унылые звуки, несвязные сны!
Зачем вы звучите кошмаром весны;
Зачем отголоском счастливых людей
Вы плачете, звуки, в печали своей?
Вам дети внимают наивной душой,
Да камень холодный, поросший травой,
Да сердце, печальное сердце одно,
Где звякнуло, тихо раскрывшись, окно,
И тонкие пальцы дрожащей руки,
Под робкие звуки певучей тоски,
Роняют, как слезы, монеты, затем,
Чтоб двор оставался по-прежнему нем,
Чтоб дряхлые звуки шарманки твоей
Не вызвали б слезы из тусклых очей,
Чтоб слаще дремали в беззвучной тиши
Разбитые струны разбитой души!..

1 сентября 1892

В СОСНОВОЙ РОЩЕ

Тихо в роще – жар несносен;
Неподвижен длинный ряд
Желтостволовых колоннад -
Опаленных зноем сосен.
Обессиленная мгла
Влаги ждет и небу внемлет;
Туча сумраком легла,
Туча холодом объемлет.
Ветер рощу колыхнул,
Ветки сдвинул, распахнул
И в вершинах их косматых,
Трепетанием объятых,
Белым сумраком зевнул.
Все темнее... все печальней
Уплывает высю дальней,
Перешептываясь, гул...
И сквозь хвои тощих игол,
Орошая бледный мох,
Град запрядал и запрыгал,
Как серебряный горох.
Сентябрь 1892

«Дай оглянусь назад! Жизнь прожита почти...»

Дай оглянусь назад! Жизнь прожита почти.
Что сделал? Что свершил? Стою на полпути,
И сердцу боязно, и тяжело рассудку
За то, что жизнь свою, как ветреную шутку,
Я презирал и жил без пользы, без труда!
Где грезы светлые, где нежные года?
Они погребены под пеплом покаянья,
Угаснувших страстей и позднего страданья.
И где младенчество? Где робкий взор и ум,
Молящийся любви и свету райских дум?
Умчались... Ушли неясные волненья!
Мои наивные, но чистые стремленья,
Мои прекрасные, но детские мечты
Осыпались давно, как пышные цветы
В дни ранней осени... Но, шумные, как волны,
Они не улеглись; иною страстью полны,
Кипят, мятежные. Их блеск – не из огня,
Их накипь без тепла, их в сердце у меня
Не зори майские, а бури нашумели!..
И где ты, ангел мой, хранитель колыбели,
Молитвы мирные шептавший в тишине,

С приветливым челом склонявшийся ко мне
В дни веры искренней, в дни детства и отрады?
Ты позабыл зажечь огни моей лампы!
Со мною странствуя, как изменился ты!
Где миртовая ветвь – эмблема всепрощенья?
Чело твое темно, в очах твоих – сомненье...
Над ложем сумрачным склоняся порой,
Ты плачешь... ты грустишь не райскою тоской!..
2 ноября 1892

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.
Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.
Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.
Вспышкой жизнь ее сказала,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалась
И умолкла до утра!..

1892

ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА

Иду я... Путь заглохший тесен.
Зеленый мрак вокруг меня.
И темь, и лес! Душа без песен,
И ночь без позднего огня!
И тяжело дышащим навесом
Сплелися ветки надо мной,
И новый лес встает за лесом,
Смущая очи темнотой.
Ах, если б там, сквозь хвои сосен,
Мелькнул веселый огонек,
Как луч надежды – жизненосен
И как мечтанье – одинок!..
1892

ВЕЧЕР

Пыль улеглась, прибитая дождем...
Горит заря болезненным лучом,
Сквозь облака кудрявые алея...
И, медленно вершины шевеля,
Дрожит зефир... И спят поля,
И спит пустынная аллея...
Вхожу в нее... Со всех сторон
Кивает мрак неясной дымкой;
И мнится, кто-то невидимкой
Идет, таинственный, как сон...
И кто-то дышит пегой сладкой
В лицо горячее украдкой;
И мнится, с запахом кустов,
С остывшей мглой зари багровой -
Переживу я мрак суровый
Давно утраченных годов.
1892

ПАПОРОТНИК

Не обольстительные краски,
Но твой причудливый узор
Невольно привлекает взор:
Не мудрецы ль арабской сказки
Тебя соткали в свой шатер?
Твоих воздушных очертаний
Неуловимая краса
Полна таинственных сказаний,
Как золотые небеса.
Кто посвятил мечты отчизне,
Кто цвета ждал и не расцвел,
Кто был обманут в бледной жизни -
В тебе сочувствие нашел!..
1892

ПОДСНЕЖНИК

Когда в лесу глухом валежник
Поутру иней серебрил,
На солнце выглянул подснежник
И день весны предвозвестил.
Недолго цвел он, жизнью светел,
Вверяясь счастью своему,
И умер только потому,
Что слишком рано солнце встретил!

1892

ПОДСОЛНЕЧНИК

Цветок-плебей, обильный жизнью зерен,
Он задремал, судьбе своей покорен,
Склоняясь к убогому плетню.
Как день огнист, он улыбнулся дню.
И, радуясь за свой расцвет махровый,
Упругий лист и сочный стебель свой
Он устремил к лазури золотой,
Цветок-плебей, цветок земли суровой!
Его судьба унылая тиха,
Он праздный взор мечтателя не тронет,
Свою любовь, как счастье, он хоронит
И нежности стыдится, как греха.
1892

ОСИНА

Опасность близится – о, помогите мне!
И листья робкие трепещут у осины...
Вокруг безветрие, и дремлют в тишине
Усталые стада на зелени долины.
Но вот рокочет гром в стемневшей вышине,
Шатает ураган деревья-исполины...
А листья робкие застенчивой осины
Все так же трепетно лепечут в полусне:
“Опасность близится – о, помогите мне!”

1892

«Все грустно, все! Наш тихий разговор»

Все грустно, все! Наш тихий разговор
И сумерки, и лампы одинокой
Унылый свет... И твой прекрасный взор,
Моя любовь, мой ангел темноокий.
Смотри – и там, за сумрачным окном,
Заглохший сад, желтея, умирает.
И он, как мы, скучает о былом,
И он, как мы, весну воспоминает.
Все грустно, все! Ночных теней приход
И робкая звезда на небосводе -
Все тихие мечтания зовет
К забытым снам, к потерянной свободе.
Но вечностью земного торжества
Не усладишь небесное мгновенье,
И нашу грусть не выразят слова:
Она души бессмертное стремленье!..

1892

«На волне колокольного звона...»

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.
Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зеленый убор.
Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.
Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь, -
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..
1892

«Мне нужен свет любви твоей...»

Мне нужен свет любви твоей,-
Не омрачай меня сомнением!
Живешь ты жизнью моей,
А я живу твоим волнением.
Над мрачной бездною скользя,
Я не ищу земного счастья,
Но жить без твоего участия -
Как жить без сердца – мне нельзя!
1892

ГАММА

Испытана, затвержена и снова
Повторена унылая судьба!
Все та же жизнь, и все гнетет сурово,
Как душный зной, тяжелая борьба!
Так иногда – идешь в аллее стройной
Зеленого бульвара. Полдень знойный
Не шелохнет деревьев сонный ряд;
Балконы дач уныло дремлют в зное,
Окружены садами, где струят
Свой аромат сирени и левкой.
Душа полна в затишье тайных мук,
Ни облачка на шири небосклона...
И вдруг раздастся робкой гаммы звук
Из-за гардин опущенных балкона.
Мелодии докучной перебор
Спугнет мечту; как яркий метеор
Промчится мысль – и сетует упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой -
Лишь в душный зной разыгранная гамма
Ленивою, скужавшей рукой?...

1892

СМЕРТЬ

В агонии, до белого утра,
Весь ужасом, вес трепетом объятый,
Метался я, как в бурю челн дощатый,
И призраки у знойного одра,
Как коршуны, вились толпой крылатой.
Пылал язык, и бреда тяжкий лепет,
Срываясь с уст, бессвязно замирал.
И рос в душе непобедимый трепет:
Я вспыхивал, горел – и погасил!
Но только луч живительного света
Блеснул в окно, под кровлю лазарета,
И легче я и медленней вздохнул...
Рой призраков, шатаясь, отпрянул,
И кто-то лоб горячий опахнул,
И тихую слезой на сердце канул.
Холодная, прозрачная ладонь
Закрыла мне измученные вежды.
В больном уме погасла грусть надежды,
Погас в душе мятущийся огонь.
И чудное, исполненное ласки
Создание – на щеки, на чело
Как будто воск холодный разлило,
И я застыл в окаменелой маске.

Довольно снов, – усни без сновидений!..

1892

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

В ароматных лугах не звенела коса,
И на пажитях жницы не пели.
Одевались серою мглой небеса,
Обнажились, шумя, золотые леса,
И земля ожидала метели.
Грусть была и в душе молодой у меня
И в мерцаньи природы поблеклом.
Тусклый вечер сменял мглу осеннего дня,
Клокотал самовар... Сиротливо звеня,
Дождь бесшумно струился по стеклам.
В бледном сердце моем закипала гроза...
Вспоминались глаза с поволокой,
Где, как счастье, сияла небес бирюза,
И недетская грудь мне давила слеза,
И рыдал я в печали глубокой.
Вспоминались – весной расцветающий сад,
Наши первые робкие встречи...
И душистых черемух венчальный наряд,
И не тающий ночью румяный закат,
И признаний невинные речи.
Мы, как дети, любили друг друга тогда
И, как дети, расстались покорно.
И никто нашей тайной любви никогда

Не подметил – она, как мечта, без следа
Пронеслася в сердцах благотворно.
Но в разлуке тебя полюбил я живей -
И впервые рыдал об утрате...
Так в разбитой струне звуки ропщут звучней,
От подкошенных трав ароматы сильней,
Солнце блещет ясней на закате...

1892

ЛАБИРИНТ

Живешь и не знаешь, где кончишь;

Не знаешь, поверить кому.

Все рвешься мучительно к свету

И снова приходишь во тьму.

И боязно снова и грустно!

Так часто бывает во сне:

Идешь по таинственным залам

В зловещей, немой тишине!

Идешь от порога к порогу,

От темных ворот до ворот

И чувствуешь: кто-то незримый

Вослед за тобою идет.

Не видишь конца лабиринту

Волшебных дверей и аркад,

Идешь и томишься тоскою,

Боясь оглянуться назад.

И с каждой минутой страшнее

Предчувствием сердце болит,

От страха уйдешь без оглядки -

Как ужас в погоню бежит!

Стремишься по лестницам темным,

Стучишься в замкнутую дверь,

А кто-то, как демон, хохочет:

“Не скрыться, не скрыться теперь!”
Дрожишь – и не можешь проснуться,
Готов погибать без надежд,
Пока не откроешь в испуге
Для жизни ослабленных вежд...
А как же от жизни проснуться
Изнывшему в трудной борьбе,
Где смерть, точно демон, хохочет:
“Не скрыться, не скрыться тебе!..”

Февраль 1893

ВЕСЕННИЕ СЛЕЗЫ

Весна румяная украдкой
Блеснула в окна с высоты,
И в робком сердце болью сладкой
Отозвались ей мечты.

И в светлых грезах умиления
Уже доступней для меня
И речи, полные значенья,
И взоры, полные огня.

Гляжу – вокруг свеваает слезы
Порабощенная зима,
И плачут белые березы,
И плачет елок бахрома...

Весь лес в слезах! Припоминая
Цветы, поблекшие в пыли,
Он чует светлый праздник мая
И возрождения земли!..

В чертах заплаканной природы
Весну былую узнаю,
И новых дум теснятся всходы,
И гимн сквозь слезы ей пою!..

Март 1893

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я знаю, кто за мной следит беззвучной тенью,
Кто дышит холодом в горячее лицо,
И учит робкий дух тяжелому смятенью,
И сторожит мое беспечное крыльцо.
Я знаю, почему с тоскою и любовью
Ты смотришь на мои поблекшие черты;
И знаю, кто порой, приникнув к изголовью,
Мучительно поет про славу и цветы.
Я знаю, почему, когда огонь вечерний
Нам зажигать пора, смолкаю и грущу,
И с каждым вечером нежней и суеверней
Знакомую звезду я на небе ищу.
Я знаю, почему во мраке сновиденья
Разгадку тайную грядущего ловлю...
Мне страшно!.. Я молю продлить мои волненья!
Мне страшно потому, что жизнь еще люблю!

Август 1893

НА СМЕРТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Там, в стране великой братства и свободы,
Где свершали праздник дружеской отчизне,
Ты угас, маститый, ты, в былые годы
Призывавший к свету и величью жизни!..
Сеятель прекрасный, ты на ниву знания
Истины и правды рано бросил семя,
И тяжелой мукой долгого страданья
Искупил как жертва роковое время.
Но промчалась буря, минул мрак ненастный,
И склонились слушать радостные внуки
Голос нежной музыки, песнею прекрасной
Молодость зовущий к знамени науки.
Пусть же светит солнце из могилы тесной,
Светоч твой зажженный – вечной правды гений.
До свиданья, добрый! До свиданья, честный,
В бесконечных зорях новых поколений!

30 сентября 1893

«Есть много навсегда забытых впечатлений...»

Есть много навсегда забытых впечатлений,
Никем не понятых, никем не оцененных...
Они исчезли сном прошедших поколений
В волненьях призрачных, в мечтах неуловимых
Ни разу никогда не выданные речи -
Ни смелому резцу, ни кисти, ни струне,
Они таилися, как под сосудом свечи,
И свет их, догорев, померкнул в тишине.
Не радовали взор и слух не услаждали
Те чувства, те мечты, погасшие впотьмах,
И грустно ищем мы в потерянных веках
Развенчанных идей отвергнутой скрижали.
1893

ИДОЛ

Из камня создал я кумира,
И с ароматами кадил
Я все дары земного мира
У ног бесчувственных сложил.
В часы тоски ему я выдал
Все, чем кощунственно грешил,
Но был к мольбам безмолвен идол
И скорбь души не усладил.
Он принимал мои молитвы,
И фимиамы, и цветы,
Не усмиряя дерзкой битвы
На играх шумной суеты.
Больнее жгли меня страданья,
Чернее хмурились дни,
И в горький час негодованья
Я перед ним задул огни;
Сорвал убор с него блестящий,
Цветы и жертвы разметал,-
И прахом жизни настоящей
Его бессмертие назвал...
И что ж! Едва холодный камень
Разбил я в мертвые куски,-
Как в нем зажег и жизнь, и пламень

Моей озлобленной тоски!..

1893

ЦВЕТЫ

Прими мои цветы – невинный дар полей,
Они еще полны, как память, аромата;
На них слеза росы, на них тепло заката...
Прими мои заветы – дар памяти моей!
Когда они, склонясь покорно к увяданью,
Опустят лепестки узорные свои,-
Прими их смерть, как жизнь, внимая их
прощанью,
Дыханием своим их стебли напои.
И знай, что для тебя цветы иные всходят,-
Иные, полные бессмертной красоты,-
И в песни нежные любовь их переводит...
То – память о тебе!.. Прими мои цветы!
1893

БЕЗУМНЫЙ

Он мрачен был. По бледному челу
Катился пот холодными струями.
Он все пытал безумными очами
Далекую загадочную мглу.
И вдруг, подъяв измученные руки,
Он лепетал невнятные слова,
В них слышался и смех тяжелой муки,
И гордый вопль земного торжества!
Во глубине страдальческого взора
Вдруг вспыхивал мятущийся огонь,
Как яркий блеск ночного метеора...
Он прижимал горячую ладонь
К своей груди, как будто бы старался
Биенье сердца буйного унять...
В незримое ль проникнуть он пытался,
Иль зримое стремился разгадать?
1893

БЕГЛЯНКА

От полуночи весенней
До ликующей зари
Кто-то в дверь мою стучится:
Отвори да отвори!
Голос жалобный лепечет:
“Путь мой выюга замела,
Буря вызвала до света
Из родимого угла.
У меня огни сияли
И дымились алтари,
И дышали ароматом
Розы в пурпуре зари...
Но померк мой рай лучистый,
Потускнели небеса,
И земной развеял опыт
Неземные чудеса...
Обессилена борьбою,
Я несу в твой уголок
Светоч, бурею задутый,
И увядший свой венок.
Если есть хоть искра в сердце
Благостыни и любви,
Тыдохни – и мертвый факел

Новым светом оживи!
Если слезы сострадания
Ты сберег от черных дней,
Их росую жизненной
На цветы мои пролей...
И роскошно, и душисто
Зацветет венок, и вновь
Станем лирой пробужденной
Славить счастье и любовь...”
Муза плачет, Муза дрогнет
За порогом в час ночной...
Что ж я дверь не отворяю
Торопливою рукой?
Что ж к отвергнутой беглянке
Я навстречу не спешу,
Не прошу у ней надежды
И забвенья не прошу?...
В сердце тихо, как в могиле,
Стынет кровь, хладеет ум...
Слезы высохли от зноя
Ранних грез и поздних дум.

1893

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Вечером темным, грозою взволнованный,
Ожил заплаканный сад;
Ветки друг к другу в объятия склоняются,
Тихо вершины шумят.
Точно друзья после бури промчавшейся,
После мучительных лет,
Листья друг друга лобзают с рыданием,
Шепчут горячий привет.
Сердце поверило ласкам несбыточным...
Чудятся гордым мечтам
Встречи счастливые, речи свободные,
Гимны правдивым борцам.
Вспомнилось все, что забыто, что молодо,
Всё, чем когда-то дышал:
Первой любви обаяние нежное,
Первая жажда похвал,
Тихая ночь над столицей уснувшей,
Милые лица вокруг,
И недосказанной речи пророческой
Сердцем дослушанный звук.

1893

ЧУДОВИЩЕ

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумерках осенних и в дожде.
Оно растет и ширится везде,
Туманное, как тонкая дремота...
Но что оно? Названья нет ему...
Оно черно, но светит в полутьму
Неясными, свинцовыми очами,
И шепчется с вечерними тенями
На языке нам чуждом, потому
Что смысл его загадочен и странен
И, как мечта, как тень, непостоянен.
Оно старей, чем солнце и луна...
И нет ему ровесников и сверстниц,
И в сумраке неосвещенных лестниц,
У тусклого, прозрачного окна
Оно стоит, и вдруг стремится выше,
Услышав шаг иль кашель, точно вор...
Глядит в пролет, и дышит в темной
нише
И слушает унылый перебор
Глухих шагов по ступеням отлогим,
Ужасное своим молчаньем строгим!..
Бледней известки выбеленных стен,

Под сводами больничных коридоров
Оно блуждает, полное измен...
Отчаянье и страх недвижных взоров
Устремлены с мольбою на него...
Но, не щадя на свете никого,
К мольбе людей и к воплям
равнодушно,
Оно скользит печально и воздушно...
То слушает, как прядает струя
Из медных кранов в звучные бассейны
Широких ванн... То сном небытия
Оно лежит, белея, и кисейный
Его покров недвижим... Перед ним
Горит свеча, и желтый воск бескровней
Его чела... То веет гробовым
Безмолвием в притворе, над часовней...
Но что оно? Названья нет ему!
Кем вызвано? Когда и почему?
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня...
Оно везде, во всем, ежеминутно,
И в сумраке, и в ясном свете дня...
Оно дрожит в лохмотьях, на соломе,
При ночнике... Рыдает в мертвом доме,
И, грустное, за стенами темниц,
Оно поет о воле невозвратной,

А иногда весною ароматной,
При ласковом мерцании зарниц,
Оно мечтой мгновенною несется...
Похитив жар двух любящих сердец,
Иронией над клятвами смеется
И ревностью мстит счастьем наконец!
1893

«Как стучит уныло маятник...»

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит, свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!
Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.
Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречались
И расстанемся без слез.
Только что-то не досказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.
Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?
Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием

Могут сделать и печаль?
1893

«Я сказки медленней пишу...»

Я сказки медленней пишу,
Чем жизнь свою переживаю.
Я насладиться не спешу,
Но каждый час и день – страдаю.
Кто много чувствовал, тому
Судьба дала волненья множить,
И жизни суетную тьму
Пытливый разумом тревожить.
И, если жизнь течет ровна,
Как усыпленная волна,
Не зная шума дикой бури,-
Душа тоскует и зовет
К своей безоблачной лазури
Грозу и тучи непогод...
1893

СНЕГУРКА

Весной мне снился сон чудесный:
Живей струилась в сердце кровь,
И ты, мой ангел поднебесный,
Сулила счастье и любовь.
Цвел майский вечер, я был молод,
Я верил клятвам, жизнь любя
Прошла весна... В природе холод,
И холод в сердце у тебя!
И что же! Тонкою иглою
Живописующий мороз
Всё то, чем грезил я весною,
На стекла дивно перенес.
Тут всё: прозрачные ущелья,
И лес у белого ручья,
И ты, в жемчужном ожерельи,
Снегурка бледная моя...

1893

«Не знаю почему, но только мне легко...»

Не знаю почему, но только мне легко,
Как после долгого, тяжелого рыдания.
Пусть счастье и любовь умчатся далеко,-
Я больше не хочу ни счастья, ни желанья...
Я грустно примирен с тяжелою судьбой,
Как робкое дитя с испугом и тревогой...
В грядущее ль смотрю – и жизнь передо мной
Уныло стелется знакомою дорогой.
Лишенья и борьбу, утраты и печаль
Я вынес на щите, как черную добычу
Из битвы пламенной – и, озаряя даль,
Не юность, не друзей – забвение я кличу...
7 марта 1894

ВСЁ ТАЕТ

Все тает, все каплет, все тает!..
Снега помутнели, и с крыши
Серебряный дождь упадет...
Всё тает... все тише и тише!
Последние слезы мороза
Румяное солнце лобзает,
Последняя зимняя греза
Звенит и дымится – и тает!
Всё тает, как сны пред рассветом,
Как вздохи глубокой печали...
Леса почерневшим скелетом
Навстречу весне закивали!
И, внемля весеннему бреду,
Яснее на синем просторе
Заря торжествует победу
И ропщет бурливое море...
Всё тает... но грустно и больно
Внимать пробужденному шуму...
Встречая весну богомольно,
Я тяжкую думаю думу,-
Всё тает, надежды и годы...
И память о милом когда-то,
Как лед пробужденной природы,

Растает... уйдет без возврата.
И дружба, как счастье, не вечна,
И сердце, как слезы, остынет,
И всё, что лелеем сердечно,
Усталую память покинет!..

Март 1894

«Мне кажется порой, во мне страдает кто-то...»

Мне кажется порой, во мне страдает кто-то,
Другой – отзывчивый, другой такой же я,
И у него всегда, как у меня, забота,
И у него любовь к волненьям бытия.
Он часто мне дает ответы на вопросы,
Которые меня смущают, как разлад,
В котором рои дум, как волны об утесы,
Разбитыми бегут, отпрянувши назад.
Но я не раб его, и он не мой властитель,
Он только часть меня, я – только часть его.
Он страшен и любим, как демон и хранитель,
И я в бессилии погас бы без него.
В его очах – гроза, в его дыханьи – нега,
Он робок, как дитя, и властен, как творец.
Он так же, как и я, он – Альфа и Омега,
Он мудрость и любовь! Начало и конец!
Май 1894

МЕЛОДИИ

Я вижу, сыплется в избытке красоты
Душистый снег весны – черемухи молочной
Весенние цветы, как девы непорочной
Отвергнутой любви невинные мечты.
Душистый снег весны – опавшие цветы!
Я вижу в золоте, в румянце облаков
Последние лучи – вечернее сиянье.
Длиннее тень легла, слышнее трепетанье
Поникнувших ветвей и слаще вздох цветов,-
Последний аромат – последнее прощанье!
Я слышу, как весна, боясь мечты своей,
И дышит и дрожит в цветущем упоеньи,
И слышу, как в кустах рыдать о наслажденьи
Проснулся на заре вечерний соловей -
Рыдающий певец в стыдливом пробужденье!
И чувствую – под песнь рыдающей любви
Растет моя печаль, растут воспоминанья,
И нет им отзвука, и нет в них очертанья,
И слабо тлеет жизнь в хладеющей крови,-
Отцветшая любовь ожившего страданья!..

Май 1894

«Светает; за окном моим...»

Светает; за окном моим
Деревья тощие трепещут
И небеса уныло блещут
Без солнца светом гробовым.
Убого всё в деревне грязной,
И вдоль проселочной земли,
Как след морщины безобразной,
Колеи топкие легли.
Здесь бледен луч скупого солнца,
И равнодушного чухонца
Жизнь сиротливая тиха.
Здесь только слышен пастуха
Жестокий бич, мычанье стада,
Да в глине вязнущих колес
Тяжелый скрип. Здесь слез не надо,
Здесь самый смех достоин слез!
И тут же рядом, теща око
Своим стремленьем кочевым,
Несется поезд издалёка
И стелет призрачный свой дым.
И долго длится свист протяжный,
И утомительный и важный,
Напомнив мрачному в глуши,

Что где-то есть пышной природа,

Что есть полнее жизнь души

И благотворнее свобода!

Июнь 1894

ОСЕННЕЕ

В мутном тумане почила земля,
Темные тучи над жнивьем нависли...
Падают листья с сухого стебля,
Падают поздние мысли,
Друг мой, я жду не дождуся огня...
Вечер зарю не затеплил ошибкой...
Ты, мое солнце, осветишь меня
Поздней и нежной улыбкой.
Август 1894

«Ты помнишь ли, подруга юных дней...»

Ты помнишь ли, подруга юных дней,
Ты, черных дней звезда любви прекрасной,
Свиданий час – не пел нам сладкогласный,
Не пел влюбленный соловей.
Встречались с тобой мы в улицах туманных,
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым.
Не музыка лесов широколиственным воем
Приветствовала нас, а грузный лязг колес,
И барабанный бой солдат, идущих строем,
И крики торгашей, как шум несметных ос.
Нас в душном городе теплом гостеприимным
Всё грело, всё влекло... И весь нестройный гам
Звучал мелодией, звучал победным гимном
Еще доверчивым сердцам!
И в тесной улице, как в галерее длинной,
Картина пестрая сменялася картиной,
Не ужасая ум бессмертной суетой,-
Всё взоры тешило мечтательностью яркой:
Усталый продавец под рыночную аркой,

Застенчивый бедняк с протянутой рукой,
Салопница, идущая с кухаркой,-
Неторопливая расчетливым умом,
И над рассыпанным желтеющим овсом
Веселых голубей откормленная стая -
Все радовало нас, восторгом опьяняя,
Как шумно брызжущим вином.
Не проклинали мы волнующийся город:
Моложе ты была, и твой поэт был молод,
От жизни малое просили мы тогда,
Л жизни впереди казалось так много.
И вот прошли года... тяжелые года...
К нам постучалась забота – и нужда
Стоит, как сторож, у порога.
Желания растут в измученной груди,
От них в ней тесно стало сердцу,
И жизни кажется все меньше впереди,
А просьбы больше к громовержцу.

1894

ОТТЕПЕЛЬ

Гудит в обезлиственных ветках,
Безумствуя, ветер;
Косматые тучи несутся
По серому небу.
Снега замутились и тают...
Смятенье природы
Приветствуют гомоном птицы,-
Пахнуло весной!
Прозрачно, загадочным светом
Лучи золотые
Тепло обещают, и сердце
Надеждами греют...
Мне слышатся тихие вздохи
Любви улетевшей
В журчаньи и рокоте влажном
Серебряных капель.
Душа отогрета, и счастьем
Наполнились думы...
И точно заря сквозь вершины
Нахмуренных сосен,
Прощальная юность сияет
Сквозь бремя заботы...
И в сердце, и в памяти слезы,

И слезы – в природе!..

1894

«Не мигают зарницы вечерние...»

Не мигают зарницы вечерние,
Не поет соловей по ночам,-
Только сердце мое суевернее,
Только верю несбыточным снам.
Зашумит ли дубрава зеленая,
В туче месяц блеснет ли щитом,
Или бурей волна опенённая
Загудит на просторе морском,-
Взоры вспыхнут, и сердце мятежное
Просит бури безумных страстей,
Точно горе его неизбежное -
Горе леса, небес и морей...
И душа разверзается страстная,
Как от молний ночных вышина,
И природа ей вторит согласная,
Как покорная думам струна...
1894

ТИШЕ, МУЗА!

Тише, Муза! Мы в потемках -
Между грязи, на обломках
Обесславленной земли.
Вкруг болота, мхи и елки...
Тише, Муза! Слышишь, волки
Воют жалобно вдали?
Мы озябли, мы устали,
Сердце грезы истерзали,
Путь наш долог и уныл.
Нет огней, знакомых взору,
Лишь вблизи по косогору
Ряд темнеющих могил.
Где же край обетованный,
Путь лучистый, путь желанный,
Мир восторженных прикрас?
Не того с тобой мы ждали,
Как поутру без печали
Повстречались в добрый час!
Ты любить еще умела,
Ты так нежно песни пела,
В даль волшебную влекла;
И пред нашими очами
Вся сквозящая лучами

Золотилась полумгла.
Нам цветы нежней дышали,
И о славе лепетали
Водометы и ключи.
А теперь – теперь в потемках,
На поруганных обломках,
Муза, плачь или молчи!..

24 июня 1895

У ПРИЛИВА

Я помню вечер и луну,
Над морем грусть дышала.
Волна баюкала волну,
Волна волну качала.
В душе, как море к берегам,
Теснился дум избыток.
Душа читала по складам
Былого темный свиток.
Я видел юность, красоту...
И всё, чем жил сначала...
Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала.
За новым сном забытый сон
Вставал, как друг давнишний,
А вечер гас со всех сторон,
Таинственный и пышный.
Звучали волны, чуть дыша,
Темнели краски в море,
И мнилось вечером – душа,
Как жизнь, погаснет вскоре!..

Июль 1895

ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ

1

Падают желтые листья с ветвей,
Падают грустно, бесшумно они.
Вот уж и вечер... зажглися огни -
Много вечерних огней!
В церкви, под купол, на поздний ночлег,
Шумно слетается стая галчат.
Серые тучи по небу скользят,
И безмятежен их бег.
Грустно и тихо в душе у меня,
Грустно в затишье померкших аллей;
Падают желтые листья с ветвей,-
Слезы осеннего дня!
Близкая ночь не пугает грозой,
В небе ни звезд, ни зарницы из туч.
Вечер осенний угрюм и пахуч
Мертвою, желтой листвой...

2

Тускло блещет солнце на закате
Из осенних облаков;
Веет тленьем в крепком аромате
Увядających цветов.
В темных соснах сумрак молчаливый.
Над водой дымит роса,
Ночь плывет, рукой неторопливой
Застилая небеса.
Ночь плывет, и тени ткет и дышит,
И душе забвенья нет.
И в осенней ночи сердце слышит
Улетающий привет.

Август 1895

«В ее душе разлад...»

В ее душе разлад,
Печаль в ее мечтах;
Кому же нежный взгляд,
Улыбка на устах?
Все ждет и ждет она -
Неведомо кого;
И в час, когда грустна,-
Не знает отчего.
Вчера, когда закат,
Алея, догорал
И на больничный сад
Прозрачный саван ткал,
Как лилия бледна,
Блуждая в полусне,
Запела песнь она
В решетчатом окне.
Та песнь была не песнь,
А слезы или кровь,
Ужасна, как болезнь,
И знойна, как любовь.

Ноябрь 1895

«Не смейся над моей иронией холодной...»

Не смейся над моей иронией холодной,
Привета не ищу язвительным речам.
Я сам давно смеюсь над скорбью безысходной,
И горек мне любви сожженный фимиам.
Но если иногда восторженное слово
Сорвется с уст моих – не радуйся ему,
Я восторгаюсь порою и тому,
Что, кажется другим несносно и сурово.
Не избалован я капризною судьбой,
И счастье мое счастливому – ничтожно.
Но то, что я куплю лишением и борьбой,-
Счастливому купить – и счастьем невозможно!
1895

NOTTURNO

Полосы лунного света легли;
Белый туман поднялся от земли.
Тощий кустарник и мшистые пни
Ожили, точно пигмеи, в тени.
Ветка нависла, как темный рукав,
Тянутся корни, как змеи, из трав.
Лунные пятна в вершинах сквозят,
Дремлет, и бредит, и движется сад.
Тайная жизнь, прозябая кругом,
Дышит и сыплет холодным огнем.
Веет и грезит, и мнится: сейчас
Мир, как виденье, умчится из глаз.
1895

«Я населил таинственным мечтаньем...»

Я населил таинственным мечтаньем
Надзвездные миры;
В них вдунул жизнь, облек очарованьем,
Принес свои дары.
Я острова цветущие раскинул,
Пустыни и леса;
И в радугах над ними опрокинул
Иные небеса.
Там я возвел причудливые горы
Из льдов и янтаря
И светлых рек текущие узоры
Влил в ясные моря.
Но только что дерзнул воображеньем
Создать бесплотных я -
Мой новый мир наполнился смятеньем
И воплем бытия.
Развеялся туман очарованья:
Постигнуть я не мог -
Жизнь без борьбы, и счастье без желанья,
И радость без тревог!..

НОЧЬЮ

Ночь в открытые окна лениво струит
С ароматом цветов утомительный жар.
Я не сплю; надо мною докучно жужжит,
И кружит, и жужжит залетевший комар.
Ночь трепещет в тени задремавших берез,
Бледным светом луны золотит облака;
Мне не спится – и очи пылают без слез,
И без слез об утраченном счастье тоска,
Ночь уходит; с ее звездоносных порфир
Исчезает, как призрак, лукавая тень.
Скоро вновь озарит безмятежный эфир
Лучезарной улыбкой ликующий день.
Но из сердца холодная ночь не уйдет,
Не спугнет ее блеск ароматного дня,
И чарующих снов золотой хоровод
Для надежд и любви не разбулит меня.
〈1896〉

«Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он...»

Прозрачный вечер тих, но всё еще не мог он
Померкнуть и затмить ликующего дня,
И матовым свинцом мерцает в стеклах окон,
Как очи тусклые без мысли и огня.
Померкла молодость, но грезы упования
Погаснуть не спешат в задумчивой глуши,
И светит бледное мечтам воспоминанье,
Как счастье позднее измученной души.

⟨1896⟩

«Как вздох земных морей в небесную мечту...»

Как вздох земных морей в небесную мечту
На небе претворен, рождая облак дымный,
Так претвори, поэт, в свой стих гостеприимный
Всю горечь юности, всей жизни полноту.
И если иногда грозою шумной жизни
В горячее лицо дохнет былая страсть
Весеннею росой, – живая песня, брызги
И сердца услади мучительную власть!

⟨1896⟩

«Чем смертоносней влага в чаше...»

Чем смертоносней влага в чаше,
Тем наслаждение полней,
И чем страшней бессилье наше,
Тем жажда жизни тяжелей.
Наш век больной, – в его безверьи
Мы вопли веры узнаем;
И, стоя к новому в преддверьи,
Влачим, как пытку, день за днем,
Горды надломленные крылья,
И смел коснеющий язык...
И грустно мне, что в дни усилья
Наш век бессилием велик.

⟨1896⟩

«Пришла румяная весна...»

Пришла румяная весна -
Воскресший сад певуч и весел.
И клен, зацветший у окна,
Зеленой сеткой даль завесил.
У камня мшистого, где пруд
Покрыла ржавчина и плесень,
Кувшинки белые растут
И Ждут улыбки или песен.
И на расшатанный плетень
Дубок приник в изнеможеньи.
Везде прекрасен вешний день,
Еще прекрасней – в запустеньи!..
〈1896〉

«Святые детские порывы...»

Святые детские порывы
Весенних дум, весенних слез,
Я пережил ваш день счастливый,
И вас я в песни перенес.
И вас я в песни перенес.
Сквозь душный мрак тяжелой жизни
Для опечаленной земли
На небесах, в святой отчизне,
Вы маяки свои зажгли.
И чем шумнее жизни бури
И чем страшнее сердца тьма,
Тем вы яснее на лазури,
Тем вы отрадней для ума.
Не угасайте, озаряя
Страдальца шаткие шаги,
Чтоб я мог в ночь огнями рая
Возжечь земные очаги.
〈1896〉

«Я хотел бы верить в прозу жизни...»

Я хотел бы верить в прозу жизни,
В темную игру земных побед,
Но душа, смутившись, в укоризне
Требует на каждый вздох – ответ.
Каждый шаг на жизненной дороге,
Каждый день, утраченный в борьбе,
Как раба, душа в немой тревоге
Отвечает совести – рабе.
Казнь моя – бесплодные сомненья,
Гордая, бессильная тоска.
Мимо жизни шума и волненья
Мчит меня без пристани река.
Нет границ реке быстротекущей,
Но и нет простора для мечты;
Только сердце жаждет воли пуще,
Только горше вопли суеты...

⟨1896⟩

ДВА БЕСА

Мне не страшен ночью темной
Бес, явившийся некстати,
Что кивает так потешно
С глупой миной у кровати.
Это призрак и к тому же
Слишком немощный для мира,
У него два темных рога,
Как у древнего сатира.
Не его уму лукавить,
Не пред ним дрожать в испуге,-
По всему в нем видно мужа
Благодетельной супруги.
Я боюсь другого беса:
Он не высох в лихорадке,
Рожки шляпою прикрыты,
Когти спрятаны в перчатки.
Он танцует очень ловко,
Разговаривает сладко,
Но в очах его злодейство,
Но душа его – загадка.
Легкомысленный и дерзкий,
Не бояся громовержца,
Он, того гляди, похитит

Нечто милое из сердца...

⟨1896⟩

«Дай мне звуков, дай музыки стройной...»

Дай мне звуков, дай музыки стройной;
Пусть на миг я душой оживу;
Пусть, что было лишь грезой знойной,
Разрешится, как жизнь, наяву.
Я хочу в эти дни голубые,
В ароматные майские дни,
Позабывать свои думы больные,
Что, как змеи, таятся в тени.
В той тени, леденящей мне душу,
Где лучом догоревшей мечты
Только мрачную тьму я нарушу -
Как создаст ее ночь суеты.
Горькой мукой, бессильной борьбою,
Злой обидой врагов и друзей,
Где один я стою под грозою
С беззащитною Музой моей...

⟨1896⟩

ДВА ГЕНИЯ

Их в мире два, они – как братья,
Как два родные близнеца,
Друг друга заключив в объятия,
Живут и мыслят без конца.
Один мечтает – сильный духом
И гордый пламенным умом.
Он преклонился чутким слухом
Перед небесным алтарем.
Внимая чудному глаголу
И райским силам в вышине,
Он, как земному произволу,
Не хочет покориться мне.
Другой – для тайных наслаждений
И для лобзаний призван в мир,
Его страшит небесный гений;
Он – мой палач и мой вампир.
Они ведут свой спор старинный,
Кому из них торжествовать;
Один раскроет свиток длинный,
Чтоб всё былое прочесть.
Читает гибельные строки,
Темнит чело и взоры грусть;
Он всё: тоску мою, пороки -

Как песни знает наизусть.
И все готов простить за нежный
Миг покаянья моего...
Другой – холодный и мятежный -
Глядит, как демон, на него.
Он не прощает, не трепещет,
Язвит упреками в тиши
И в дикой злобе рукоплещет
Терзанию позднему души.

⟨1896⟩

«Дай горе выплакать! Дай вынести одному...»

Дай горе выплакать! Дай вынести одному
Всю ревность, злость мою и муку!
Ты видишь, я мечусь и окликаю тьму,
Пытая дерзкую разлуку...
Напрасно сердцу вновь, как легковёрный друг,
Рассудок шепчет утешенье.
Душа моя в огне; в ней пламень и недуг,
В ней жажда счастья и смятенье!
И холодно в огне, и ропотно в тиши,
Как будто я делю страданья
Другой, измученной, но любящей души
Под гнетом долгого изгнанья...
<1896>

ГИМН ОТСТРАДАВШИМ

Они отстрадали на грешной земле,
Все лучшие песни отпели.
И тихо уснули в таинственной мгле,
В подземной своей колыбели.
Года за годами прошли и пройдут.
Мир в гордом величьи лукавит;
Но вечные розы в их звуках цветут
И вечная память их славит.
Их слава растет!.. В непогожую ночь
Так смелый прибой, ударяя
О берег, бежит, рассыпаяся, прочь,
Все гульче и гульче вздыхая...
〈1896〉

ЛЕТО

Июнь. Пронизан мрак полночный
Душистым запахом теплиц.
Спадает яблонь цвет молочный,
Мерцают отблески зарниц.
Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки,
И солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки.
Светло и радостно и пышно!
Повсюду зной и жизнь и цвет...
Но соловья уже не слышно,
И гуще ночи полусвет.
Прекрасно в солнечном июне,
Но зноем мы утомлены...
Прекрасней было накануне -
Душистым маем – в дни весны!
Тогда звучней журчали воды,
Перекликаясь с соловьем,
И краски юные природы
Сияли новым торжеством.
Тогда по саду негустому
Бродили сны, восторги, лень...
Теперь тропинка гуще к дому,

Но там – раздумье целый день.
И с первым цветом опадает
Мечта – весны моей звено...
Так все светлей, что обещает,
И все темней, что свершено!..

Январь 1896

«Сегодня в ночь весна-колдунья...»

Сегодня в ночь весна-колдунья
На молодое новолунье
Снега последние смела,
Сережки ивы растрепала
И окаймлять цветами стала
Озер сквозные зеркала.
Зажглась румянцами по тучам,
Прошла дождем в лесу дремучем
И бальзамичною смолой
По хвоям елок проблеснула,
Шум ободряющего гула
Неся в их сумрак вековой...
Апрель 1896

АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ

Пышней, чем в ясный день расцвета,

Аллея пурпуром одета.

И в зыбком золоте ветвей

Еще блистает праздник лета

Волшебной прелестью своей.

И ночь, сходящую в аллею,

Сквозь эту рдяную листву,

Назвать я сумраком не смею,

Но и зарей – не назову!

1896

РАКЕТА

Взвилась летучая ракета
Из темной зелени ветвей,
И сноп рассыпчатого света
Мелькнул и скрылся от очей;
Вослед ее летит другая,
Огни цветные рассыпая,
И брызги легкие огня
Чертят и брызжут в тьме лазурной,
Но шум и блеск и бег их бурный
Не принесет живого дня.
Напрасно в дерзости надменной
Стремятся чадные огни
Туда, где тихо свет нетленный
Льют звезды в сладостной тени.
Им не затмить звезды прелестной,
Сверкнувшей с чуждой высоты,
Как не затмят любви небесной
Земные, бурные мечты!..

1896

ГРУСТЬ СОСЕН

Шел я весной, в сумерках туманных,
Рощей сосновой, тихую дорогой.
Хмурые сосны в думях неустанных
Вслед мне шептали с тайною тревогой:
“Грустно нам, грустно, соснам молчаливым,
Грустно нам думать думы вековые!
Снежной метелью, вечером тоскливым
Мы одевались в ризы ледяные;
Пели нам, пели зимние метели;
Слаще их птицы майские споют нам!
Вот из-под снега воды зашумели,
Птицы щебечут в гнездышке уютном.
Долго и долго солнышко нас грело!
Встретили много белых зим и в сен,
Долго росли мы, тихо и несмело,
Много погибло нас, косматых сосен...
Много сорвало бурями сердито...
Плачем смолою, если вечер зноен!
Радостное солнце нами позабыто,
Траур наш темен, ропот наш нестроен”.
Так мне шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля в воздухе румяном...
Дымно вставали влажные туманы,

Плыли над ними тучи караваном.
В роще сосновой хвоями и мохом
Почва дышала в трепете унылом...
Плакало сердце; с облегченным вздохом
Слезы катились о далеком милым!..

1896

ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ

Весной, в лучах, при шуме вод,
Кружится легкий хоровод
Нарядных светлых мотыльков
Над влажной зеленью лугов.
И, видя их счастливый рой
Над отогретою землей,-
Во дни весны и торжества
Дерев засохшая листва,
Гонима ветром кочевым,
Стремится к бабочкам цветным...
Летит листва, шумит: и мы
Расторгли плен своей зимы,
И мы проснулись с лучом!..
И мы летаем и живем!..
Так вы, убитые в глуши,
Мечты истерзанной души,
На краткий миг оживлены
Восторгом чуждой вам весны!
И, видя счастье и любовь,
Вы окрыляетесь вновь -
И мчитесь мертвою толпой
Навстречу юности чужой!
И упадете опять

На прахе прахом истлевать!..

1896

В РОЩЕ

Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кручиною;
И сплелися ветками, словно паутиною,
Белая береза, серая ольха.
Дремлет в вязкой тине неподвижный пруд,
Дремлют камни старые, желтым мхом покрытые,
И в тени под соснами солнцем позабытые
Перелески синие медленно цветут.
Если на закате вспыхнут небеса,
Роща оживает под лучами алыми,
И блестит рубинами и горит опалами
На траве и мохе ранняя роса.
И кружит воронкой мошек черный рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, преклоненные
Над землею, веющей сыростью грибной.
〈1897〉

«Я не вижу врагов, не могу враждовать...»

Я не вижу врагов, не могу враждовать,
Что такое вражда – не могу я понять.
Не враждует же волк, если голоден он
И ягненка берет в свой кровавый полон?
Не враждует же волн разыгравшийся бег,
Если слабым пловцам дно готовит ночлег?
Не враждует же смерть, если силы запас
В зябком теле иссяк, в робком сердце погас?
Не враждует же бог, если губительный гром.
Освежая поля, опалит нас огнем?
Я не вижу врагов, не могу враждовать,
Что такое вражда – не могу я понять!
Март 1897

«Пел соловей, цветы благоухали...»

Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь, – алел закат огнем.
Он был один, он – юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней, – и раньше и теперь.
И мир пред ним таинственной владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоен.
Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастье, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.

Май 1897

«Как воздух свеж, как липы ярко...»

Как воздух свеж, как липы ярко
Румянцем осени горят!
Как далеко в аллеях парка
Отзвучья вечера дрожат.
Не слышно птиц, не дышит роза,
Врываясь, мчатся в мрак деревьев
Свист отдаленный паровоза,
Удары башенных часов.
Да прозвучит в траве росистой
Кузнечков поздних тяжкий скрип,
Меж тем как вьется лист огнистый,
Без шума упадая с лип.
Все полно смерти предстоящей,
И в тишине тягучих струй
Уж стужа осени дрожащей
Запечатлела поцелуй...

Октябрь 1897

«Еще повсюду в спящем парке...»

Еще повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.
Их греет солнце... Скоро, скоро,
Под лаской девственных лучей,
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.
И, торжествуя счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом сосновым
Вздохнет усталая земля.
1897

УХОДЯЩАЯ ЗИМА

Тепло почувствовав и влагу
Уже растаявших снегов,
Поет задор, поет отвагу
Семья весенних воробьев.
С ветвей намокших тянет прелюю,
Свежее сосен бахрома.
Весну к родному новоселью
Зовет слезливая зима.
И, тая тихими слезами,
В лучах от сладострастных нег,
Зима под треснутыми льдами
Торопит волн упрямый бег.
Заходят воды, вздуют льдины,
Надышат ветры и туман,
И в пробужденные долины
Слетит весна из южных стран.
И встретит север гостью юга -
И перед ней рассыплет он,
Как дар измученного друга,
Цветы и блеск со всех сторон...

1897

«День гаснет зарею, свиваясь с тенями...»

День гаснет зарею, свиваясь с тенями;
В пустынных аллеях глубокая тишь.
И только как призрак, ширяя крылами,
Порою промчится летучая мышь.
С деревьев, вечерней росой отягченных,
И каплет, и брызжет, как будто они
Заплакали молча, в мечтаниях сонных,
Встречая опять теплотворные дни.
Ни звука, ни страсти в душе умиленной,
Глубокая тишь осенила меня;
Как в дали, весеннюю мглой осребренной,-
В ней зреют восторги грядущего дня.
1897

ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ

В осеннем холоде мерцающего дня
Сквозят ряды аллей, как колоннады арОК;
Багряный их навес так нежен и так ярОк,
Как будто соткан он для ветра из огня.
Вот налетит сейчас дыхание зефира -
Задует светочи, развеет в прах листву,
Где осень пышная, подобно божеству,
Вершит и празднует еще поминки мира.
Печальный реквием звучит повсюду мне:
И в шорохе листов, шуршащих под ногами,
И в шуме поздних пчел над поздними цветами,
И в крике журавлей, летящих в вышине!
Прощай до вешних дней, суровая краса
Таинственных лесов! Прощайте, небеса
С улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы;
Прощай, раскат громов, – я верю, будет день,
Ты снова прогремишь, чтоб вызвать из гробницы
Развенчанной весны оправданную тень!..
1897

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Сейчас был гром, и дождь обильный
Смочил засохшие поля,
Омыл листву бузины пыльной
И освежил побег стебля.
С полей несется запах хлеба
В разгоряченное лицо,
И опоясало полнеба
Румяной радуги кольцо.
Цветы полны алмазной влаги,
И фимиамы их слышней.
Гремят весенние овраги
Волною мутною своей.
Шурша листвою прошлогодней,
Лягушки прыгают в лесу.
Благословен ты, гром господний,
Принесший волю и красу!..
〈1898〉

«Как будто раннею весною...»

Как будто раннею весною,
В дни поздней осени – светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою.
Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...
Последний блеск, последний шум
В дыханьи осени так внятен,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматен,-
Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...

Январь 1898

СТАНСЫ

Пусть говорят: она пропала,
Пусть к ней закрыта крепко дверь;
Она в душе моей сияла,
Она сияет и теперь!
Мой друг! У твоего преддверья
Стою я, полный новых сил,-
Мертвы иступленные перья
В холодном трауре чернил.
И всё еще порою снится:
С тобою снова буду жить,
Чтоб смутной ревностью упиться,
Чтоб вновь восторги заслужить!
Апрель 1898

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Гроза прошла. В обрывках туч
Уже горит вечерний луч
Кудрявым заревом... Левкоев
Душистей сладкий аромат.
У дачных сумрачных покоев
Открыты окна в мокрый сад.
Балкон под влажной парусиной
Еще пустынен, хоть на нем
Накрыт для чая стол, кругом
В живых цветах... Меж тем в гостиной
От ранних свечек блеск скользит...
Раскрыт пюпитр, рояль звучит.
И бурно льется музыкальный
Этюд. В саду же, на песке,
Играют дети в бильбоке,
И шар, как маятник печальный,
Вперед качаясь и назад,
Ложится в лузу невпопад.
Темнеет в мягкой сени сада,
А на балконе – самовар
Еще все медлит. Летний жар
Остыл. Вечерняя прохлада
Ко сну смежила цвет гвоздик

И листья клевера... Поник
И замер сад. Скрипит калитка,
Звучат живые голоса.
Раздался визг веселый пса,
Бегущего навстречу прытко
Толпе нарядной... Говор, смех...
Непринужденны все и бойки.
Фасоны платьев модной кройки,
И лица – радостны у всех.
Блеснула лампа на балконе,
И самовар внесен... Слышать,
Как людям стали отвечать
Стаканы в мягком перезвоне...
Свет в сад упал. Деревьев сень
Чертит и движет по аллее
Свою обманчивую тень.
Стал разговор еще живее,
Еще наивней юный смех
Среди безоблачных утех.
О, здесь, конечно, есть влюбленный,
И есть влюбленная. Чете
Смеется даже сад зеленый
В своей неверной темноте!
Здесь дышит все кануном счастья,
И, может быть, когда-нибудь,
Тогда, как черное ненастье

Заворожит счастливым путь,-
Им будет радостным виденьем
Казаться улетевший рай,
Балкон с вечерним освещеньем
И запоздалый этот чай.

Июнь 1898

УТРО

Еще как будто сновиденью
Безмолвно внемлет старый сад;
Еще, облиты смутной тенью,
Вершины темные молчат, -
А влажной ночи содроганье
Уж день пророчит. Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!
Там, за вершинами густыми,
Свод неба ясен и стыдлив,
Там тучки льдинами седыми
Бегут в оранжевый залив.
И птиц веселых щебетанье
Вещает счастье... Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!
Как пышно в розовом эфире!
Как будто умерло в сей час
Всё угнетающее в мире,
Всё убивающее нас!
Как будто зло и гнев насилья,
Вокруг царящие года,
Расправив бешеные крылья,

Умчались в Тартар навсегда!
Но нет, напрасно заблужденье!
И это утро, как любовь,
На миг подарит наслажденье
И к ночи нас обманет вновь.
Опять заплачут чьи-то очи,
И кто-то будет вновь страдать,-
И перед тьмою грешной ночи
Святому дню не устоять.

Июль 1898

СТАНСЫ

Всё пережито, что возможно,
Всё передумано давно,
И всё так бледно, так ничтожно!
Чего желать? Не все ль равно!
Рассудок чувству не уступит,
А чувство ум клянёт назло,
И память страстью не искупит
Того, что время отняло!
Не смей любить, не смей обидеть,
Не смей желать во цвете лет,
Не знать, не чувствовать, не видеть,-
Ужели блага выше нет?

Август 1898

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Как будто поцелуй горячий
Деревья пламенем обжег;
Один, перед пустынной дачей,
Дворовый пес, грустя, прилег.
Листва осыпала дорожки,
И позабытая метла
Покорно дремлет у сторожки,
Где в кучу мусор намела.
Всё облетело, все поблекло,
Поник обветрившийся сад...
Сквозь отуманенные стекла
Билеты бельмами торчат.
Где прежде был в мажорном тоне
Веселый смех и разговор,
Петух горланит на балконе
И жадно разгребает сор.
И лишь, склоняясь к цветам увялым,
Глядит вербены алый цвет
В раздумье тихом и усталом,
Как меланхолик юных лет...

Сентябрь 1898

«Сумерки шире спадали...»

Сумерки шире спадали,
Ткали покров для ночлега;
Белые мухи летали -
Белые звездочки снега!
Белым ковром расстилалась
Даль, застывая несмело;
Сердце как птица металось,
Сердце надежду не пело.
Чутко и грустно прикован
К снежному сумраку, – снова
Был я на миг очарован,
Только без слез и без слова.
Только мечты погасали,
Словно прощальная нега...
Белые пчелы летали -
Белые звездочки снега...
1898

«Белый снег мутнеет в блеске...»

Белый снег мутнеет в блеске,
Всё теплее день от дня,
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.
Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленною кадкой
Из железных желобов.
За решеткою ограды
У оттаявших кустов
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.
В мутных сумерках бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.
Мне взгрустнулось... Что такое?
Как душа моя полна!
Здравствуй, солнце молодое!
Здравствуй, юность и весна!
1898

«Ветер ласковый при встрече...»

Ветер ласковый при встрече
Розу только поцелует,
Одуванчики ж, как свечи,
Поколеблет и задует.
Налетит, как ветер, горе,
Сердце юное – чуть тронет,
А в отцветшем сердце вскоре
Всё уььет, все похоронит...
1898

«Бежит волны кипучий гребень...»

Бежит волны кипучий гребень.
Поет стремлению хвалу
И, разбиваясь о скалу,
Приносит ил, песок и щебень.
Не так ли юности порыв
Шумит, бежит, нетерпелив,
Поет хвалу земной отваге...
Но властный опыт разобьет
Его вольнолюбивый ход,
Как жесткий берег – пену влаги...

1898

А. С. ПУШКИНУ

Твое рождение здесь, и сердце здесь твое
Забилось первым впечатленьем.
Благодарю тебя! Ты скрасил бытие
Своим волшебным вдохновеньем.
Я, раб твой преданный, так любящий тебя,
Бессилен высказать, что ты творил, великий!
Сойди, благослови незримо и любя
Под благодарственные клики.
Здесь вижу облик твой: бессмертный и простой,
Стоишь ты грустно молчаливым,
Еще задумчивый над суетной толпой,
Но созванной твоим призывом!
Вокруг тебя гремит стоустая молва...
И верь, благой пророк зиждительного слова,
Не раз благодарить придет тебя Москва,
И Русь, и целый свет – еще, опять и – снова!

24 мая 1899

Москва

«Желтыми листьями дети играли...»

Желтыми листьями дети играли...
Осенью были те листья посеяны,
Ветром с тоскующих веток рассеяны
Желтые листья, как слезы печали.
Желтыми листьями дети играли;
Листья шумели и листья роптали.
Поздними грезами сердце играло...
Были те грезы когда-то пленительны;
Были, как щедрость любви, упоительны...
Юность их сеяла – горе пожало...
Поздними грезами сердце играло,-
Молодость плакала и улетала...
Сентябрь 1899

«Деревня скрылася... И нивы...»

Деревня скрылася... И нивы
Уже от взора отстают.
Речонки быстрые извивы
К Заставе города ведут.
Вот город. Крашенные дома,
Казармы белые, бульвар...
Клочки разбросанной соломы,
В сенях дымящий самовар.
Здесь из пекарен запах хлеба,
Здесь стук колес и гам людской,
И зарумяненное небо
Румянит лужи мостовой.
И снова странное волнение,
И вновь знакомая печаль
От простодушного селенья
Зовет в безжизненную даль...
1899

«Вечера всё белей и беззвездней...»

Вечера всё белей и беззвездней,
И прозрачно и тихо в лесу,
Только слышен малиновки поздней
Робкий щебет в девятом часу.
Как свежо! Но свежо без тумана.
Вечер дремлет раздумьем в кустах,
Заживает душевная рана,
Сохнут слезы в усталых очах.
О, блаженство бессмертной природы!
Узнаю я дыханье твое,
И твоей безграничной свободы
Осенило меня бытие.
Словно счастья я снова достоин,
И оно улыбнулось вдали...
Я молитвенной грустью спокоен,
Только грустью не здешней земли...

1899

«Сколько веток поломано бурей...»

Сколько веток поломано бурей,
Сколько птичьих разрушено гнезд!
Но зато как лучист и блистателен
Этой радуги огненный мост!
Сколько роз недоцветших уронено,
Сколько пыли навеяно в сад...
Но зато от цветов распустившихся
И пышней и пьяней аромат.
О, не даром гроза благодатная
Пронесла над землей ураган;
Воздух сладко уснул, убаюканный,
И уплыл тяготевший туман,
〈1900〉

ПРОШЕДШЕЕ “Я”

Неясной дымкой даль объята,
К закату клонится мой день.
И я не тот, как был, когда-то,
И прежний “я” следит, как тень,
Следит всегда, следит повсюду,
Не отступает ни на шаг,
И говорит мне: не забуду
Тебя, мой друг, тебя, мой враг!
Тебя я нянчил в колыбели,
С тобою в детстве я играл,
С тобой мы вместе песни пели,
Когда во мне ты расцветал!
Ты первый выпил за здоровье
Моих надежд и юных сил,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросил?
Чем ты старше год от года,
Тем я моложе день от дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цветет и зреет для меня.
Союз наш верен и чудесен,
Ты голос мой, и я – твой звук,
И первый я умру без песен,

И ты второй – умрешь от мук.
Недаром мы сжились с тобою,
Недаром вместе рождены.
Ты – дух, творящий под грозою,
Я – дух забытой тишины.
Недаром страсти в нас метались,
И после смерти роковой,
Как в довременности сливались,-
Сольемся в вечности одной...

⟨1900⟩

ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним.
И мнится, вершины шумят:
“Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд”.
И мнится, цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют молча, головки склоняя,
Как в день роковых похорон.
И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.
Природа устала, и скоро
Ко сну ее клонит недуг,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все та же вокруг.
Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней,
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.
Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула

В окне красноватым пятном.
И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

⟨1900⟩

СТАНСЫ

Мой друг, у нашего порога
Стучится бледная нужда.
Но ты не бойся, ради бога,
Ее, сподвижницы труда.
При ней звучнее песнь поэта,
И лампа поздняя моя
Горит до белого рассвета,
Как луч иного бытия.
И мир иной перед очами,
То мир восторгов и чудес,
Где плачут чистыми слезами
Во имя правды и небес.
То мир, ниспосланный от бога
Для утешенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачет бледная нужда!
〈1900〉

ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Темно, темно! На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.
В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей.
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!
Пустынно все, но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой.
Они в душе рождаются одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.
Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

Октябрь 1900

ГРЕШНИЦА

Я так расстроена, я так расслаблена...
Ночь вся полна ароматной мечтой.
Смотрит в окно мое белая яблоня,
С ветром целуясь дрожащей листвою.
Будто под белой фатою – несмелые
Звезды мне с неба мерцают едва...
Руки мои опустились белые,
В мертвом молчании гаснут слова.
Нет ни молитв, ни слезы покаяния,
Чуждая миру – чужда небесам...
Можешь ли вымолить мне оправдание?
За оправдание – сердце отдам!

Октябрь 1900

Гатчина

ИЛЛЮЗИИ

Вы знаете ль тог мир иллюзий золотых,
Где всё напоено святым очарованьем,
Где нет докучной лжи и нет цепей земных,
Где даже хищный зверь проникнут состраданием,-
Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?
Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог,
Где истина живет и счастье процветает,-
Там высятся дворцы. Но зависть на порог
Стоглазою змеей туда не подползает,-
Вы знаете ль тех сфер заоблачный чертог?
Там небеса без гроз, без бури рокот волн,
В таинственных садах, над благозвучной чашей
Гармонией живой вечерний сумрак полн,
Весь запахом цветов, весь звездами горящий
И в синей вышине, и в плеске темных волн.
Не дышит красота там холодом сердец,
И вздохи в нежный гимн слагаются счастливо.
Светло начало там, еще светлей конец,
И память прошлое хранит благочестиво.
Не дышит красота там холодом сердец.
Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых?
Проникнулись ли вы святым очарованьем?
И если были там, то мрак степей мирских

Вам будет миражом, родным воспоминаньем
Заоблачной страны иллюзий золотых!..
1900

«Ищите новые пути...»

Ищите новые пути!

Стал тесен мир. Его оковы

Неумолимы и суровы,-

Где ж вечным розам зацвести?

Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,

Иссяк источник вдохновенья,

Но близко, близко возрожденье,-

Иная жизнь иного сна!

Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...

Велик и вечен храм искусства.

Жрецы неведомого чувства

К нему нисходят без конца.

И есть любовь, и есть сердца!

Мы не в пустыне, не одни,

Дорог неведомых есть много,

Как звезд на небе, дум у бога,

Как снов в загадочной тени.

Мы не в пустыне, не одни!..

1900

«Прошла любовь, прошла гроза...»

Прошла любовь, прошла гроза,
Но грусть живей меня тревожит.
Еще слеза, одна слеза,
Еще – последняя, быть может.
А там – покончен с жизнью счет,
Забуду все, чем был когда-то;
И я направлю свой полет
Туда, откуда нет возврата!
Пусть я умру, лишенный сил,
Не все кончина уничтожит.
Узнай, что я тебя любил,
Как полюбить никто не может!
С последней песнею любви
Я очи грустные смежаю...
И ты мой сон благослови,
Как я тебя благословляю!

1900

ДЕКАДЕНТАМ

Бледная, с поблекшими чертами,
А в очах огонь безумных грез,
Вот она!.. Вокруг ее – хаос
И жрецы с подъятыми власами.
Быют они в горячечную грудь,
И вопят они о чем-то непонятном,
Но не их кадиллом – ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть!
Прочь, рабы! И прочь, князья уродства,
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь!
Нет, не гром вас божий покарает,
Хохот черни злобно вас уььет...
Ваша Муза – как больной урод,
Что себя собою утешает!
Чернь дерзка, но искренна порой...
Ваша Муза – мумия пред нею...
И пророк грядущего – метлой
Вас прогонит, с вами – вашу фею,
Вашу Музу с гаерской клюкой!
1900

НА ПОЛЮСЕ

*Драматическая фантазия
Царь снегов. Северное сияние.*

Зима. Мираж.

Льдины. Призраки.

Молчание.

Царь снегов

Мой трон блестит игрою звездной,

Когда, как кровь, алеет день.

Плывет дыханьем пар морозный

От ледяных его ступень.

Молчанье спит, не слышно эха,

Повсюду блеск и серебро.

И солнца шар, как бы ядро

Окровавлённого ореха,

Горит в далекой вышине...

И я живу – и страшно мне!

Исхода нет...

Зима

О, старец-царь!

Сюда от стужи я и скуки...

Меня знобит, трясутся руки...

О, подогрей зари алтарь,-

Дохни!

Царь снегов

Ах, я над ней не властен,
Она бледней – едва дохну...

Зима

О царь, зажги тогда луну,
Ты к ней так нежен, так пристрастен.
Заря гаснет. Восходит луна.

Призраки

Безучастная святыня,
Вдохновенная луна!
Здесь морозы, здесь пустыня,
Тишина... И тишина!
Мы не молимся, не плачем,
Одиноки и сильны,
Мы пути еще означим
В этот сумрак тишины!
Зажигается северное сияние.

Северное сияние

Родилось... Зажглося...
Мгновением живу!
Я – светоч из хаоса
И сон я наяву.
Морозами умоюсь,
Растаю в вышине...
Моя отчизна – полюс,
И смерть моя в огне.

Таёт. Идут льдины.

Льдины

Нас побеждают!..

Покой наш разрушен.

Тают и тают,

И воздух нам душен!

Ломят нам спины

Парами, железом...

Бедные льдины,-

Трещим под нарезом.

Горе нам, горе!

Кто-то с востока

Тянет нас в море

Далёко... далёко!..

Даль озаряется электричеством. Слышно громохание кораблей.

В вышине показываются воздушные шары.

Молчание

Кто потревожил меня?

Кто? Я дремало от века!

Страшны мне грохоты нового дня,

Страшен напор человека!

Кто потревожил меня?

Является *мираж* в заре забрезжившего утра. Вырисовываются

в вышине башни, мачты кораблей, трубы. Проходят силу-

эты людей,

едут повозки, мчатся всадники, проезжают орудия и раз-
веваются

знамена.

Мираж

О, пробудися, царь снегов,
Взгляни на вещую картину!

Твою морозную равнину
Шатают полчища врагов.

Льдины

Мы девственно-чисты,

Мы нежно-светлы.

И белые сфинксы -

Медведи полярные -

В объятиях наших

Лежат целомудренно!

О, что от нас надобно?

Нас рушат, мы падаем,

Теснимся, и в натиске

Впервые озлоблены.

О, дайте молчание

И мир неподвижности...

О, призраки, призраки!

Спасите!.. Мы рушимся!

Призраки появляются в туманах и принимают очертания

ЮЖНЫХ

растений и зверей.

Призраки

Мы – ополчаемся,

Призраки властные!

Мы – облакаемсл

В ткани ужасные!

Где наши лилии звездные,-

Тонкие иглы от инея?

Где наши звездочки синие,

Пальмы на льдинах морозные?

Мы облакаемся в трепет...

Нет у нас больше молчания:

В нас пробуждается лепет,

Соки и жажда желания...

Льдины

Хрусталь наш девственный,

Покров невинности,

Ужель омочите

Вы кровью алою?

Призраки

Нет, не мы!.. а те, другие,

Чье дыханье веет тут,-

Ставят сети роковые,

Гонят, ломают и гнетут!

Ополчайтесь все силы

Наших северных ветров,-

И молчание могилы
Охраняйте от врагов!
В снежных безднах, в синих глыбах
Возмутите свой хаос
И на бешеных изгибах
Бросьте вызов в царство гроз!..

Налетают вихри; вздуваются льдины, колеблется почва, и
Молчание подымает смерч. Клубы волн врываются на полюс, рушатся ледяные горы. Вдали слышны вопли, звуки колоколов и набата.

Океаны выступают из берегов.

Октябрь 1901

СТАНСЫ

Лишь только зрячие разбудят,
В испуге смотрим мы назад:
Непонимающие – судят,
И ослепленные – казнят.
В унылом мраке заточенья,
В позоре, страхе и нужде
Идут живые поколенья,
Борясь и мучаясь везде.
О, дайте страсти, дайте доли,-
Они ведь отзвук старины.
Они родились поневоле
И сладко грезят в дни весны.
Всё, что отцы не досказали,
Что деды мыслили в тиши,
Что назревало в дни печали,
То им внедрилось в глубь души.
Мгновенно вспыхнуло, созрело...
И вот уж новые сердца
Себе иного ищут дела,
Иного требуют конца.
Зачем же муки и гоненья?
Они с грядущим заодно,
Они былого поколенья

Перебродившее вино!

4 июня 1902

ТАЯНЬЕ СНЕГОВ

Иная жизнь придет с весной
Шуметь на празднике природы...
И будут старые мечты
Другим и жизненны и новы:
Как полю – новые цветы,
Как птице – новые дубровы.
О, тай же, тай же, мутный снег,
Гони весенние разливы:
Иной весны ждет человек,
Иного пахаря ждут нивы...
15 марта 1903

«Пыль на улице. Травую...»

Пыль на улице. Травую
Площадь поросла.
Вкруг зеленою толпою
Смотрят купола.
По безлюдным переулкам
Блещут огоньки.
Слышен крик в затишье гулком
С Волхова-реки.
Дремлет Новгород великий,
Дремлет тяжело.
Или грезит волей дикой,
Преклонив чело?
Или былъ припоминает,
Роковую былъ?
И, зевая, поднимает
Уличную пыль...

Июнь 1903

Новгород

ИВЫ

Где сохнувшей речки извивы
Пленяют мечтательный взор,
Две ивы, две грустные ивы
Сплелися в столетний шатер.
И в полдень горячий без шума
Зовут пришлеца отдохнуть;
Одна у них песня и дума -
Как сладко под ними уснуть!
Уснуть без желаний, без грезы
На их многолетних корнях,
Пока возмущенные грозы
Спалят и размечут их в прах.

Август 1903

Старая Русса

НЕЗДОРОВЬЕ

Свечи ль зажгут – лягут тени огромные,
Странные тени в углах.
Свечи погасят – и в комнаты темные
Крадется шепчущий страх.
Клонит ко сну, но дремота тревожная
Черный являет кошмар.
Что-то ужасное, что-то безбожное
Мозг обожгло, что угар.
Встанешь – как плети лежат непослушные
Руки... И ноги болят...
Воздуха! Воздуха! Комната душная.
Мучает жажда, как яд.
Долгая ночь, точно вечность глубокая...
Скоро ли белый рассвет?
Небо всё в звездах, немое, стоокое,
Смотрит миллионами лет.
Тихо узоры обоев сливаются...
Дума язвит, как стрела:
Люди приходят и люди кончаются!
Скоро ли кончится мгла?
День всепобедный, скорее!.. Мучительно
Жажду я видеть рассвет...
Что же так маятник холодит медлительно,

Точно движения нет!
1903

СУМЕРКИ

Синеет даль, вся бирюзовая,
Из-за стекла.
В прозрачном сумраке столовая,-
Покой и мгла.
В футляре маятник шатается,
Он как весы.
Былое с вечностью сливается,
И бьют часы.
Деревья за окном скелетами
Стоят черны.
За их узорными просветами
Огонь весны.
Огонь зари вечерней светится,
И в тишине
К нам подойдет и не заметится
Ночь в пелене.
И почерневшими тенетами
Всё обовьет...
Гори же дальше позолотами,
Небесный свод!..
Не померкай, заря вечерняя,
И ты, весна,
Мои мечтанья суеверные

Испей до дна!

1903

ЛУЧ

Сквозь расшатанные доски,
В щель сарая, в душный мрак,
Ярко-огненные блески
Проскользнули, как маяк...
И ложится желтой змейкой
На стене и на полу,
По доскам и под скамейкой
Луч, прорвавшийся во мглу.
Мимолетной песни звуки,
Жизнь, блеснувшая во тьме,
И от выстраданной муки
Мысль, рожденная в уме,-
Это также только пятна,
Только краткий отблеск в щель
Из природы необъятной,
Где один закон и цель...
1903

“Весна, вперед, вперед дружной...”

“Весна, вперед, вперед дружной!”-

Кричит воробушек задорный,

И скачет он на ветке черной,

Встречая ранний блеск лучей.

Под снегом шепоты и звон,

Под снегом жизнь весны точится,

Слезится пруд и с крыш слезится,

И гонит солнце зимний сон.

Уже малиновый ивняк

В пушок облекся бархатистый.

То первый снег весны лучистый,

Как траур сосен – первый мрак!..

1903

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Давно любви их ранней
Распалось звено.
Давно они любили
И разошлись давно.
Страдал он одиноко,
Встречая бремя бед,
Она с другим делила
Восторги лучших лет.
И встретились снова
Раз осенью они.
Пылал закат, как факел,
На прожитые дни.
По роще, в хвоях сосен
Скользнули блески стрел.
Он думал: как увяла!
Она: как постарел!
Он “вы” сказать смущался,
Она не смела – “ты”,
И оба обрывали
Последние цветы.
Им многое хотелось
И вспомнить и сказать,
По-прежнему смеяться

Хотелось опять.
В ней сердце трепетало,
И ныло у него...
И молча разошлись,
Не вспомнив ничего...

1903

КРУГОВОРОТ

Чувство, греза каждая,
Каждое желание
Угасает в радостном
Пепле мироздания.
Вспыхнет на Мгновение,
Отпадет мгновением,
Насыщая смертного
Радужным видением.
И в пучине, дышащей
Злобой мира тесного,
Вновь погаснет искрою
В лоне неизвестного.
И, встречаясь с бездною,
Как с былым предтечею,
С искрой зачинаемой
Радуется встречею.
И в текущей вечности
К свету приобщается
И опять мгновенною
Искрой зажигается...

1903

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

На кленах молодых еще слезой сверкает
Роса весеннего дождя.
Еще весенний гром далеко гроыхает,
На запад отходя.
Обрызганный цветник стыдлив и ароматен,
Смежил цветы табак.
Между настурций он как снег меж алых пятен,
И ждет вечерний мрак.
Еще светло. Но тень длиннее и длиннее,
Вечерняя заря
Роняет косо луч... И длинная аллея
Прияла отблеск янтаря.
Горит вся золотом стеклянная теплица,
Как огненный рубин.
Сверкает дождь в листве... Но засыпает птица,
И сладок сон провеечных вершин.
Привет тебе, о вечер нисходящий!
Привет, прошедшая гроза!
Привет тебе, сверкнувшая над чащей
Небес стыдливых бирюза!

1903

«О, горе, горе тем, кто с отроческих лет...»

О, горе, горе тем, кто с отроческих лет,
Забыв волненья дерзкой прозы,
На небо устремит свой взор и, как поэт,
Начнет петь соловьев восторженно и розы.
Их дар не признают не эти и не те,
И гибнут русские поэты -
Под пулею, в нужде, в изгнании, клевете,
И песни не допев, и не свершив заветы...
Июнь 1904

“Тебя поймут, тебя поймут...”

“Тебя поймут, тебя поймут!-
Мне шепчет голос сладкий,-
И тихих дум певучий труд
Тогда глупцы не назовут
Туманною загадкой!”
Меня баюкает тот зов,
Тот зов надежды сладкой,
Я снова свеж, я вновь здоров,
Я верить истине готов,
И плачу я украдкой.
Светло в душе, тепло в уме,
Теплей в природе милой.
И точно луч в сырой тюрьме,
И точно свет в кромешной тьме,
Мне жизнь сияет силой.
Бодрей струится в жилах кровь...
Слезами умиленья
Уже приветствую я вновь
Весну, восторги и любовь
И праздник возрожденья!
16 октября 1904

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

Месяц всходит выше... выше...

Снег посеребрил.

Тень легла на снег от крыши,

От резных перил.

От амбара и от бани

Тени на дворе.

Небо, будто бы в тумане,

В млечном серебре.

Облака бегут... Крепчает

Молодой мороз.

Месяц искры зажигает

На ветвях берез.

12 декабря 1904

В ДОРОГЕ

Мой голос слаб, мой факел темен,
Иду неверною ногой.

А ночь глуха, а мир огромен,
И смотрят звезды надо мной.

Где сеять мне? Какое семя?
Кого мне зернами питать?

Господь! Пошли иное время,
Чтобы посеять и пожать.

Вокруг безлюдье... Снились тени
Глубокой тьмы, как щит врага.

Слабеет взор, дрожат колени,
Скользит над пропастью нога.

О боже мой, внемли страданьям
Души, идущей за тобой!

Не усыпи ее молчаньем,
Не разбуди ее грозой!

1904

СЕАНСЫ

Другу

Судьбой холодной и жестокой
Еще вполне несокрушим,
Мой милый друг, мой друг далекий,
И я озлоблен и гоним!
Бегу, ищу, желаю пристань,
И говорю уже себе:
“Сожгися мозг и сердце выстынь,
Не покоровишись судьбе!”
И слышу я в ответ, как эхо
Моей мятущейся судьбы,-
Ответ иронии и смеха,
Как молвят вещице гробы:
“Ты не уйдешь от пут жестоких,
От клеветы и от могил,
Погибнешь в муках одиноких
За то, что много возлюбил!..”

13 апреля 1906

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Чего хотим? И что мы ловим,
Идя озлобленным путем?
Не жизнь ли новую готовим,
Не сердце ль новое куем?
От родников, где прежде жили,
Ушли мы к новым родникам,
И прежних дум, и прежней были,
И прежних грез не надо нам!
Зарю увидели, и дружно
Мы к ней пошли, окрылены.
Иные падали недужно,
Еще иные – спасены!
Июнь 1906

В ГОРЕ

И шум и грусть в родной столице.
Мой младший браг сидит в тюрьме,
Моя жена лежит в больнице,
При этом – не в своем уме.
Двух дочек взяли по приютам,
А старший сын, совсем дурак,
Мне угрожает или кнутом,
Или под нос сует кулак.
Моя же муза, в самом деле,
Дрожит, как люди под замком,
Или в редакторском портфеле,
Или под цензорским ножом!..
24 сентября 1906

«Я хотел бы страдать, но не в силах страдать...»

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не могу.
Раз умершим цветам можно вновь расцветать -
Даже в дождь и во тьму на осеннем лугу.
Раз угасшему дню можно снова взойти,
Озаряя лучам, и небес вышину,-
Но что раз потерял на житейском пути,
Нам того не иметь, нам того не найти,
Как в сиянии дня золотую луну.

29 декабря 1906

«В мире душно и позорно...»

В мире душно и позорно,
И обидно жить.
Обрывается покорно
Быстрой Парки нить.
Что цвело – того не станет,
Все оденет тьма;
И за гробом нас обманет
Даже смерть сама.
Поколения другие
Нашу жизнь сметут;
Кратки помыслы святые,
Жалки мысль и труд.
Всё пройдет и всё обманет...
Жалок, кто живет,
Жалче тот, кого не станет
В омуте забот!
1906

НА ПРОСПЕКТЕ

Каменный дом, точно клетка огромная,
Щелями окоп тускло глядит.
Лестница длинная, лестница темная
Вьется все выше и звонко молчит.
Чьи-то шаги раздаются поспешные
По невеселым, крутым ступеням...
Чувства неверные, помыслы грешные,
Тут зарождаются, гаснут не там.
Много здесь окон и много – страдания,
Много открытых и тайных дверей.
Слышатся звуки то слез, то лобзания,
Видятся скорбь и отвага очей.
В улице шум и движенье греховное,
Мечутся люди, спешат и спешат,
К силе телесной стремится духовное,
К раю стремится низвергнутый ад...
1906

СТАНСЫ

Когда пройдут стремленья молодые,
Остынет кровь, поработится ум,-
Опять взгляни на звезды золотые,
Опять ручья подслушай тихий шум.
И вновь найдешь душе успокоенье,-
Они всё те ж, все так же молоды,
У них нет дум, заботы и гоненья,
Для них мечта – и битвы и труды!
Свободный дух им вызвал жизнь однажды:
Хор ясных звезд – светить земле в ночи,
Ручей – поить измученных от жажды...
Всё тот же плеск и те же все лучи!
А ты, дитя смеющейся природы,
Ты много раз меняешься душой:
То просишь дней ликующей свободы,
То цепь куешь для жизни молодой.
Твой взор погас, чело твое в морщинах,
Ты слаб и хил, любовь твоя прошла.
Ты – точно раб на шумных именинах,
И жизнь тебе, как прежде, немила!
А помнишь ли – и ты был прежде молод,
Ты зло клеймил, свободу создавал,
Грозил врагам... Повеял жизни холод

И умертвил, как сад, твой идеал!
Припомни же стремленья молодые,
Свою борьбу, отвагу первых дум!
Опять взгляни на звезды золотые
И у ручья подслушай прежний шум!

1906

ЗИМОЙ

Тишина. Снега в долине.
Месяц в мирной половине
Наклонился над землей.
Редких звезд сверкают глазки,
И хрустальные, как в сказке,
Дерева свои подвязки
Опустили с бахромой.
В белоснежной зимней ночи
Неподвижность видят очи
Да луны полукольцо.
Прохожу немую степь я,
Все полно великолепия,
И алмазные отрепья
С веток падают в лицо.
Всё в беззвучном бреде дремлет,
Сердце спит. Оно не внемлет
Полумертвой тишине.
Дремлет разум молчаливо,
Но природа боязливо
Притаилась, и ревниво
О забвеньи шепчет мне...

1906

ЛОМКА

Ломка! Новая Россия
Из развалин – старых груд -
Появилась как стихия,
Люди грабят, бьют и жгут.
И померк Восток наш Дальний
С блеском царского венца
Перед новой наковальней
Рокового кузнеца.
И кузнец тот – поколенье,
Народившееся вновь,
Новой мысли откровенье,
Новой жизни плоть и кровь!
Прикоснувшись к старым ранам,
Поколеблет, потрясет,
Пронесется ураганом
Новой жизни смутный ход.
И, сметая пережитки,
Предрассудки старых дней,
Развернет на новом свитке
Торжество иных идей.
И, как феникс величавый,
Из мгновенного костра
Русь воспрянет с новой славой

В час свободы и утра.
1906

«Я весла опустил, плыву я по теченью...»

Я весла опустил, плыву я по теченью
Все дальше, дальше вниз, и недалек к паденью,
Где злой круговорот бесчувственной волны
Все шире яму вьет из влажной глубины.
Я падаю почти, я изнемог, я стражду!
Но все не гибели, а жизни больше жажду,
И перед бездною щемящею пучин,
Как прежде, остаюсь оставлен и – один!
Где силы взять еще для бешенства невзгоды?
Я знал печальные, мучительные годы,
Но хуже я не знал жестокого мгновенья.
Я весла опустил! Паденье – так паденье!
1906

ОСЕННЕЕ

Заглохший сад усыпан весь листвою.
Прощальный луч глядит из-за ветвей.
Не нагляжусь вечернею зарею,
Не надышусь дыханием аллеяй.
Как нежный сон воспоминанья, сладок
Моим мечтам день осени сырой...
Немая грусть, и немощь, и упадок
Везде, на всем, с прощальной красотой.
Заглохший сад мне шепчет отовсюду:
Была весна, и встречу вновь весну.
И в тишине я радуюсь, как чуду,
И сумраку, и немощному сну.
1906

ЦЕПИ

Пройдут года, пройдут народы,
Но не пройдет одна любовь,-
В хаосе гибнущей природы
Она живой воскреснет вновь!
Я как-то видел сон печальный:
На мне бряцали кандалы,
А надо мной, в лазури дальней,
Кричали дикие орлы.
Я изнывал от тяжелой жажды
И, полн мучительной тоски,
Бессильно падал не однажды
На раскаленные пески.
Но торопил мой шаг тяжелый
Медносверкающий конвой,
А день, горячий и веселый,
Дышал уж близкою грозой!
И вот огонь блеснул за тучей,
Загромыхал протяжно гром,
Песок завихрился сыпучий,
И полил светлый дождь ручьем.
Пахнуло влагой благодатной
На утомленное лицо;
Пронесся ветер ароматный,

Сверкнуло радуги кольцо.
Не знаю, тучи шли откуда,
Но, лишь промчалася гроза,
Свершилось радостное чудо,
И жизнью вспыхнули глаза.
Замолк последний рокот стона,
И цепи ржавые, в пыли,
Как жезл священный Аарона,
Гирляндой пышной расцвели!
1906

ЭЛЕГИЯ

Склонилась жизнь моя к закату,

Я слаб, я чаще нездоров...

Иду по смолкнувшему скату

Завечеревших берегов.

Воспоминаний нет со мною,

Зачем их праздные листки?

Они полны печальной мглою

Обид, позора и тоски.

Прощаюсь с днем без сожаленья,

Встречаю вечер без слезы,

Молю я сил, молю терпенья

Навстречу будущей грозы.

Иду, погоду замечая,

Потупив грустное чело.

Далеко туча грозовая,

Закатом – небо обожгло.

Л там, где смерклось на востоке,

Вокруг оплаканных жилищ,

Я вижу пламенные строки

Пожарищ, битв и пепелищ!

1906

ПЕСНИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ¹

ВСТРЕЧА

Как в чудном сне арабской сказки,
С тобою встретились мы вновь.
Вновь для разлуки, не для ласки -
Мое блаженство и любовь!
Взглянули мы друг другу в лица,
Благословляя потому
Ты – первый шаг свой из больницы,
Я первый шаг в свою тюрьму.
У нас судьба волны капризней,
Но не робеем мы пред ней.
Есть много так же грустных жизней,
Но вряд ли есть еще смешней!..
12 января 1907

---

¹ для редактора – это начало цикла «Песни в заключении»

КАМЕРА

На стене рисунок чей-то,
Точки, профили зверей.
Коридор звучит, как флейта,
Из отверстия дверей.
За окном – решетки, точно
Клеть курятника. Кругом -
Всё высоко, плотно, прочно,
Свод – что грот под потолком.
Только легкие тенета
У окна и по углам.
Разве мушек здесь без счета,
Что так любо паукам?
Да к тому ж теперь не лето,
Паутина здесь вокруг.
Наспех символ создал этот
Очарованный паук!

12 января 1907

ТЕРПЕНИЕ

Коль призван жить, твори и мысли,
И беды все переживи,
И все страдания исчисли
Во имя бога и любви.
Не умирай от испытаний,
От тяжких, будничных забот.
Есть много светлых заклинаний,
Могуч терпения полет!
Терпенье вечности подобно:
Оно и так же холодно,
Спокойно так же и незлобно,
И так же с небом заодно!

12 января 1907

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

За решеткой окно...
Серый каменный пол
Ты измерил давно,
Много раз обошел.
Вот железная дверь,
Вот с решеткой окно,
Мерь шагами и мерь,
Хоть измерил – давно.
Много раз ты прошел,
И не сбился досель.
Хоть отбросить бы стол,
Переставить постель!
Но – привинчено всё!
И в окне небосвод,
Как в ходу колесо,
Все плывет и плывет.
Взглянет день – синева,
На закате – пожар.
Ночь крадется едва,
Тень – с углов и от нар,
Тяжело и легко
Созерцаешь себя.
Где-то там, далеко,

Уж не ждут ли, любя?

Январь 1907

СТАНСЫ

О, замолчи, воспоминанье,
К себе былое не зови!
Печально вспомнить дни страданья,
Еще печальней – дни любви!
Накинь, душа, покров забвенья
На всё, на всё! Я жить устал.
Мне даже скучно вдохновенье -
Мой лучший жизни идеал!
Темней, мой день! Гасись, лампада!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай!..
6 апреля 1907

«Бело. Восходит зимний день...»

Бело. Восходит зимний день,
Румяно и морозно,
Встают на труд нужда и лень,
Разгул заснул безгрезно.
Движенье в окнах. Дым печей,
Смотрящие фасады,
И зимних утренних лучей
Веселые лампы.
Люблю я зимнего утра
И шум и трепетанье,
И трепет мертвого вчера,
И завтра ожиданья.
Декабрь 1907

«Я иду, вокруг – всё избы...»

Я иду, вокруг – всё избы,
Все луга, поля вокруг...
Через тощий палисадник
Балалайки слышен звук.
Ночь июньская прозрачна,
Полный месяц без лучей.
Тянет запахами сена,
Сладким клевером полей.
Трели поздние зарянки
Где-то сыплются в кустах,
Веет что-то молодое
В пробудившихся мечтах.
Месяц – точно одуванчик
В степи неба голубой.
А из трав в сырой канавке
На него глядит другой!
1907

«Последних дум, последних лет...»

Последних дум, последних лет,
Последних песен переливы,
Капризны, вольны и игривы,
Еще несут душе привет.
Еще порой в блаженстве нежном
Мечта пророчит ясный день,
Хотя сомнением мятежным
Все гуще, гуще жизни тень.
Так в осень дни темней, короче,
Зато цветы пышней тогда,
И в темноте осенней ночи
Светлей вечерняя звезда!
1907

«Кругом прозрачный, кругом полночный...»

Кругом прозрачный, кругом полночный

Стеклянный свет.

Спадает с яблони молочный

Весенний цвет.

Как ясен запад, как все лилово

Там от зари.

Молчи, ни звука! Молчи, ни слова

Не говори!

И что за запах! Цветут сирени,

И цвет их нежен, как аромат.

Вкруг полукраски, вкруг полутени,

Ты целовала б, но я не рад.

Но я боюсь твоих лобзаний,

В них жало смерти, и яд – огонь.

Уйди, не надо! И от страданий

Избавь, не надо! Уйди, не тронь!..

Июнь 1908

«Догорает мой светильник...»

Догорает мой светильник.
Всё стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;
Точно капли упадают
В бездну вечности – и тают,-
И опять, опять живут!
Ночь морозна. Небо звездно,
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.
Сад в снегу, беседка тоже,
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрама...
1908

«Какая грусть могильная...»

Какая грусть могильная
В селении немом!
Грязна дорога пыльная,
Омытая дождем...
Прошли стада мычащие,
Проехал сонный воз...
Вдали огни блестящие
Роняет паровоз.
Порою глухо слышится
Далекий лай собак.
Вершины чуть колышутся,
Встречая тихий мрак.
Даль – серая, туманная,
В окошках кое-где
Огни зажглися ранние,
Туман встал на пруде.
И вот звезда далекая
Зажглась, как мудрый глаз.
Святыня светлоокая,
Тебе ль увидеть нас?
Нас, бедных, нас, осмеянных,
Жестоких и больных,
Разбросанных, развеянных

На всех путях земных!

1908

ЭЛЕГИЯ

Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.
Над водою все ласточки кружатся косо.
Покурил. Закурил. И курю.
Мысли – злы. Для мучений больного вопроса
Нет ответа, иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучительным – нет.
Пепел стол весь усыпал... С тупого откоса
В пруд сбегают утята толпой.
Папироса. Еще и еще папироса...
Как все глупо, старо, боже мой!..
24 января 1909

«Уж более полжизни пройдено...»

Уж более полжизни пройдено...
Иду, согбен под ношею терпенья...
В глазах зияет черной смерти дно,
В лицо пахнуло веянием тленья.
Всё кончено, чем наша жизнь красна.
Любовь, мечты, надежды улетели.
И даже в дни, когда цветет весна,
В моей душе суровые метели.
Склонив чело, одна, полубольна,
Порой ко мне заглянет Муза в угол.
Святым огнем наполнится душа,
И улетит чудовищный рой пугал.
18 мая 1909

«В исканьи истины и бога...»

В исканьи истины и бога
Мы сбились в сумерках с пути.
Хотя дорог есть старых много,
Зато нам новых не найти!
Идем, себя не разумея,
Идем в потемках, наобум,
Но сердце бьется, пламенея,
И жадно ищет новых дум.
Мы без компаса, без огнива,
А до рассвета – далеко!
И очи косятся пугливо,
И груди дышат нелегко.
Когда ж рассвет блеснет навстречу,
Стряхнут собратья тяжкий сон
И жадно бросимся мы в сечу
За честь поруганных знамен?
13 января 1910

СНЫ ЦВЕТОВ

Я люблю в ночные новолунья
Бледный сон заплаканных цветов
Снится им веселая шалунья -
Королева трепетных их снов.
Снится им – румяный вечер мая,
И встает застенчиво она,
Королева эта голубая,
Чтобы взять их жизнь и семена.
И цветы ликуют и трепещут,
Сладко плачут фимиамом слез,-
И опять им снится, что заблещут
Грезы их, светлее детских грез.

18 марта 1910

(для редактора – это конец цикла «Песни в заключении»)

БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ²

В СЕЛЕНИИ

Уже закрыты лавочки,
На небе серп луны.
Ночные реют бабочки,
Как сказочные сны.
Повеяло прохладой,
Дорога не пылит.
Хрустальной лампадой
Ночь майская сквозит.
Всё небо точно кознями
И тайнами полно,
Но звездочками поздними
Не искрится оно.
И не о них ли пламенно
Один в тоске своей
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

---

² для редактора – это начало цикла «Балтийские ночи»

В ПАРКЕ

Воздух сладко дышит липами,
Веет влагой от ручья.
Дальний поезд дерзко хрипами
Заглушает соловья.
Ночь грустит и словно мается,
Спят заглохшие пруды.
Небо вешнее купается
В мутном холоде воды.
Вид печальный, вид пленительный,
Грезит былью старый сад,
И с тоскою усыпительной
Ропщет быстрый водопад.

28 мая 1910

«У леса есть птицы и гнезда...»

У леса есть птицы и гнезда,
У сердца желания есть.
У синего неба есть звезды,
Которых вовеки не счесть!
У моря есть вольные струи,
На дне его – перлов не счесть.
У юности – есть поцелуи,
У старости – грусть одна есть!

10 июня 1910

ОПЯТЬ

Опять? Опять! Все это было,
Когда-то было и прошло:
И так же солнце нам светило,
И так же было мне светло.
Ложилась тень от лип и кленов,
И мрамор белых балюстрад,
И пышный плющ у павильонов
Нам веселил и тешил взгляд.
Мы были юны, точно боги,
Едва создавшие миры,
И после дум и мук тревоги
Свои нашедшие дары.
И ничего мы не хотели,
Довольны ясной лаской дня...
Сияло солнце, птицы пели,
И пело сердце у меня.

6 июля 1910

«В городке небольшом, в переулке глухом...»

В городке небольшом, в переулке глухом,
Тянет влажною тиной с болота.

Между старых берез пятна алых полос,-
Догоревшего дня позолота.

Там, в саду, у плетня, притаясь, не звеня,
Колокольчик лиловый склонился,

И на тусклом стекле, на балконе, во мгле,
Перламутром закат отразился.

Летний вечер хорош. Дальше – нивы и рожь,
И сияет лесок на просторе.

Я до леса дойду, в море ржи пропаду,
И созвучья подслушаю в море...

28 июля 1910

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как будто в первый день признанья
Любви, взаимной и святой,
В душе легко. И покаянья
Звучат наивною мольбой.
Кругом все вдруг помолодело,
Светло очам, легко уму.
Как маска сброшенная, тело
Предстало духу моему.
Я не ропщу, не негодую,
Иду – куда не знаю сам,
От поцелуя к поцелую,
От неба к новым небесам.
Обломки свергнутых кумирен
Я собираю не спеша:
Мой путь далек, мой путь эфирен,
И крылья чувствует душа.

Июль 1910

НА ВЗМОРЬЕ

Все необозримыми далями белеется,
Тонет взор в безбрежности и отрадно дышится,
Там заря вечерняя, точно уголь, тлеется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.
Тихо челны движутся, чуть белея парусом,
Вод крылом касается чайка белоснежная.
Облака, что кружева, ярус встал за ярусом,
Но зephyр развеет очертанья нежные.
Встанут горы серые, вместо башен города,
Львы сереброгривые поползут, потянутся...
Взморье! Ты и вечером хорошо и молодо,
И тобой утешатся, и тобой обманутся.
Солнце! Ты спустилося тихо в ширь подводную,
И она румянится под твоим лобзанием.
Утолись, горячее, влагою холоднойю
И согрей поутру нас вновь очарованием!

Август 1910

«Как много в жизни скучной прозы...»

Как много в жизни скучной прозы,
Как мало ясных дней любви!
Уже давно померкли грезы,
Уже давно не льются слезы,
И веет холодом в крови.
Иду в раздумьи, а за мною
Могилы ранние друзей...
И что был свет, то стало тьмою,
И опечалился душою
Я на заре закатных дней.
Все, верно, осенью встречали
Такие дни: светло кругом,
Но лес в багрянце и печали,
И вся дорога, как из стали,
Звучит под тяжким колесом.
И, как в теплице разоренной,
Прозрачно в ясной пустоте,
И лишь на грядке засоренной
Подсолнух, солнцем озаренный,
Корону тянет к высоте!

Октябрь 1910

ЧУДИЩЕ

Идет по свету чудище,
Идет, бредет, шатается,
На нем дерьмо и рубище,
И чудище-то, чудище
Идет – и улыбается!
Идет, не хочет кланяться:
“Левей!”, – кричит богатому.
В руке-то зелья скляница;
Идет, бредет – растянется,
И хоть бы что косматому!
Ой, чудище, ой, пьяница,
Тебе ли не кобениться,
Тебе ли не кричать
И конному и пешему:
“Да ну вас, черти, к лешему -
На всех мне наплевать!”
1910

«Так полно, так полно...»

Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокрылых,-
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в силах.
Так свято и страстно
Я веровал в песни и звуки,
Но верил напрасно -
От слова рождались муки.
Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом,-
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккордом,
И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.
1910

«В день своего рождения...»

В день своего рождения
Зачем ты не со мной?
Убито вдохновенье,
Охвачен я тоской.
Дней счастья и свободы
Затмилася звезда.
Ушли былые годы,
Как вешняя вода.
Стою я у развалин
Былого очага,
И хмур и опечален,-
Мне жизнь не дорога!
И скука в сердце томном,
Как, в тереме пустом,
Холодном и огромном,
Где все объято сном.
И слышен однозвучно
Шаг смерти в тишине...
Ужель тебе не скучно,
Не скучно так, как мне?

22 февраля 1911

«Под сосной косматой вырос...»

Под сосной косматой вырос
Ландыш северной весной.
Лес шумел, и речка вскрылась,
Сосны плакали смолой.
И упала смоляная
Капля, жаркая слеза,
В сердце ландыша, где, тая,
Распылалась, как гроза.
И цветок весны душистой
Загрустил, в бреду ослаб,
И увял он в день лучистый
У корней сосны, как раб.

Февраль 1911

ВОЛНЫ

Повеял ветер с запада,
Растет волна студеная,
Идет, гудет холодная,
Балтийская волна.
Несутся громом выстрелы
От Петроградской крепости,
Проснулись люди бедные,
Столичные, от сна.
Повеял воздух с запада.
Столица ошалелая
Полна молвой и модами
И криками: “Виват!”
Вставайте, наши кормчие,
Вожди вставайте смелые,
Проснись и бодрствуй, праведный
Рабочий, друг и брат!
Несем для вас мы верные
Скрижали вдохновенные -
Хранить вас в многотрудные
Немые времена.
И пусть, как в дни крещенские,
Омоет правдой вечною,
Своею чистой влагою

Народная волна!

Апрель 1911

«Мелькают, как птицы, моторы...»

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И кажется, камни дрожат.
Под бешеный ритм завыванья
Во тьме исчезают густой -
То милые в шляпках созданья,
То с важною миной герой.
Горды молньепышущим лётном,
Напыщенны блеском своим,
Жизнь, чуждую горьким заботам,
Они расточают, как дым.
И хочется крикнуть: куда вы?
В погоню ль безумных страстей,
В погоню ль безумной забавы
Иль к плахе позорной своей?...

1 мая 1911

КАМЕНОТЕС

Японская сказка

В Японии, под небом раскаленным,
Трудился день и ночь в каменоломне
Каменотес; он старился в работе,
А, ни богатств, ни почести, ни славы
Не наживал тяжелыми трудами.
И много раз в безмолвном мраке ночи,
В часы бессонниц он мечтал о счастье
И много раз завидовал богатству,
Когда ему случайного доводилось
Кортеж вельможи знатного увидеть.
Как он хотел возлечь бы горделиво
На затканые золотом носилки,
Под яркий пурпур зонтиков широких!
И тайно он молился небесам...
И небеса слышали молитву:
И раз, уснув простым каменотесом,
Проснулся он властительным царем.
Его рабы душистыми водами
Опрыскали и легким опахалом
С его лица докучных мух согнали
И, возложив на пышные носилки,
По городу смиренно понесли.

Был душный день. Палило зноем солнце,
Деревья никли пыльною листвою;
От каменных строений, как от печки,
Тепло струилось; гладь реки зеркальной
Расплавленным сверкала серебром;
Пыль золотя, слепило очи солнце,
Недвижным блеском в воздухе, разлившись.
Уже семь суток не было дождя;
Уже семь суток солнце так палило!
Напрасно царь из звонкого кувшина
Прохладным зельем смачивал гортань;
Его рабы напрасного помавали
Над головой венчанной веерами
Зеленых пальм, – царя томило солнце
И жгло гортань и ослепляло взор.
Он солнцу стал завидовать и думал:
“Как хорошо бы на небе далеко,
В безбрежном море синего эфира
Бросать лучи и быть непобедимым!
О небеса, зачем я не светило!”
И небеса услышали молитву...
И раз, уснув царем под балдахинном.
Резного ложа, поутру вставал он
В мерцании багровом на востоке
Средь сонма звезд, бледнеющих пред ним.
Он солнцем стал, и от его дыханья

Лилось тепло, лучами исходя;
И взор его блистающий и жгучий
Проникнул в рощи сквозь густые кедры,
Затрепетал на зыби океана
И сжег пески безжизненных пустынь.
Он, из зерна пшеницы вывел колос,
Из желудя – величественный дуб,
Душистым соком брызнул в ананасы
И отвердил кокосовый орех.
Но вот однажды воздух, утомившись
Тяжелым зноем, стал собирать от моря
И от озер, разлившихся широко,
Прохладный пар, и быстро беглый ветер
Сгустил пары в седые облака;
И облака сплотились грозного в тучи,
Диск солнечный скрывая от людей.
И не могло пробить лучами солнце
Воздушную броню тяжелой тучи
И с горькою воскликнуло досадой:
“Бессильно я пред тучею бродячей!
О небеса, зачем я только солнце,-
Не лучше ль быть властительницей-тучей!”
И небеса услышали молитву...
И раз, зашедши алою зарею,
Наутро солнце разлилося в тучу.
Как черное руно овцы гигантской,

Седая туча двигалась по небу
И ткала тени в воздухе сгущенном,
И двигала сердито главы пальм.
И вот она нахмурилась ужасней:
В ее волнистых змеевидных складках
Сверкнул язык мигающей стрелы,-
Так блещет взор из-под ресницы грозной...
И грянул гром, и звучно град запрядал,
Клоня колосья рисовых полей.
Взметнулась пыль по вспыхнувшей пустыне,
Надулися зоба челнов крылатых,
Запенилися воды океана;
И стаей львов серебряных с рычаньем
Они ползли к задумчивой скале,
Которая спокойно возвышалась
У берегов разъяренного моря,
Как бы смеясь над бешенством волны.
И вспыхнула суровее стихия,
Увидя мир скалы непобедимый,
И, как котел, огнями разогретый,
Метнулись волны злые океана
И на скалу с размаху набежали,
Но не могли слизнуть они скалу.
И, в бешенстве раскатываясь громом,
Сказала туча в зависти дрожащей:
“О небеса! зачем я не скала!”

И небеса услышали молитву...
Медлительно умчавшаяся туча
Проснулася гранитною скалою.
И вот скала, в оцепененьи смутном
Вперивши взор на землю и на небо,
Заметила, что у ее подножья
И день и ночь какое-то создание,
Едва-едва заметное вершине,
Стучит тяжелым молотом, как будто
Добиться слова хочет от гранита.
И чувствует скала, что с каждым годом
Она худеет, что гранит подножья
Болят от ран, что с каждым днем слышнее
И тяжелей удары молотка.
И думает скала в оцепененьи:
“О небеса, зачем я прозябаю!
И, чувствуя у ног своих тяжелых
Ужасного врага, я не могу
Ему ответить мстью роковою!
Меня не в силах сокрушить прибой;
Могучих волн не в силах уязвить
Живучие и злые крокодилы,
Лизавшие гранит моей подошвы;
И коршуны, воздушные тираны,
Не в силах грудь мне расклевать, а это
Ничтожное и злое существо

Меня с годами силится разрушить...
О небеса! зачем я не оно!”
И небеса услышали молитву...
Проснулася скала – каменотесом
В убогом шалаше на жестком ложе.
Лучи зари приветно проникали
Сквозь желтую солому ветхой кровли,
И вспомнил всё седой каменотес.
Он вспомнил дни, когда он, недовольный,
Завидовал могуществу и славе.
Как был царем, и тучею, и солнцем,
Как, наконец, дремал скалой недвижимой
И как опять он стал каменотесом.
И, вспомнив все, он труд благословил;
И, молот взяв в мозолистые руки,
Промолвил он с задумчивой улыбкой:
“У каждого могущество свое!”

Июль-ноябрь 1885

СТАРЫЙ ДУБ

*Посвящается
И.И. Ясинскому*

Как причастница нарядна,
Вся в снегу, как в чистой шали,
Дремлет липа молодая
В очарованной печали.
Перед нею дуб, как старец,
Убеленный сединами,
Наклонился и колышет
Оснеженными ветвями.
А вокруг все бездыханно,
Мертвы снежные поляны,
И, в лесу по мерзлым веткам
Бродят зимние туманы.
И, дремля, в волшебной грезе,
Липа дубу шепчет тайно:
“Посмотри, как в чаще леса
Хорошо необычайно!
Посмотри, вдали алеет
Зорь румяных позолота.
Слышишь шорох звонких капель?
Это юный бродит кто-то.

Не весна ли это бродит,
Отряхая иней белый?”
– “Полно вздор болтать, малютка,-
Дуб промолвил престарелый.-
Это запад остывает,
Алым пламенеем истекши...
Этот шорох торопливый
От прыжков неловкой векши.
До весны еще далёко,
Да и много ли в ней толку?
Почуйсь терпенью, глядя
На выносливую елку!”
И замолк сурово старец
Под свою ризой снежной,
И задумался липа
О весне в тоске мятежной.
Дни идут, теплее солнце
С каждым днем в лазурь восходит
И проталины по снегу
Тенью легкую обводит.
Липа к дубу снова с речью:
“Что задумался так, старче?
Посмотри, весна приходит,
Воздух стал звучней и ярче.
Слышу я, как надо мною
Разогретый снег сочится,

Как поутру, пробуждаясь,
Лес чернеет, и дымится!”
Но на речь веселой липы
Грустно шепчет дуб унылый:
“Как землю нынче пахнет,
Точного вырытой могилой!”
Дни идут... Апрель румяный
Из ветвей глядит лукаво,
Сыплет светом цветоносным
И налево и направо.
Дуб нахмурился сердито,
Липа юная ликует:
У нее в ветвях сегодня
Тайно горлинка ночует.
И в восторге липа шепчет
Сквозь весеннюю истому:
“Посмотри, как ходят тучи
По эфиру голубому,
Точно лебеди по морю...
Видишь, май идет лесами,
Раздвигая мокрый ельник
Лучезарными перстами.
Как свежо зеленым веткам,
Как тепло пригреты корни,
Мотылек сегодня утром
Перепархивал на дерне.

Я за ним следила долго,
Он весь белый был, как иней.
Наряжается фиалка
Для него в кокошник синий!”
Но печально дуб косматый
Слышит юной липы шелест:
Не влечет его, как прежде,
Мая девственная прелесть!
И нежнее шепчет липа:
“Посмотри, жак ярки почки,
Сколько тайны молчаливой
В ароматах этой ночки...
Как стекло, прозрачно небо!
Будит эхо в боре дальнем
Сиротливая кукушка
Кукованием печальным...
От избытка чар и страсти
Я сама запеть готова!”
Но на лепет нежной липы
Дуб нахмурился сурово...
Он дрожащею вершиной
Все глядит к востоку жадно
И, вдыхая душный воздух,
Что-то шепчет безотрадно.
Там, вдали, как темным флером,
Омрачилось небо тучей,

И порой в нем пробежала
Искра молнии летучей.
Зашатался лес косматый -
Испугался тучи черной,-
И поплыл в его вершинах
Ропот гневный и проворный...
В небе звучно и протяжно
Рокотанье пронеслося,
И вдали дрожащей сеткой
Дождь упал, волнуясь косо.
Ближе, ближе влажный рокот!
Шумно рвется в лес прохлада,
И раскапались по листьям,
Барабаня, капли града...
В туче молния сверкнула,
Небо гром потряс сердито,
Точно рухнули там скалы
Из тяжелого гранита.
Пошатнулся дуб маститый,
Наклонился головою
И упал, грозой спаленный,
Перед липой молодою.
Туча медленно промчалась,
И, смотря на жатву бури,
Мирно радуга сияла
На безоблачной лазури.

И, смотря на остов дуба,
Липа сумрачно вздыхала:
Поняла она, что старца
Так тревожно волновало!..

4 ноября 1887

ВОЛКИ

Рождественский рассказ

*Посвящается
А.В. Жиркевичу*

В праздник вечером, с женою,
Возвращался поп Степан,
И везли они с собою
Подаянье христиан.
Нынче милостиво небо,
Велика Степана треба:
Из-под полости саней
Видны головы гусей,
Зайцев трубчатые уши,
Перья пестрых петухов
И меж них свиные туши -
Дар богатых мужиков,
Тих и легок бег савраски.
Дремлют сонные поля,
Лес белеет, точно в сказке,
Из сквозного хрусталя.
Полумесяц, в мгле морозной,
Тихо бродит степью звездной
И сквозь мглу мороза льет

Мертвый свет на мертвый лед.
Поп Степан, любуясь высью,
Едет, страх в душе тая;
Завернувшись в шубу лисью,
Тараторит попадья.

“Ну, уж кум Иван скупенек, -
Дал нам зайца одного,
А ведь, молвят, куры денег
Не клевали у него!

Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,

А могла бы, ей-же-ей,

Раздобрится пощедрей!

Скуп и старый Агафоныч,

Не введет скребя в изьян...”

– “Что ты брехаешь за полночь!”-

Гневно басит поп Степан.

Едут дальше. Злее стужа;

В белом инее шлея

На савраске... Возле мужа

Тихо дремлет попадья.

Вдруг савраска захрапела

И попятилась несмело,

И, ушами шевеля,

В страхе смотрит на поля.

Сам отец Степан в испуге

Озирается кругом...

“Волки!” – шепчет он супруге,

Осняяся крестом.

В самом деле, на опушке

Низкорослого леска

Пять волков сидят, друг дружке

Грея тощие бока.

Гневно ляскают зубами

И пушистыми хвостами,

В ожидании гостей,

Разметают снег полей.

Их глаза горят, как свечи,

В очарованной глуши.

До села еще далече,

На дороге – ни души!

И, внезапной встречи труся,

Умоляет попадья:

“Степа, Степа, брось им гуся,

А уж зайца брошу я!”

– “Ах ты господи Исусе,

Не спасут от смерти гуси,

Если праведный господь

Позабудет нашу плоть!”-

Говорит Степан, вздыхая.

Всё ж берет он двух гусей,

И летят они, мелькая,

На холодный снег полей.
Угостившись данью жалкой,
Волки дружную рысцой
Вновь бегут дорогой яркой
За поповскою четой.
Пять теней на снеге белом,
Войском, хищным и несмелым,
Подвигаясь мирно в ряд,
Души путников мрачат.
Кнут поповский по савраске
Ходит, в воздухе свистит,
Но она и без острастки
Торопливо к дому мчит.
Поп Степан вопит в тревоге:
“Это бог нас за грехи!”
И летят волкам под ноги
Зайцы, куры, петухи...
Волки жадно дань собирают,
Жадно кости разгрызают,
Три отстали и жуют.
Только два не отстают,
Забегают так и эдак...
И, спасаясь от зверей,
Поп бросает напоследок
Туши мерзлые свиной.
Легче путники вздыхают,

И ровней савраски бег.
Огоньки вдали мигают,
Теплый близится ночлег.
Далеко отстали волки...
Кабака мелькают елки,
И гармоника порой
Плачет в улице глухой.
Быстро мчит савраска к дому
И дрожит от сладких грез:
Там найдет она солому
И живительный овес.
А в санях ведутся толки
Между грустною четой:
“Эх, уж, волки, эти волки!”
Муж качает головой.
А супруга чуть не плачет:
“Что ж такое это значит?
Ведь была у нас гора
В санках всякого добра!
Привезли ж – одни рогожи,
Что же делать нам теперь?”
– “Что ж, за нас, на праздник божий,
Разговелся нынче зверь!..”

15 декабря 1887

ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки:
Мне мил ковер густых, хранимых трав
И зыбкие аллеи прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных забав,
Где тень мягка и где лучи не ярки,
Где веет всё давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.
Сад, как вино, – чем старше, тем милей,
Тем больше в нем игры и аромата.
Особенно он дорог для очей,
Когда искусство несколько помято
Завистливым соперником людей -
Природою, которая богата
Неряшеством и чудесной красотой,
И гордостью, доступной ей одной!
Таких садов близ царственной Невы
Довольно есть. Сады увеселений -
Кумирни мелкой прессы и молвы -
Затмили их... Так фокусника гений
Свет разума и мудрость головы
Тмит мудростью лукавою движений.
Но славу тех резвящихся садов

Переживут сады больших дворцов.
Меланхоличен Царскосельский сад,
И тем милей мечтателям угрюмым.
Он вас чарует прелестью баллад,
Приветствует спокойно-важным шумом,
В нем вечером люблю встречать закат,
Предавшись своим певучим думам.
Войдемте же в него мы. Много в нем
И выходов и входов есть кругом.
Ведущие в ласкающую даль,
Как хороши тенистые аллеи!
Там, что ни шаг, то будят в вас печаль
Угасших лет невинные затеи.
То пруд блеснет, прозрачный как хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На вас глядит, кокетливо грустя,-
Столетнее бездушное дитя!
А там, в тени благоуханных лип,
Стена и вал искусственной руины,
Где бледный мох и толстогубый гриб
Уже выросли для полноты картины.
Мы нечто там еще встречать могли б,
Когда бы страж таинственной долины,
Ютящийся в развалине с семьей,
Не наблюдал за скромной чистотой.
А дальше ряд душистых цветников,

Подстриженных акаций изгородки,
И мостики над зеркалом прудов,
А на прудах – и лебеди, и лодки,
И в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красотки.
Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.
Она грустит безмолвно много лет.
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь ее воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив бранный свет.
А из кувшина струйка влаги пенной
По-прежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную связь.
О, время, время! Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного лона.
Ты вдаль летишь, как легкая стрела,
И все разишь: чужда тебе препона!
Давно ли здесь кипела и цвела
Иная жизнь? У женственного трона
Писатели, министры и князья
Теснились, как важная семья.
То был рассвет и вкуса, и ума.
От Запада текло к нам просвещение,
Императрица, мудрая сама,

Устав от дел, искала вдохновенья:
И роскошь мод, как сладкая чума,
Объяла всех восторгом увлеченья,
И жизнь текла, как шумный карнавал,
И при дворе блистал за балом бал.
И снится мне, что ожил старый сад,
Помолодели статуи в нем даже.
У входов стройно вытянулись в ряд
Затейливых фасонов экипажи;
В аллеях томных вкрадчиво шумят...
Мелькают фижмы, локоны, плюмажи,
И каламбур французский заключен
В медлительный и вежливый поклон.
Огни сверкают факелов ночных,
Дрожащий свет скользит в кустарник тощий,
Меж гордых жен в нарядах дорогих,
Украшивших искусственные рощи,
Подобного рою бабочек цветных,-
Одна скромней, приветней всех и проще,
И белое, высокое чело
Ее, как день безоблачный, светло.
Года прошли... Погибли все давно
Под легкою секирою Сатурна.
Всем поровну забвение дано,
Но не у всех промчалася жизнь бурно,
Не каждым все земное свершено,

Не каждого оплакивалась урна,
И люди вновь родились, чтоб опять
Злословить, петь, влюбляться и страдать.
Да, жизнь – вечна, хоть бродит смерть кругом!
Не знает мир, состарившись, утраты...
На рубище природы роковом
Мы – новые, непрочные заплаты.
В нас даже пятница, старые притом:
Из лоскутков отброшенных мы взяты.
Ах, экономна мудрость бытия:
Всё новое в ней шьется из старья!
И снится сон другой душе моей:
Мне чудится – во мгле аллей старинных,
На радостном рассвете юных дней
Один, весной, при кликах лебединых,
Мечтатель бродит... Блеск его очей
Из-под бровей, густых и соболиных,
Загар лица, курчавый пух ланит...
Всё в нем луше так много говорит!
Рассеянно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает,
Задумчивостью краткой омрачен,
Недолго он внимательно читает...
Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник, и что-то напевает.
И вот, смеясь, набросил на листе

Послушный станс невинной красоте.
Святая тень великого певца!
Простишь ли мне обманчивые грезы?
Уж ты погиб, до горького конца
Сокрыв в груди отчаянье и слезы.
Но – вечен луч нетленного венца
Во тьме глухой житейских дум и прозы,
И славные могилы на земле,
Как звезды в небе, светят нам во мгле.
Счастливые! Их сон невозмутим!
Они ушли от суетного мира,
И слава их, как мимолетный дым,
Еще пьянит гостей земного пира.
И зависть зло вослед смеемся им,
И льстивый гимн бренчит небрежно лира.
Но клевета и лесть, как жизнь сама,
Не тронут им ни сердца, ни ума!
А сколько лиц без славы в глубь могил
Ушло с тех пор, как этот парк унылый
Гостеприимно сень свою раскрыл!
Здесь мальчиком когда-то брат мой милый
Гулял со мной... Расцвел – и опочил!
Он, нежный друг, согретый юной силой,
Желавший жить для дружбы и добра,
Он смертью взят от кисти и пера...
Прости, прощай, товарищ детских лет!

Под бурями мучительного рока
Слабею я, в глазах темнеет свет:
Я чувствую, что срок мой недалеко!
Когда в душе предсмертный вспыхнет бред,
Увидит ли тебя больное око?
Придешь ли ты, чтоб в мир теней вести
Усталого на жизненном пути?!

1889

Царское Село

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Народная былина

Не заря с зарей сходилася,
Синим морем заглядясь;
На красавице боярышнике
Молодой женился князь.
Да недолго с нею нажился,
В очи ясные глядел;
Променял он ложе брачное
На колчаны вражьих стрел.
Подступила к стогнам киевским
Печенежская орда,
И поехал князь на ворога
Тратить силы и года.
Бьется долго ли, коротко ли,
Возвращается домой.
Растерял дружину верную,
В мыле конь его лихой.
Повстречались две странницы,
Молвят: “Здравствуй, славный князь!
Ты к княгине-бесприданнице
Поезжай не торопясь.
Там не много встретишь радости,
Мы из терема сейчас.

В честь твоей ли, княже, младости
Меды пили там не раз?
Ты оставил много золота,
Много всякого добра...
Да в недобрый час случилось
Ехать князю со двора!
Из подвалов клады ценные,
Из конюшен кони все
Утекли куда – неведомо,
Словно грезы по росе.
Свет-княгиня платья красные
Износила без тебя,
Жарче солнца разгоралась,
Друга нового любя!”
Князь нахмурил брови черные,
Шлем надвинул на глаза.
То не волны расшумелися -
В сердце вспыхнула гроза.
Он быстрее ветра буйного
В терем княжеский идет
И затворы самодельные
Размыкает у ворот.
Спят покои сном таинственным,
Только грустная луна
Смотрит в окна, как преступница
Уличенная, бледна.

Входит князь во дверь дубовую,
По царьградскому ковру -
В спальню, к пологу желанному,
К заповедному одру.
Крепко спит княгиня юная,
В грезах дышит горячо.
Точно змеи, косы черные
Упадают на плечо.
Славный князь глядит, нахмурился,
В сердце холод и тоска,
И взялась за меч воинственный
Задрожавшая рука.
Он глядит и думу думает,
Злобу темную тая:
“Ты ждала ль меня, изменница,
Подколотная змея?
Наложу печать я мертвую
На горячие уста,
Побледнеешь ты, румяная,
Как венчальная фата”.
И на шею лебединую
Тяжко рухнул княжий меч.
И, не белая жемчужина -
Голова упала с плеч!
А красавица княгинюшка
Честь, как схимница, блюла,

Всё ждала супруга милого,
Всё до нитки сберегла.
В кладовых лежит нетронутым
Все хозяйское добро:
В бочках пиво, меды крепкие,
Жемчуга и серебро.
Красны платья не изношены,
Утварь звонкая цела,
И шелками скатерть вышита
Для дубового стола.
Спят покои сном таинственным,
Только тихая луна
Светит в окна, как покойница
Неподвижная, бледна.
Грустно князю одинокому,
Ретивое жжет укор.
Он коня седлает быстрого,
Выезжает на простор.
Выезжает в поле чистое,
Пышет жизнью вольный конь.
А у князя взор туманится,
Душу высушил огонь.
То не призраки холодные,
Не туманы от земли -
Две наветчицы, две странницы
Показались вдали.

“Стойте, лютые разлучницы!

Здесь устанете вы навек!”-

Молвил князь и вещим странникам

Гневно головы отсек!

Март 1892

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

Когда они сошлись, ей было двадцать три.
Ему – семнадцать лет... Расшпилив темный локон
И тканями гардин завесив стекла окон,
Она делила с ним восторги до зари.
Ей нравилось в нем неловкое смущенье,
Невинность важная, и первые томленья,
И слезы ревности в потупленных очах,
Когда она друзей, смеясь, именовала
И медленной рукой альбом перебирала,
Где лица строгие во фраках, в орденах
Таились: все дельцы, артисты и вельможи,
Иные лысые, в задумчивых очках,
Непогрешимостью на схимников похожи.
А он в ней все любил, все нравилось в ней, нежной,
Порой мечтательной, капризной иль небрежной:
Ее язвительный и скромный разговор,
Душистый будуар, ковры и занавески,
И ваз затейливых расписанный фарфор
Восточной прихотью в цветные арабески.
И нравилось ему, что, скрытая от всех,

Их страсть была полней в таинственном романе,
Что негою звучал ее картавый смех,
Что имя у нее ласкательное – Фанни.
Как часто проводил, бывало, с ней вдвоем
Он, юный, влюбчивый, зимою вечер длинный.
И было все полно в мерцающей гостиной
Ее присутствием, как тихим божеством.
Порой ее черты мгновенная тоска
Темнила: прошлое ль вставало из тумана?
Она, смотря в камин, молчала и слегка,
Как спугнутым крылом, смущенная рука
Играла веером с решеткою экрана.
И вдруг, согнав с чела, как облако, печаль,
Садилась весело за томную рояль.
Он подымал пюпитр, спешил раскрыть ей ноты,
Накинуть на плечи оброненную шаль.
И вот мелодия, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, как тайная печаль.
Потом она журчит, рыдает и трепещет,
Как в наслаждении изнывшая любовь,
И снова чуть звенит и, разгораясь, плещет
И тихой жалобой вдали смолкает вновь.

2

А утром снова был он в корпусе, счастливый,

С улыбкой тихою на розовых устах,
С горячей бледностью в взволнованных щеках,
В движеньях медленный, как лень – неторопливый;
И как он был хорош, влюбленное дитя,
Когда, склонив чело, угрюмо сдвинув брови,
Забывши свой урок, смолкал на полуслове,
Ресницы темные, как дева, опустя.
Наставник хохотал, тряслися аксельбанты:
“Должно быть, с барышней вчера играли
в фанты”, -
Он говорил, смеясь, и, потрепав шутя
За робкое плечо, он прибавлял: “Довольно!”
Но, добродушием смущенный старика,
Виновный юноша краснел до слез невольно,
И горечь слез глотал, стыдясь духов платка.

3

Расцвел зеленый май. Он ехал вместе с ней
В плетеном тильбюри. Душистый сумрак парка
Пронизан был вокруг, томительно и ярко,
Прозрачным золотом полуденных лучей.
Впервые жизнь весны ему казалась полной.
Любовью светлую, надеждами богат,
Он мир благословлял, и зелени был рад.
Но ей в лицо глядел, счастливый и безмолвный;

Как удочка, поник склоненный хлыст
В ее руке, обтянутой перчаткой,-
Порой с ветвей, как бы склоняясь украдкой,
Ее щеки касался свежий лист.
Вдруг на одном из поворотов сада
Раздался топот, мчалась кавалькада,
Вздымая пыль, и стройный бег коней
Перебивал звучащий говор звонко
И резвый смех: то мчались в глубь аллеи
Три всадника, и с ними амазонка.
Один из них, учтиво приподняв
Лоснящийся цилиндр, смеялся Фанни взглядом
И, удержав коня, поехал с нею рядом.
“Ах, боже мой, вы здесь, опять в России,
граф”,-
Смущенно просияв, она ему сказала.
А граф на юношу прищурился сначала,
Потом, в своей руке держа ее ладонь,
Он медленно прижег на ней два поцелуя.
Меж тем, под седоком волнуясь и танцуя,
Расчесанным хвостом махал горячий конь.
“Я здесь всего три дня, и вновь уеду скоро”.
И полился родник живого разговора,
Парижского “козри” изысканный язык.
И Фанни, оживясь, как птица щебетала,
Ее влюбленный паж алел, как мак, сначала,

Потом он побледнел, нахмурился, поник,
И трепет и борьба в душе его тревожной,-
Сменилася любовь тоской ревнивых дум,
Какой он стал смешной, какой он стал ничтожный!
Уж он не друг ее, он только жалкий грум.
Граф обещал бывать у Фанни на обедах
И вечер проводить по-прежнему в беседах,
Припомнить старину, забытую в пять лет.
А юный паж ее молчал, чело нахмурия.
От ревности бледней, чем лилий внешний цвет,
Темнее, чем волна, когда кипит в ней буря,
Он молча хоронил в душе своей упрек,
Он ревности своей робел, как первой ласки,
А Фанни делала приветливые глазки
И юношу влекла в свой летний уголок,
Где за плетнем живым подстриженных акаций
Палаццо высится, сверкает чистый пруд,
Где розы ранние пестреют и цветут
Перед подножием окаменелых граций.

4

И вот они втроем. Весенний мрак – прозрачен.
В румяных небесах сошлась заря с зарей.
Граф ласков и шутив, но паж влюбленный
мрачен,

А Фанни – весела... Небрежною рукой
Ей граф открыл рояль. Склоняясь к Фанни нежно,
Ой просит, чтоб она сыграла что-нибудь
Из прежнего, когда так дружно, безмятежно
Они вступали в жизнь, как на победный путь.
И Фанни, бледная, очей не поднимая,
Садится за рояль в прозрачном блеске мая.
В окне открытом упоенный сад
Задумчиво дремал в ночном покое;
К ним в комнату струили аромат
Росистые сирени и левкои.
И вот, из мрака выпорхнув стремглав,
Покинув ложе благовонных трав,
В окно влетел веселый мотылек,
И биться стал о белый потолок,
И, очертив волнообразный круг,
На пламень свечи налетел он вдруг.
Он налетел, – раздался звук глухой -
Так чикают ружейные осечки,-
И мертвым пал, обманутый мечтой,
На стеарин обтаявшей свечи.
А музыки торжественный прилив
Всё выше рос... кипел и волновался...
Над смертью звук ликующий смеялся
И жизнь будил, надежды схоронив.
В своем углу, угрюм и одинок,

Как бурею расшатанный челнок,
Весь ревностью мучительной окован,
Весь звукам, и разбит и очарован,
Влюбленный паж томился и молчал.
И блеск свечей, все дальше уплывая,
Его очам денницу зажигал
Прекрасного, но гибельного рая...
И вот аккорд... Еще один аккорд,
И смолкло все! Как изваянье бледный,
Он все молчал, угрюм мечтой победной
И ревностью мучительною горд...
Все кончено! Яснеет небосклон.
Шатаясь, от Фанни вышел он,-
И ночь не спал: всё плакал, всё томился,
И утром, на заре, он с жизнью простился,
И с громом выстрела исчезла жизнь, как сон.
Рассеялся дымок, и вместе с синим дымом
Исчезла страсть пажа в дыму неуловимом,
Как греза бледная, как звук из-под курка,-
Развеялась любовь, развеялась тоска!
Он умер! Почему? У всех один ответ,
Мучительный, как ложь: причина – неизвестна!
Ужели юности в просторном мире тесно?
Ужели тесным дням простора в жизни нет?

И вот пришла весна... За той весной сияет
Весна, еще весна. Промчалось пять лет.
Надгробный крест подгнил, и насыпь оползает,
Где юноша зарыт, едва увидев свет.
О нем забыли все; любовь родитель нежный,
Вздыхая, перенес на младших сыновей.
Товарищ молодой кончиною мятежной
Недолго волновал изменчивых друзей,
Как утренний туман он в памяти их таял...
Косясь на ветхий крест, могильщик говорил
Другому: "Мне отец Порфирий ноне баял -
Могилку эфту срыть, вишь дождик всю размыл!"
Весна живила все чарующим приходом,
Но каждая весна, под ясным небосводом
Даря свои мечты, даря свою любовь,
С уходом все брала, все скупо уносила.
И каждая весна, как новая могила,
Надежды хороня, цветы рождала вновь...

Апрель 1892

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

Баллада

Жил маленький принц в позлащенном чертоге,
Его осеняла с младенческих дней
Счастливая доля; не знал он тревоги,
Ни строгих упреков, ни робких детей.
Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг.
Прелестные рощи дворец окружали.
В душистой прохладе тенистых аллей
Из каменных гротов каскады журчали,
И шум их падучий был вихря звучней.
Над зеркалом вод, окаймленных цветами,
Мосты выгибали узоры перил.
Из вазы бассейна, сребрясь под лучами,
Фонтан поднимался и брызги дробил.
Все было забавой для юного принца:
Лужайки, и гладь серебристых озер,
И кроткие звери, под сенью зверинца,
Ему услаждали и тешили взор.
Где высились пихты на мягких пригорках,
Бродила кудрявых барашков семья,

Ручные лисицы в искусственных норках
Пугливо дремали, лукавство тая.
Под алой, попоной ушатый осленок
С веселой газелью неловко играл.
Задумчивый аист, и важен и тонок,
У плетня резного как сторож дремал.
Отбившись от рук замечтавшейся няни,
Царевич бежал к бессловесным друзьям.
К нему подбегали покорные лани,
И корм подносил он к их влажным губам.
Бежал он к озерам, где стройно темнели
Кусты молодые, теснясь в полукруг,
Где, быстры, как змейки, стекались форели
И крошки ловили из царственных рук.
Как весело было малютке теребить
Росою обрызганный куст у пруда,
Где вдруг был разбужен испуганный лебедь,
И шумно от крыльев вскипала вода.
Но только все чаще, асе больше с годами
Счастливого принца темнили мечты.
Он думал: зачем за моими садами
Возвысились стены, как вражьи щиты?
Те стены его ограждали от мира,
От гневной борьбы, от несчастных людей,
А принц жил для счастья: венец и порфира
Должны быть невинней небесных лучей.

Со взором ребенка, с душою поэта,
Смиренный наставник ему говорил,
Что там, за стеною, сокрыта от света
Толпа светозарных, таинственных сил.
Они ему ткут кружева на подушки,
И шелк для одежды, и ткань на ковры.
И феи оттуда приносят игрушки
Ему с недоступной, высокой горы.
“А можно их видеть?” – принц спрашивал робко.
“Нельзя, недоступно!” – он слышал в ответ.
И детским разбегом пробитая тропка
Все шире к стене пролагала свой след.
Чуть ветер вершины деревьев зарумянит,
Ребенок бежит к неприступной стене,
На цоколь статуи задумчиво встанет
И долго мечтает в немой тишине.
Какие счастливицы живут за стеною?
О, если хоть раз заглянуть бы туда!
И много видений лучистой толпою
В уме проплывают, бегут без следа.
И долго сидит у стены он, вздыхая.
Он мнит, что под вечер взойдет за стеной
Луна в небесах, но луна не такая,
Какую он видит всегда над собой.
А там, за стеной, суетою и торгом
Жизнь дико шумела, как в море гроза.

Он ждал, он кипел непонятым восторгом,
Уста улыбались, пылали глаза.
На пряжках чулок развязались банты.
Темнело. Туман поднимался с земли.
Вечернюю зорю играли куранты;
И звуки, как слезы, в затишье текли.
День снова ушел. Он, как прежде, не знает,
Что скрыл так ревниво стеною чертог?
Когда ж он загадку свою разгадает,
Когда же отпустят за темный порог?
И слышит в ответ он: увидит, поспеет!
Увидит, что скрыто за крепкой стеной
Тогда лишь, как пух над губой зачернеет
И ростом он будет с дубок молодой.
И вот над губою усы затемнели,
Он строен, он вырос с дубок молодой,
Заздравные кубки в чертоге звенели,
Приветствуя принца с расцветшей душой.
Но, чокаясь дружно ответным бокалом,
Улыбкой даря обольщенных гостей,
Принц нежною думой следит не за балом,
И ждет не дождется рассветных лучей!
Он жаждет увидеть желанное чудо,
Что скрыто стеною, как мраком завес.
Какие он перлы добудет оттуда,
Чем гордость насытит из мира чудес?

Он ждет и трепещет огнем лихорадки,
Он кудри пышной разметал по плечу,
Оправил плаща драгоценные складки,
И весь он сияет, подобно лучу.
По лестницам звучным принц шествует бодро,
Он рад, что дождался свободного дня,
И треплет коня горделивые бедра...
Вот шпорами брякнул, – и сел на коня.
Раскрылись стены. Принц едет – и что же
Он видит, свергая тяжелый запрет?
Как мало все это на грезы похоже,
На сны золотые младенческих лет!
Сырая дорога чернеет неровно:
У стен заповедных теснятся кругом
Какие-то камни, и щебень, и бревна,
Кирпич и рогожи, и кучи с песком.
В тяжелых одеждах поспешные люди
Снуют с озабоченным мраком лица...
Так вот о каком он загадывал чуде!
Так вот что скрывалось за парком дворца!
Он едет в селенье. Как мрачно! Заране,
Приветствуя славного принца приход,
Спешит в драпировки, гирлянды и ткани
Скрыть ветхую бедность тщеславный народ.
Но что ж не скрывает он копоть одежды,
Убогие дровни и жалких коней?

Царевич бледнеет, и меркнут надежды
Пред горькою правдой прозревших очей.
Так вот эти гномы, кем созданы парки,
Кем создан его величавый чертог.
Так вот эти феи, что слали подарки
К нему, чтоб он счастьем насытиться мог!
Задумчиво едет царевич обратно.
И грустно он входит под своды дворца.
Теперь ему стало несчастье понятно,
И нет ему счастья под кровом отца.
Он бархат свой роздал, он меч свой забросил,
Былые забавы постыли ему.
На лодке любимой не слышен плеск весел,
Не будит звук арфы вечернюю тьму.
Он чаще, все чаще чертог покидает,
Он учится жизни в иной стороне.
И радость былая дымится и тает,
Как воск ароматный на ярком огне.
Беднее одежда на ласковом принце,
Грустнее мерцанье стыдливых очей,
И перстень не блещет на белом мизинце:
Он голоду брошен в пучину страстей.
Принц темные кудри остриг; как невольник,
До ночи глубокой скрывается он,
Где жизнь и жужжит и хлопочет, как пчельник,
Как будто бы ищет умчавшийся сон.

И скоро покинут был принцем печальным
Дворец заповедный. Напрасно гонцы
Искали по странам, и ближним и дальним,
Надменно стучася в чужие дворцы.
Принц – сгинул! Исчез, как залетная птица,
В рассветном тумане... Как вздох отошел!
И если погиб он, то где же гробница?
И если живет он, то где же престол?
1897

ПОЭЗИЯ – БОГ³

Посвящается памяти

А. С. Слуцкого

Когда его судьба не мучила сурово
И в небеса мечты волшебные влекли,
Как часто повторял он с детства это слово:
“Поэзия есть бог в святых мечтах земли”.
Тогда он жизнь любил и веровал так страстно
В поэзию, в добро, в свободу и любовь,
Что даже родичи подшучивали властно
И на его восторг – нахмуривали бровь.
Он с ранних лет стал петь, все больше о небесном:
О вечности, любви, о грезах и цветах;
Он в мире не хотел исчезнуть неизвестным,
Кончина ранняя вселяла тайный страх.
Наивный юноша, он думал, что со славой
Богатстве и почет к нему вернутся в дверь,
И вот чрез тридцать лет, с мучительной отравой,
С отчаяньем в груди, терзается теперь.
Меж тем как где-нибудь в заброшенном селеньи
Счастливый юноша досужим вечерком
Восторженно твердит в его стихотвореньи

---

³ для редактора – это конец цикла «Балтийские ночи»

Созвучья легкие, склоняясь над столом;
Меж тем как стих его, затверженный украдкой,
Девушка юная строчит в альбом подруг
И говорит о нем в мечтах с улыбкой сладкой:
“Как счастлив, кто создал такой волшебный звук!
Должно быть, он красив и смелым взором ясен.
О если бы его увидеть, хоть вдали!..
И это потому, что мир мечты прекрасен:
Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”
А он, создатель строф, волнующих так нежно,
Певец восторженной любви и красоты,-
Нахмурен, голоден, одет всегда небрежно,
Не может выбиться из бед и нищеты.
Подруга, что, пленясь прекрасными строфами,
С ним разделяла жизнь, насмешливо ушла
И музу прокляла, игравшую сердцами,-
Затем что бедностью истерзана была.
Ей надоело жить в священных недостатках,
Блестящей прозой ее с ума свели;
И шепчет вновь она в алмазах и перчатках:
“Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”
Поэта же язвят то клеветой, то сплетней.
Укоры рвутся с уст и сердце боль щемит.
О, лучше б жизнь прожить глупей и незаметней,
Чем вечно ощущать позорный жар ланит!..
Вот и теперь идет он городом огромным;

Вновь скоро Рождество и скоро Новый год.
Морозит... Снег хрустит... И силуэтом темным
Поспешно тень его озябшая идет.
Повсюду суета... Движение на рынках...
Пред конками толпы, разносчики кричат
И машут новыми журналами в картинках.
Весь в белом инее Александринский сад.
Здесь бюстов много есть писателей-собратьев...
Счастливые! Им нет забот земного дня!
И крепко держит их мороз в своих объятьях,
Но крепче их металл – без крови и огня!
И, голову склонив, как бы пугаясь дали,
Певец “Светланы” здесь... Остановись, внимли!
Ты видишь письмена на сером пьедестале:
“Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”
А дальше в золотом шеломе Исаакий,
Адмиралтейства шпиц вознесся, как стрела.
Мороз крепчает все... Торопится не всякий.
И медленно толпа на Невский поплыла.
В редакции тепло. Свет льется из камина.
Конторщики гремят “рентгонкою”... Часы
Уныло тикают. К нему идет мужчина,
Изящен, надушен, закручены усы.
“У нас довольно есть из вашего... К тому же,
Редактор обещал не помещать стихов...
Авансы не даем: дела у нас все хуже!”-

Раскланялся, сказал: “pardon” – и был таков!
И вот поэт опять на улице холодной.
Движенье, суета... Зажглись огни вдали...
И едут, и идут... И мыслит он, голодный:
“Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”
Толкнулся в новую редакцию. В ней – то же.
И подозрительно курносый господин
Смотрел через очки, как будто думал: боже,
Уже не сыщик ли от кружковых дружин?
Зашел к приятелю... Тот хмурится – без денег,
Бранит издателей, пальто стащил в ломбард.
Опять схватил бронхит, бродя весь день без денег,
И не на что побрить проросших бакенбард.
И вот поэт идет к приятелю другому...
Тот – как сапожник пьян и потчует вином.
Напился и поэт. Идет, шатаясь, к дому.
И на ночлег попал он в полицейский дом.
Он бредит, он не спит, он брошен в яму волчью,
Косматые тела вокруг него легли,
И шепчет кто-то злой, с иронией и желчью:
“Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”
Сочельник... В окнах свет. Повсюду на витринах
Сверкает мишура для елочных прикрас.
Как шумно в улицах! Как людно в магазинах!
Трамваи движутся... Уже десятый час!
Нет денег ни гроша у бедного поэта,

Все строго косятся, смущаяся его.

И в озлоблении он думал: песня спета!..

Не нужен никому! Не надо ничего!..

И, грустный, он пришел в холодную каморку.

Насмешливо глядят портреты со стены,

Как будто говорят: глодай сухую корку!

Забудь, забудь свои осмеянные сны!

И, в бешенстве рукой бессильно потрясая,

Бросает он в огонь тетради прошлых дней

И говорит, смеясь: “Да, муза дорогая,

Поэзия есть зверь, пугающий людей!”

А ночь уже плыла над городом блестящим,

Спокойно ночь плыла над льдистой рекой,

Плыла над рощами, светила мерзлым чашам,

Светила кладбищу усопшею луной.

И там, на небесах, в созвездиях Медведиц,

В лучистом бисере, в сверкающей пыли

Серебряных миров, услышал песнопевец:

“Поэзия есть бог в святых мечтах земли!”

1900

«Вечерняя звезда, звезда моей печали...»

Вечерняя звезда, звезда моей печали,
Зажглася и горит меж дымных облаков,-
Навстречу ей огни земные заблестали,-
Огни труда, молений и пиров.
Но не для них мучительно и властно
В моей душе мечта пробуждена;
Земная ложь с мечтами не согласна
И песнями не тешится она.
Меня влечет звезда моей печали,
И песни ей пою я в полусне,
Ее лучи мне тайну нашептали
Иных огней в волшебной стороне,
Иных огней на алтаре небесном
Пылающих измученным очам
Земных борцов сияньем неизвестным,
Лишь в смутных снах являющимся нам...

ОСЕНЬЮ

Снова крепким ароматом отцветающего лета,
Словно ласкою забытою, пахнуло мне в лицо.
День осенний смотрит отблесками мертвенного света
И осыпал желтым листом, точно трауром, крыльцо.
С тихой жалобой и лаской и с мольбою покаянной
Я хотел склонить бы голову на любящую грудь,
Как склоняет ива ветки в пруд холодный и туманный,
Чтоб пред долгою разлукой о себе ему шепнуть.
Как осенний день, окутано туманами грядущее,
Назревающими соками развенчанной весны.
Только совесть – это солнце, это око вездесущее -
Смотрит с грустной улыбкой из сердечной глубинны.
1897

НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

У косогора за деревней,
Где деды лапотки плетут,
Есть, окружен оградой древней,
Последний праотцев приют.
Там ивы, тощи и горбаты,
Семьею грустной расцвели,
Могилы, временем пожаты.
Не всех жнецов уберегли.
Страдальцы спят, без хмеля пьяны;
Забыты горе и мечты.
Как были серы их кафтаны,
Так ныне серы их кресты.
Душа скорбит, тоской объята...
Вдруг – безымянные холмы...
Здесь разве брат отыщет брата,
Как милый образ в царстве тьмы?...
Здесь воздух полн очарований,
И в этой чуткой тишине
Как будто тысячи молчаний
Кипят и плещутся извне.
Да лист сухой, спадая с клена,
Прошелестит, к земле припав,
Да прогудит, как эхо стоны,

Пчела-работница из трав.
С весною силою волшебной
Жизнь вызывает теплота...
Вон там пушистой почки вербной
Белеет кокон у креста.
Пригретый – лопнул кокон нежный,
И пестрокрылый мотылек
Вспорхнул, и путь его безбрежный
Так лучезарен, так широк!
Из надмогильного покрова
Не пресмыкаться, а летать,
Он возродился к жизни снова,
Стал вольной волею дышать.
О, если б то же возрожденье
Вам, отошедшим, было вновь...
И сердце плачет от волненья,
Но плачет молча, как любовь...

«Мысли мятежные...»

Мысли мятежные,
Нет вам забвения
В мире, страдающем
Жаждой стремления.
Гордо подыметесь
К небу свободному,
Шумно опуститесь
К морю холодному.
Молнией вспыхнете,
Скалы изроете;
Чрево земное,
Как книгу, раскроете!
Звездами блещете,
Тучами таете,
Таймы нескромные
Разоблачаете!
Но за пределами
Мира заочного
Не успокоите
Сердца порочного;
Не разгадаете,
Мысли мятежные,
Страсти кипучие -

Тайны безбрежные!
И отчужденные
Светом живущего,
В мраке потонете
Сна всемогущего!..

1893

ДУША ПОЭТА

Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.
Там веет цветами
Забытого рая;
Там сырость могилы
И бездна земная.
Там два есть колодца
С кристальной водою:
С премудростью здоровой
И с ложью больною.
Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокочет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.
Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампы,-
Скрываются в норы
И змеи, и гады.
Пещера сияет,
Как храм величавый,
И небо в ней блещет

Нетленною славой.
Узорами радуг
Свивается плесень
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Июнь 1897

«К тебе, у твоего порога...»

К тебе, у твоего порога,
Я постучался, ангел мой,
Но ты гостил тогда у бога,
В его ложнице голубой.
Ты ткал воздушные одежды
Из радуг, солнца и луны.
Мою любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!
И, грустью новой опечален,
Вернулся я с твоих высот,-
Бродить среди земных развалин,
Во мраке горя и забот.
И встретил гения иного,-
Он был не ты; угрюм и зол,
Не зная неба золотого,
Сквозь гром и пламень он пришел!
Он завладел душой морю,-
Земного торжища дитя,
И вновь молиться я не смею,
И вновь не смею жить шутя.
Как тень, блуждаю я над бездной
Без упования к мечты.
Но ты покинул мир надзвездный,

Ко мне возвал из суеты!
С небес принес свои скрижали,
Вещая проповедь добра,-
Но я в борьбе, но я в печали,-
Не мне сияние утра!
Меня слепят твои одежды,
И улетают, смущены,
Моя любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!